

**WE STAND WITH
UKRAINE!**

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ВПРЯК

3 (27) 2023

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 3 (27) 2023

Бостон
2023

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

Published by **M•GRAPHICS | Boston, MA**

ISSN 2575-9558

Copyright © 2023 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For any information about obtaining permission to reproduce selections from this publication, email or call to the publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778 or editor-in-chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

Printed in the U.S.A.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(Франция)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(Германия)
МАРК ВЕЙЦМАН	(Израиль)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(Англия)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(Дания)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Дорогие читатели!

Мы продолжаем подписку на журнал на 2023 год (4 номера).
Для получения всех номеров выпишите чек на сумму **70 долларов**
(почтовые расходы по США включены) на имя компании-издателя:

M•GRAPHICS

Вложите чек в конверт и отправьте по адресу:

Mr. David Guy 97-07 63rd Road, Apt. 11H Rego Park, NY 11374

Телефон для справок: **646-270-9615**. Спасибо!

Вы также можете оформить подписку на нашем вебсайте:
vremena.mgraphics-books.com/subscription

Наши зарубежные читатели теперь имеют возможность оформить
подписку на журнал на нашем сайте с онлайн-оплатой:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

Стоимость подписки на год для зарубежных читателей
(включая доставку) — **US \$80**

СОДЕРЖАНИЕ

ФРОНТ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Светлана НОВИК

ИСТОРИЯ ВЫЖИВАНИЯ 7

ПРОЗА

Лада МИЛЛЕР

КАПКАН 23

Михаил ЛЕБЕДЕВ

ДО СВИДАНИЯ, МАЛЫШ 27

Борис САНДЛЕР

МАФУСАИЛ И НЕХАМА. 92

Ксения КИРИЛЛОВА

ОШИБКА ЭФРОНА (ФРАГМЕНТ РОМАНА) 105

Марианна РЕЙБО

ТРАНЗИШН 136

Роман СОЛОДОВ

ЛЕДИ ОКСАНА (ГЛАВА РОМАНА) 187

ПОЭЗИЯ

Павло РЫЦАРЬ	12
Валерий СЛУЦКИЙ	75
Анатолий БЕРЛИН	86
Борис КАМЯНОВ	130
Григорий ОКЛЕНДСКИЙ	263
Геннадий МИХЛИН	282

ИМЕНА В ЛИТЕРАТУРЕ

Франц КАФКА <i>АФОРИЗМЫ</i>	211
--	-----

ПЕРЕВОДЫ

Фурио БОРДОН <i>ПОСЛЕДНИЕ ЛУНЫ</i>	215
---	-----

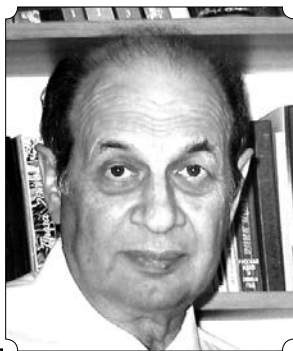
НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Юлий ЗЫСЛИН <i>ПАСТЕРНАК И МУЗЫКА (ФРАГМЕНТ КНИГИ)</i>	270
---	-----

С УЛЫБКОЙ И ВСЕРЬЁЗ

Виктор ДАЛЬСКИЙ <i>САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ</i>	289
--	-----

Семену Резнику — 85!

Редакционный Совет журнала «Времена» сердечно поздравляет нашего коллегу, замечательного писателя, историка, публициста Семена Резника со славной датой.

**Здоровья, благополучия,
творчества, дорогой друг!**

ДОРОГИЕ ПОДПИСЧИКИ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА

Сотрудникам редакции журнала и издательства М•Graphics, готовящим журнал к публикации и печати, всегда важно знать, что о журнале думают его читатели, нравятся ли им публикуемые материалы и их подбор, а также оформление журнала.

Ваши отзывы о публикуемых материалах помогут другим читателям обратить внимание на те публикации, которые они по каким-то причинам пропустили и, возможно, послужат начальным толчком в написании своих отзывов на острые полемические материалы.

Мы приветствуем ваши пожелания и замечания, направленные на улучшение журнала, на расширение диапазона публикуемых материалов, а также на улучшение нашего сайта и присутствия журнала в интернете.

Все приходящие в редакцию и издательство пожелания и замечания внимательно изучаются, отзывы о публикуемых материалах будут помещаться в последующих выпусках журнала и на нашем веб-сайте для всеобщего ознакомления. Не забудьте указать ваше имя, город (штат) и страну вашего проживания.

Мы также просим вас сообщать нам о всех случаях неполучения или поздней доставки журнала — мы принимаем все доступные нам меры по исключению таких досадных сбоев.

Ждём ваших писем!

<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-editor>

<https://vremena.mgraphics-books.com/contact-publisher>

Светлана НОВИК

ИСТОРИЯ ВЫЖИВАНИЯ

10 марта 2022 года подтвердилось самое страшное: наш город в блокаде. Кто не успел эвакуироваться, горько об этом сожалели. Мосты через Десну разрушены, и вырваться можно было только вплавь, или используя лодки. Но разве можно было совершить такое бегство под непрерывными обстрелами «Градов» и авианалётами? Чудовищно верещали сирены, загоняя нас в подвалы из высоток. Вы представляете себе весь ужас, когда над загнанными под землю людьми раскачиваются все девять или двенадцать этажей бетонной массы? Мозг сверлила мысль: а что, если в следующую минуту меня уже не будет? Меня, моих соседей с их испуганными детьми, кошками и собаками растерзает, сотрёт в пыль. Нас всех, таких живых, любящих, но беспомощных под кошмарным шквальным огнём, завалит бетоном, металлом, стеклом...

Передышки были так коротки, что мы не успевали подняться в свои квартиры, чтобы умыться и что-то перекусить. И снова волчий вой сирены. В темноте и спешке мы бросаемся в бомбоубежища, выдыхаем горечь на первых ступеньках и цепенеем от ужаса. Вой отдаляется. Кто-то достаёт фонарь, кто-то хочет глотнуть воды, но не может — так сжато судорогой горло. Мы живём в самом центре Чернигова, а вот что случилось на его окраине.

На востоке Чернигова находится огромное кладбище Яцево, его площадь 110 гектаров. Оно входит в десятку самых больших кладбищ Украины. При входе был построен Храм святителя Феодосия в 1990-е годы. Когда началась война, многие жители этого района прятались в стенах храма, надеясь на крепость его стен, но ещё больше верили в защиту святого Феодосия, покровителя нашего города. Силу этой веры подкреплял ещё тот факт, что вакуумная бомба ФА-500 упала в просторный двор Троицкого собора, но не взорвалась! А в нём хранились мощи святого. Черниговцы повторяли, как мантру, этот рассказ.

13 марта неистово взвыла сирена, и жители побежали в открытые двери храма, крестясь и проклиная орков. Проклиная тех, кто разрушал их мирную жизнь. Священники молились и читали псалмы, и в них красиво так пелось, что всякий человек — храм Божий, и прямое назначение его быть ангелом на земле и небесным человеком. Бомбы и ракеты ложились всё ближе, и многие воскликнули: рашисты бомбят кладбище! Они воюют с мёртвыми! Мозг изо всех сил сопротивлялся отображать суть реальностей. Церковь трянуло, и все свечи погасли. Зазвонил сам по себе колокол, призывая варваров к порядку.

Кто-то из темноты предположил, что бомбят центральную Аллею Героев. Так оно и было. Громыкнуло прямо над куполами, крыша заскрежетала, а стены загудели и начали трескаться. Страх сковывал так сильно, как цемент, язык присыхал к нёбу, а руки и ноги немели и стали непослушными, как никчёмные деревяшки. Господи, надоумь, что делать? Или выбежать под выстрелы или остаться здесь и задохнуться под руинами? Этот убийца улетел, и лёгкий ветерок облегчения вырвался из груди и побежал по выдохнувшим рядам, а людей было около ста. Надежда была дарована ровно на минуту. Самолёт сделал разворот и взревел совсем рядом.

— Всем выходить! — крикнул священник и стал помогать подняться пожилым. Люди бежали от церкви, падали между могил и, вжимаясь в мёрзлую землю от ужаса, спасались за надгробиями, закрывали собой детей, просили защиты у мёртвых. Ползли дальше от зловещего грохота, который настигал осколками, кирпичами и кусками металлической ограды. Кресты и памятники расшатывались маятниками, казалось, чудовищная адская сила выталкивает их из-под земли. Взрывная волна подхватила колокол и понесла его ввысь. Он летел и гремел проклятиями. Это видели те смельчаки, которые смогли победить страх и оторвать головы от земли. Летели памятники, кресты и обгоревшие иконы. И среди обломков в удушливом от гари и дыма воздухе поднялась стая жёлто-блакитных птиц. Люди забыли, что надо прятаться, что надо спасать себя — так были прикованы к этому необычному зрелищу. Цветные птицы сгорали в воздухе, опускаясь на вдавленных в землю между могил людей горячим пеплом. Эти горящие птицы — флаги с Аллеи Героев. У каждой могилы героя был страж — флаг. Храм разбомблен...

Контуженные, раненые, перепачканные в крови и в жухлых травах, иссечённые осколками, люди медленно подходили к гигантской развалине среди обломков стен и просто не верили очевидному: все до

единого спасены. Спасены! Храм святого Феодосия вобрал в себя их смерти.

Мне снится брат, погибший 10 лет назад и похороненный на Яцево. Его лицо неузнаваемо перекошено от невозможности осознать случившееся. Что у вас такое происходит? Расскажи! — кричит он. — Почему вы отбираете у нас покой?

Я сплю и плачу, просто умываюсь слезами. Солёность пропитала мои варежки, свитер и куртку, ведь я сплю в тёплой одежде, чтоб хоть немного согреться. Прости, брат! Я не могу объяснить это тебе, себе и своему коту Сократу. Просто не умею...

Чернигов, Украина

* * *

Мне пишут друзья из Европы и спрашивают, как мы живём? Мои славные, мы вибрируем на острой грани жуткого реала в подвешенном состоянии над пороховой бочкой. Но, как ни странно, такое возбуждённое состояние — это тоже жизнь. С обострённым чувством опасности и драйва. С отменой всякой демократии и гуманности за ненужность. Целая страна упала в ту страшную бездну, где ненавистью перемальваются в труху людские судьбы и само понятие человечности.

Вы слышали, как мать оплакивает юного сына, у которого могла быть счастливая семья, любящие дети и многие таланты сделать Мир лучше и любезнее. Но у него отняты все эти возможности, просто была юность, смелое сердце и чувство долга. Мать обнимает гроб и зовёт сына домой, за стол. Так зовёт, будто из неё вынимают живое сердце. Исступлённый крик боли, от которого содрогается небо и плачет сам Бог. Трагедия для родителей и страшная утрата для Вселенной. Она рассчитывает на каждого рождённого, что именно он привнесёт в лучистую ауру Земли свет своей души, но свет оборван вражьей злобой. Мы хороним своих мальчиков. Хороним музыкантов, архитекторов, агрономов, строителей, учёных... Нет ничего страшнее в этом мире, чем хоронить своё будущее. Вчера, сегодня, завтра...

Вы смотрите на ворох веток и думаете: вот куча мусора. Мы смотрим и думаем: это тепло огня, горячий чай, еда — то есть продление процесса эволюции. Сама жизнь. Вы смотрите в сугроб снега — бррррр, холодно! Мы видим много воды. Вода в любом виде — это еда и опять-таки это жизнь! Миф, что вода живая, обретает реальную форму. Вода — это чистота тела и жизни. И мы, жители высоток, помним то время, когда

ходили в туалет в пакеты. Вода может смыть страх, утешить тело, снять боль и доставить радость. Мы сейчас часто употребляем ёмкое слово ЖИЗНЬ, главнее его и радостнее нет ничего во Вселенной. Так хочется, чтобы это поняли все братья земляне!

Вы смотрите в небо: пространство, свобода, воля божьего промысла. Каждое облако, летящее в глаза — целомудренные очертания ангела, многоликие образы Бога, птицы сотворения света. Мы видим угрозу, дьявольский рёв разрушений и смертей. Небо страшит, ибо оно заодно со смертью. Моей, твоей или его.

Когда завывает сирена, жизнь замирает, всё приостанавливается, ничего не работает. Мы возвращаемся из ревущего Чернигова на машине. На трассе спрятаться негде. Надо в себе зажать панику и ехать. И вдруг замечаем пожилых людей, собирающих кукурузу на поле фер-

Расстрелянный ангел Чернигова

мера. Их пёсик вжался в землю, ползёт под куст и дрожит от страха. Фермер убрал урожай, но кое-что осталось.

— Как вам не страшно? Вы слышите этот вой? Глупо погибнуть из-за кукурузы!

— Мы привыкли, — отвечает старушка. — Воет и воет... а вот без кормов скотинка голодать будет. Снаряды такие дорогие, неужто по полю бахать начнут?

У каждого своя философия борьбы со страхами. После отбоя слушаем новости. Они безрадостные. Северную часть Черниговской области обстреляли из «Градов». Пострадали дома

мирных жителей. В селе Елено в погребке накрыло всю семью, погибло четыре человека, пятого удалось спасти. Как это безумие остановить?!

Бог сотворил человека. Но инициативу давным-давно перехватил дьявол и стал вытворять людей по своему образу и подобию. Ах, если бы все дьявольские усилия и упорство за все эти эпохи направить на созидание и развитие! Не на орудия пыток и разрушений.

Вот так живём мы. Душой, логикой, тезисами этики этого не понять. Но надеюсь, что вы поймёте...

ОБ АВТОРЕ

Светлана Новик родилась в Могилевской области (Беларусь). Закончила Витебский государственный университет и получила диплом филолога. Работала учительницей. После замужества переехала в Чернигов.

Творчество прозаика и поэта Светланы Новик по достоинству оценено в Украине. За книгу воспоминаний детей войны «Расстрелянное солнце», повесть-сказку для подростков «Дар предков», исторический роман «Проклятие белого лебедя», а также за популяризацию украинской литературы в Беларуси, она награждена Международной литературной премией имени Николая Гоголя «Триумф». Удостоена и других литературных премий.

Павло РЫЦАРЬ
ФРОНТОВЫЕ СТИХИ И НЕ ТОЛЬКО

* * *

был месяц май — когда-нибудь скажу —
трава была по-юному упруга
но проникал озноб под паранджу
твоей военной выправки подруга

ещё витает пыли тонкой взвесь
ещё остыть воронка не успела
из поселян никто не выжил здесь
по щедрой мере братского обстрела

ютясь под свод надворного стола
в противовес кромешному кошмару
на свет детей дворняга привела
и померла с хозяином на пару

щенки кургузо топчутся
визжат
как мёд-сестра как благостная мать им
ты обнимаешь этих салажат
ничуть меня не жалуя объятьем

всё от того — сугубая война
так без вины
так многое горит в ней
толика ласки наперво важна
необходима тем кто беззащитней

* * *

мало в тебе отприродного
много ль —
нарния разума
сердца анклав
если в тебе спит застенчивый гоголь
мёртвые души по-детски обняв

может когда ты прибудешь на ужин
может к министру
к холопу его
пусть ты не коля а скажем егор
будет в тебе борзописец разбужен

всё разглядишь ты как птица в полёте
в каждом заметишь просчёт и надрыв
будешь ты выставлен к чёртовой тёте
к хамским отродьям уста отворив

хлёстан дождём
ли изгваздан порошей
схожий с кленком что листвой поредел
всем паразитам чумной-нехороший
примешь цикутовый писчий удел

скрипнув из всехних скрипичных уключин
ведьма-ветла прогундосит как брань:
только тебе некрономикон вручен
впредь лишь тебе наполнять его всклянь

с этой поры неопратноволосы
вдоль твоего грозового пути
мёртвые
стиснув костяшками косы
свой караул станут молчно нести

* * *

ноябрь
у погоды повадка алися —
то няшно
то дождек берёт на испук
деревья роняют какие-то листья
какие-то мысли вселяются вдрук

вдоль веток от беличьих шустрых мордашек
бывает проходим потешно слегка
твой тут же — глядишь — очинён карандашек
и чем-то дневник заполняет рука

пройдёт миллион или больше мгновений
какие-то твари из дальних миров
найдут дневничок твой
и скажут что гений
скрывался под именем вася петров

под хрюки и вопли их радасна-гулки
под чепчики их возметённые ввысь
на донце какой-то хрустальной шкатулки
твой опус уронят со звуком «хлобысь»

по властному взмаху их суперсенсея
отправятся твари в обратку
визжа
что их не напрасна была одиссея —
в активе стихи и скелетик ежа

* * *

Ты, как водится, чуть влюблена.
Безупречна риторика дивы.
Я живу на планете «Война».
Мне привет от планеты «Мальдивы».

Надо мной мотыляется дрон —
чёрный ворон, взалкавший поживы.
Твой парфюм, ферромономедрэн,
пробуждает в пижонах порывы.

Всё же помнишь меня, всё же по...
Мнишь, поди-ка, что мне до терзаний.
Мой трамвайка желаний в депо —
не ему распушить хвост фазаний.

Твои ночи неоном горят.
Твои смехи, как прежде, искристы.
Дарят птахи распевные свисты...
Мне свистун — лишь российский снаряд.

Недолёт-перелёт, и ага —
следом, может быть, тот, кто — за мною.
Мне твои без нужды берега.
Пусть когда-то и снились, не скрою.

Недовыбрит, немолод, нестар,
отрешённый, почти святолицый,
я врастаю по грудь в Соледар.
Потому, что я — соль сей землице.

* * *

в прифронтовых полях не сжаты
стоят понурые хлеба
гниют расклёваны буряты
испив до дна судьбу раба

не скобари не гречкосеи
но иже с ними — под ружьё
сыны побочные рассеи
а пуще — пасынки её

* * *

спит рыцарь взирая видения сладки
морфеем влеком
его свитой несом
и шум на булыжник журчащей лошадки
живительным ливнем вторгается в сон

бедой как водицей утроба колодца
сочится минута о том что вблизи
к посту муравой юный варвар крадёнца
дождётся ли рыцаря крошка лиззи

а то ли прошаря укромы порточек
навек уснувшего
вражий пострел
присвоит тот шёлковый синий платочек
с изящно расшитою буквой эЛ

* * *

к югам уносят гуси фуа-гра
сошла теплынь
а стало быть
пора
дары садов медовые повеив
поддеть портки и сподник меховые

разнафталинить прочие меха
дерзя в октябрь
мол сука и ха-ха

их — таковых — стесняемся и прячем
перемежая стих котом горячим
горячим кофе
плавленной печалью
сколь путь далёк ко вешню изначально

СИНИЙ ЭЛЕКТРИК

Кошка приникла к экрану окна.
Часики выбили восемь.
Кошка заочно в фонарь влюблена,
мерно бросающий оземь
круг световой под заливистый вой
с цепью порвавшего ветра.
Наскоро чуть подкрепилась халвой
в кухоньке девочка Вера.
Сладкие крошки усеяли пол —
плитка прилипчива малость.
Вере намедни десятый пошёл.
(«девять» в часах отстучалось)
Выросла за год отсель и досель —
синие меты на стенке.
Папа в гостиной насилует ель,
мама жжёт мясо и гренки.
Телек рекламой вовсю дорожит.
(десять ударов коротких).
Бабушка Таня, надеясь дожить,
мацает в креслице чётки.
Свет обречённо моргнул и погас.
Не дозвониться в контору.
Часики бают одиннадцать раз.
Блики от свечек — на штору.
Где-то на линии, в ватник одет,
чуть с Санта-Клаусом сходен,
синий электрик, подправивший свет,
принял сто грамм, и свободен.
Снова из ящика — праздная муть.
Царь поправляет обличье.
Надобно подданным ловко ввернуть
патоки в праздничном спиче.
В стойку — Самара и Суздаль, и Тверь.
Бьют все часы в одночасье.
Девочка Вера, ты, главное, верь, —
после двенадцати — счастье!

ИМБИРНЫЙ ПОЛУСВЕТ

в тот странный год я был безбожно сед
поздней вернулась сепия кудрений
бессрочный пёс понурый куклоед
всё подмерзал и жался в бок олений

(олешка скроен наскоро и вкривь
из вымершей дублёнки щедрой тёщи
издалека как будто злобно-тощий
а на поверь услужливо-тигрив)

приметил я
на дню раз кряду пять
когда решал
поближе подойду-ка
пса и мутанта было не разъять
не разобрать где чья какая штука

часть симбиоза длилась под столом
часть под диваном втиснута внатужку
ведь лето всё решиться не могло
прожектора врубить на всю катушку

в окне мерцал имбирный полусвет
июнь с июлем слиплись в грязевое
в тот страшный год я был фатально сед
как на расстрел доставленный конвоем

довлел рефлекс
как стало быть убьют
и не прознать концовки мыльной саги
я отворял наливку цвета брют
жёг самокрутки в рисовой бумаге

мотал искусно дым на провода
открыл талант к гаданью на окурке
и по щеке струилась иногда
ладошка кроткой призрачной дочурки

и левый глаз и правый дочин глаз
меня жалели
каждый чуть иначе
отрез земли искромсанный на дачи
в кисель имбирный беспробудно вяз

выёживались патрубки берёз
вдоль них и наподобие трамвая
в поднебье календарь родную вёз
и гнался я
всё больше отставая

мне слышалось фальцетно
не кури
но я ещё не смел уметь иначе
и брали в клещи меркнущие дачи
и жёлтодушно тлели фонари

* * *

Будет день и ласковый, и кроткий.
Не таков, как рёк о нём пророк.
Добрый Бог нехитрою лебёдкой
не спеша, запустит Рагнарёк.
Время — вспять. Откатаны в обратку,
изойдут огрехи в никуда.
Помнишь, мы поставили палатку?
И весь отпуск сеялась вода.
Лишь вначале, солнце, как целуя,
нами любовалось от души...
В эту былль с тобою вновь войду я.
Не страшась.
Как ветер в камыши.

* * *

в дошкольные годы
шалил я по-мелку
у лука
зелёную выдернув стрелку
я
меткий стрелок
сантиметров со ста
стрелюю от лука
таранил кота
тот
нервно отведав
индейский мой норов
взрывался тирадою
полной укоров
упрёков
угроз
недовольств
и молеб
и я
повинившись
развенчивал хлеб
увенчанный прежде
колбасным отрезком
что было коту
покаянием веским
и великодушно
прощая мне грех
кот сыто урчал
на меня и на всех

* * *

нынче кромкой закатной пойду
от неспешья усядусь на пень я
вспыхнет прелостью полог в саду
вспухнет прелостью миг предупенья

сквознячишко игриво-жесток —
редколистью остаться бы вживе
а и сам я ведь чем не листок —
календарный —
почти на отрыве

зафлиртую как есть во плоти
я с бесплотностью зябкой предпочья:
на излёте меня подхвати
не позволяй исцарапаться в клочья —

у звездулек булавки-глаза
ни азарта ни форта ни мочи
без луны как — в колоде — туза
отыгратья тропинке у ночи

* * *

Мой ангел, я наверное простыл —
холодная весна вредна поэтам.
Вот, голосом подхрипшим и простым
надумал сообщить тебе об этом.

Не жалуясь ничуть. А впрочем, да, —
целителен пригляд твой Санчо-Пансов.
Семь разделяют наши города
и тысяч вёрст, и хронодиссонансов.

Ты ближе к солнцу, к будущему дню.
Поди, рассвет там впился в свод как овод.
Скажи, мой друк (я в тайне сохранию),
что день грядущий хилому готовит?

Что на кону? Где мир, а где война?
Шепни, мольбу прервав и встав с колен, ты.
И почему любовь упразднена
из новостной кроваво-серой ленты?

Боюсь, скользнёт — пропажею — в Тибет —
сей мой вопрос, утерянный и ране:
когда, мой свет... как скоро я к тебе?
Жизнь коротка. Не терпит опозданий.

ОБ АВТОРЕ

Павло Рыцарь, ранее публиковавшийся под псевдонимом Павло Палад, украинский поэт.

Родился в Киеве в 1968 году, окончил Киевский Политехнический институт в 1992-м. Специальность — инженер электронной техники. Учился в аспирантуре, работал по специальности в НИИ при КПИ по 1997 г. С 1997 г. — предприниматель.

Стихи начал писать в 2006. Его поэзия публиковалась в журналах «Новая реальность», «Витражи», «Дактиль», антологии «Интерреальность» и других. 25-го февраля 2022 года, на следующий день после полномасштабного вторжения российских войск в Украину, он записался добровольцем в ЗСУ и отправился на фронт защищать родину от российских оккупантов.

Лада МИЛЛЕР

КАПКАН

РАССКАЗ

Старый Лис повёл носом, постоял недолго, пошёл по сухой листве, осторожно перебирая лапами, чуть прихрамывая на правую заднюю.

В последние дни запахи в лесу стали иными. Каждую осень так, больше пахнет человеком, чем лесом.

Но и это изменится, лишь выпадет снег, скорей бы.

А пока — самое главное — обходить капканы.

Старый Лис выглянул из-за ствола, впереди прогалина, за ней берег реки, в реке рыба.

Капканы — это такие штуки, в которые легко попасть и нелегко выбраться. Однажды ему повезло. Это случилось несколько осеней назад, он тогда был не старым лисом, а молодым, сильным и глупым.

От капкана пахло куриной косточкой, в тот день Лису не повезло на охоте, и он был голоден, его живот прилипал к спине, а в ушах позванивало.

Если бы не толстый сучок, оказавшийся в капкане вместе с его лапой, то Лис никогда бы не состарился, а умер молодым.

Когда капкан щёлкнул зубами, лапа сначала дёрнулась, а потом онемела от боли, толстый сучок не дал захлопнуться стальным челюстям до конца. Не дал откусить лапу. Пришлось её выдёргивать, вытягивать, рвать кожу и сухожилия, чтобы выбраться.

Кровь растекалась по снегу, она была тёплая и пахучая, Лис боялся не боли, он боялся крови, боялся, что на её запах придут волки. А волк — это зверь непонятный, никто не знает, что ему может прийти в голову голодной зимой, при виде издыхающего Лиса.

Когда Лис подумал про волка, он ещё сильнее дёрнул задней правой и освободился, побежал, петляя, оставляя кровавый след.

В ту зиму Лис спасся, но с тех пор капканов в лесу стало не меньше, зато он очень хорошо помнил, как пахнут их зубы, и чуял опасность заранее, по крайней мере, он в это верил.

* * *

Главный режиссёр театра Иван Ильич Перегудов был человек молодой, амбициозный, не очень смелый, но смекалистый.

По крайней мере, он в это верил.

Когда к нему пришли люди в одинаковых серых пальто и предложили уволить народного артиста Голубева, известного возмутителя общественного спокойствия, открыто выступающего против специальной военной операции, главный режиссёр сразу понял, что это не предложение, а приказ, а приказы надо подписывать размашисто и чётко, что он и сделал в тот же вечер.

Чтобы унять творческий зуд, Перегудов по собственной инициативе внёс в приказ фамилию жены Голубева, здраво рассудив, что муж и жена одна сатана, а от сатаниста до нацика один шаг.

На следующий день весь театр гудел, обсуждая последнюю новость.

Голубев и его жена узнали про увольнение из социальных сетей, прочитав утренние новости перед тем как отправиться на работу.

Коротко выматерившись, Голубев приказал жене оставаться дома, а сам помчался к главному.

— Иван! — он ворвался в кабинет в распахнутом пальто, без шапки, с перекошенным лицом. — Ты что творишь, Иван?

Перегудов скривил губы, вышел из-за стола, протянул руки.

— Ты пойми, Голубев, у меня не было выбора.

— Что значит — не было выбора? Остаться человеком несложно. Не подличай, не воруй, не убивай. Остальное спишется.

— Так я и не убивал.

— Ты не убивал? Разве тебе неизвестно, что кто не против, тот за?

— О чём ты?

— Я же знаю, Перегудов, ты же тоже против войны. Потому что, если ты не против — на тебе кровь, так и знай. Не отмоешься потом.

— При чём тут война? При чём тут кровь? Ты пойми, Голубев. Война — вещь абстрактная. А конкретное — вот: на мне судьбы, да что там судьбы. На мне жизни сотен, а то и тысяч. Артисты, их семьи, рабочие сцены, осветители, уборщики наконец. Сценаристы, режиссёры. Зрители, да-да. И наш московский зритель — тоже на мне. А ты что предлагаешь? Подставить их всех под удар? Ну пожалею я тебя. Оставляю

в театре. Ненадолго, ты же понимаешь. Они всё равно своего добьются. Даже если я уйду вместе с тобой. Театр-то останется. И что? Что будет со всеми, за кого я отвечаю, а? Об этом ты подумал?

Пока Перегудов разглагольствовал, расхаживая по просторному кабинету, Голубев смотрел на него со всё возрастающим удивлением, а под конец и со страхом.

С каждым следующим словом Перегудов становился будто меньше ростом, передвигался всё больше боком, горбился, прятал лицо. В конце концов главный режиссёр вдруг встал на четвереньки, выскользнул с этаким вывертом из дорогого костюма, да так и остался стоять кверху задом, весь какой-то излишне волосатый, а вернее сказать, с ног до головы покрытый коротким рыже-пегим волосом, сама же голова стала совершенно лисьей.

— Да что ж это такое, Ильич? — пробормотал обалдевший Голубев. — Это что ж с тобой стало, а? Был человек и...

Перегудов, к тому времени окончательно «озверев», выгнул спину, вспрыгнул на стол, прошёлся по важным бумагам, пристроился было даже на них нагадить, но помешала секретарша Леночка.

— Иван Ильич, — сказала она, распахивая дверь, — я стучу, стучу. К вам тут...

Перегудов повернул лисью морду на голос, ощерился, Леночка ахнула и повалилась на бок, роняя бумаги.

Голубев вытер со лба холодный пот, кинулся к было к Леночке, но Перегудов снова заговорил, пришлось остановиться.

— Слышь, Голубев. Ты это... Ты погоди убежать. Что-то мне нехорошо. Погляди-ка, что у меня с ногой. Вернее, с лапой. Чёрт. И как это я вляпался, а?

Бледный Голубев подошёл ближе, всё ещё не веря своим глазам.

Огромный, серо-рыжий лис с неприятным оскалом и резким запахом из пасти, сидел на столе, его правая задняя нога прочно застряла в капкане.

Кровь растекалась лужицей по важным бумагам, вот уже и на пол капает.

Лис Перегудов протянул жалобно:

— Не пойму я, откуда тут капкан? Талант, творчество, всё при мне. Жил правильно. Людям помогал. И вдруг — капкан. Помоги, Голубев. Человек ты или нет?

Голубев протянул руку, ну а как тут не помочь? Но Перегудов не смог удержаться и укусил его.

* * *

Старый Лис насторожился.

Ветер донёс знакомый запах. Ещё и голоса. Охотники, ненавистное племя.

Пора уходить из этого леса, совсем от людей житья не стало.

И умный зверь попятился, пошёл обратно, принохиваясь, обходя опасные места.

Правая задняя заныла, напоминая об ошибках молодости.

— Никогда больше, — подумал Старый Лис. — Зря ли я умнее их всех?

Он вышел из чащи и побрёл вдоль реки, прячась в невысоких посадках. Несмотря на смекалку и суровый жизненный опыт, Старый Лис всё ещё надеялся найти новый лес, без людей и капканов.

— Хорошо хоть, — ворчал он, уходя, — я родился лисом, а не человеком. Небось, человеком ещё страшнее. Да и капканы у них похитрее будут. Что, не так?

И путливые сойки вскрикивали, соглашаясь.

ОБ АВТОРЕ

Лада Миллер родилась в Новгороде, с 1991 по 2002 жила в Израиле, с 2002 г. живёт в Канаде. По профессии врач-ревматолог.

Миллер — прозаик, поэт. Автор четырёх книг. Лауреат премии Эрнеста Хемингуэя, 2020 год, журнал «Новый Свет», Торонто, Канада (малая проза, книга «Мурашки для Флейты»).

Дипломант германского международного литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая книга года», 2022 год (роман «Заговорённые».) Дипломант Международной литературной премии имени Марка Твена, 2022 год, (роман «Заговорённые»).

Рассказы, повести и стихи печатались в журналах «Знамя», «Невский Проспект», «Дальний Восток», «Этажи» (Россия), «Южное Сияние» (Украина), «Новый Свет» (Канада), «Литературный Иерусалим» (Израиль), «Эмигрантская лира» (Бельгия), а также в интернет-журнале «ЛИТЕРАТУРА» и на литературном портале #Textura.

Михаил ЛЕБЕДЕВ
ДО СВИДАНИЯ, МАЛЫШ

СОВРЕМЕННАЯ ВОЕННАЯ ДРАМА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ
ИСТОРИЯ ПРО ИСТОРИЮ, КОТОРОЙ МЫ ДОСТОЙНЫ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

СТАРИК
МАЛЬЧИК
ГЛИНА

ДЕВУШКА
ОФИЦЕР
БОЦМАН

МАМА

Деревенский дом с прилегающим к нему двором. Примерно наши дни. Сквозь всю ткань спектакля в качестве музыкального фона периодически звучит тема песни «Я буду там» группы «Агата Кристи».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
СЦЕНА ПЕРВАЯ

В отдалении постоянно слышатся отзвуки большой войны. На стенах тёмной комнаты играют блики от огня буржуйки. За столом с горячей керосиновой лампой сидит Мальчик, рисует в тетради. В комнату входит Старик, складывает у печки принесённую охапку дров.

МАЛЬЧИК. Котика не видел?

СТАРИК. Не видел. Придёт твой Котик, никуда не денется.

МАЛЬЧИК. Денется. Пёсик же делся.

СТАРИК. Шальной у нас Пёсик был, беспокойный. Такому деться, что сметаны объесться.

МАЛЬЧИК. Я забыл, что такое сметана. Ты говорил, а я забыл.

СТАРИК. Ну, это белое такое, густое, вкусное. Собачки очень любят.

МАЛЬЧИК. Собачий корм?

СТАРИК. Можно и так сказать.

МАЛЬЧИК. Нарисую, как Пёсик ест сметану. Вот здесь, рядом с мамой, у колодца.

СТАРИК. Рисуй, рисуй. Хуже не будет.

МАЛЬЧИК. А мама высокая была? Выше тебя?

СТАРИК. Нет, пониже.

МАЛЬЧИК. А я хочу, чтобы выше.

СТАРИК. Ладно, пусть выше. Может, я и забыл уже. Ты рисуй, рисуй — всё что помнишь, рисуй, что во сне видел, рисуй, Котика, Пёсика — всех рисуй. А как срисуешь карандаш, у меня ещё один есть, хоть жёлтый, так что ж, и жёлтым можно рисовать. А потом мы на забор все твои рисунки повесим — выставка будет, люди мимо пойдут, смотреть станут. Скажут: вот же какой художник здесь живёт, скажите пожалуйста. И Котик у него как настоящий, и Пёсик как живой, и мама тоже.

МАЛЬЧИК. Как живая?

СТАРИК. Печка хорошо как разгорелась. Макароны будешь? Разогрею сейчас.

МАЛЬЧИК. С вискасом?

СТАРИК. Что ж с тобой поделаться, ладно, откроем банку. Как будто праздник у нас.

МАЛЬЧИК. Деда, а что значит «люди мимо пойдут»? Сколько пойдёт? Бабка Эльза пойдёт и Артур одноногий, и Ленка с матерью. А кто ещё-то?

СТАРИК. Не Ленка, а Лена.

МАЛЬЧИК. Прости. Какие ещё люди пойдут?

СТАРИК. Разные. Мы же летом выставку твою сделаем, когда тепло будет. Летом хорошо, летом крапива пойдёт, грибы, ягоды — не пропадём.

МАЛЬЧИК. Крапива на выставку пойдёт? А ты сказал, люди.

СТАРИК. Сказал и сказал, чего ты. К лету всякое может случиться. Даже люди.

МАЛЬЧИК. А лето скоро настанет?

СТАРИК. Ну как скоро, настанет когда-нибудь. Наверное.

МАЛЬЧИК. Я помню лето, ты не думай.

СТАРИК. И чего ты там помнишь?

МАЛЬЧИК. Такое яркое всё кругом, облака помню, маму. Нет, маму не помню. Соврал. Врать нехорошо, я знаю. Мокрое вот тут помню.

СТАРИК. Подмышками. Это пот у людей от жары выступает. Тут у нас от печки жарко бывает, а летом просто от погоды, от солнца. Солнце помнишь?

МАЛЬЧИК. Ага. Кажется.

СТАРИК. А что ты хорошо запомнил самое первое, самое отчётливое?

МАЛЬЧИК. «Отчётливое» — это как?

СТАРИК. Как Пёсика сейчас ты помнишь, только давно.

МАЛЬЧИК. На машине ехали по дороге. Впереди дядя в военной форме рулил, а мы сзади. Я Котика держал, а ты меня вот так за плечи. Быстро ехали, трясло сильно. Потом грохнуло, ты мне уши закрыл и глаза рукой. А когда открыл, дядя убитый уже был. Мы из машины вылезли, и ты меня в канаву бросил, а сам сверху навалился. Дышать было трудно, и Котик руку поцарапал. Потом ты меня через лес нёс на руках, потом мы к воде вышли, в лодке поплыли. И я заснул.

СТАРИК. Надо же. Тебе ведь четыре года исполнилось всего, когда мы из Города уходили от фронта. Май Первой Кампании шёл, аккуратно битва под Бремками начиналась. А солнце было ещё тогда, не помнишь?

МАЛЬЧИК. Нет, не помню. Дым на дороге стоял, а когда я в лодке проснулся, уже ночь была.

СТАРИК. Вот и у меня всё в памяти перепуталось. После Бремкок, сдаётся, мгла опустилась. Или позже, перед рейдом Грициуса на Кронцлар? Ладно, неважно. Давай-ка за стол садиться, пока макароны горячие.

МАЛЬЧИК. И вискас.

СТАРИК. И вискас.

МАЛЬЧИК. Вкусно.

СТАРИК. Вот тебе ещё. Что сказать нужно?

МАЛЬЧИК. Спасибо.

СТАРИК. Пожалуйста. Не забывай — людям приятно, когда с ними вежливо. И тебе будет приятно, когда с тобой так.

МАЛЬЧИК. А людей много на Земле, деда?

СТАРИК. Было много. Ешь, ешь.

МАЛЬЧИК. А будет тоже много? Летом, когда выставку повесим.

СТАРИК. Будет лето, будут и люди. Дожить бы.

МАЛЬЧИК. Ничего, деда, доживём. И до лета, и до солнца, и до людей. Честное слово.

СТАРИК. Ладно. Если честное слово даёшь, значит доживём. Честным словом не разбрасываются, ты знаешь.

МАЛЬЧИК. Ага.

СТАРИК. Вот чай.

МАЛЬЧИК. Со смородиной сегодня?

СТАРИК. И с мятой. Полезный. Пей, только не обожгись. Дров у нас с тобой на три дня осталось. На ближней околице сухая рябина стоит, срублю завтра. Потом напилим с тобой. Будешь деду помогать?

МАЛЬЧИК. Я люблю тебе помогать пилить. Я сильный.

СТАРИК. Вырастешь, станешь ещё сильнее.

МАЛЬЧИК. Как ты?

СТАРИК. Как Рэмбо. Помнишь, я тебе сказку про него рассказывал?

МАЛЬЧИК. Здорово. И я тоже всех инквизиторов победю?

СТАРИК. Одолею. Нет такого слова, «победю».

МАЛЬЧИК. Есть. Если я могу кого-то победить, значит я победю.

СТАРИК. Ты слушай, что тебе старшие говорят. Если я сказал нет, значит нет.

МАЛЬЧИК. Почему нет-то, если есть? Я же сказал «победю», а ты меня понял. Значит, это правильное слово, человеческое.

СТАРИК. Человеческое — это когда никто никого не побеждает. И не убивает ради победы. Когда люди просто живут по-человечески, не прячутся друг от друга. Когда лето и солнце.

МАЛЬЧИК. А ты так и не объяснил, почему «победю» неправильное слово.

СТАРИК. Потому что неправильное.

МАЛЬЧИК. Ты, деда, какой-то дурак сегодня.

СТАРИК. Решил пойти на крайние меры? Оказать психологическое давление? Включить элементы обесценивания оппонента? Выдвинуть ультиматум? Ну, держись! Попался, лингвист домощенный!

*Старик сгребает Мальчика в охапку, тормошит,
тот отбивается. Оба хохочут.*

МАЛЬЧИК. Победу, победу, победу!

СТАРИК. Уф-ф. Победил, победил. Знаешь, если честно, то я и сам не понимаю почему «победу» — неправильно. Пусть у нас с тобой оно будет правильное. Мне не жалко.

МАЛЬЧИК. Ура! Я победил!

СТАРИК. Ну и хорошо. Так всегда и будет теперь.

*С улицы слышится звук подъехавшей бронемашины, звучат шаги на крыльце. Старик встаёт, убирает мальчика за спину.
В комнату входит Боцман.*

БОЦМАН (*снимает шапку, пытается перекреститься*). Крамольники, значит. Святых образов не держим.

СТАРИК. Не наша хата, чужая, господин солдат. Мы здесь случайно и временно.

БОЦМАН. Да мне похрен. Руки поднял, карманы наружу. Кто ещё в доме? Там что?

СТАРИК. Ничего, пустая комната. Мы одни здесь.

БОЦМАН *заглядывает во вторую комнату.*

БОЦМАН. Тоже с печкой, уже хорошо. (*Говорит в наплечную рацию.*) Господин офицер, тут дед с мальцом, всё чисто. Слушаюсь. (*Старику.*) Регистрацию на стол, оба лицом к стене. Молчать. (*Изучает документы, говорит в рацию.*) Крамольники третьей степени, господин Офицер, без еретизма.

СТАРИК исполняет приказ, поворачивается к стене, одной рукой обнимает МАЛЬЧИКА. В дом входит ГЛИНА, ведя за собой на короткой верёвке ДЕВУШКУ со связанными руками и заклеенным скотчем ротом. Следом входит ОФИЦЕР, осматривается, указывает ГЛИНЕ на лавку у окна. Тот ведёт туда ДЕВУШКУ, усаживает, садится рядом. БОЦМАН протягивает документы СТАРИКА, ОФИЦЕР отрицательно качает головой.

ОФИЦЕР. Доброго вечера, хозяева.

СТАРИК. Доброго вечера.

МАЛЬЧИК. Здравствуйте.

ОФИЦЕР. Извините за вторжение, но военная необходимость. Бензин закончился. Утром бензовоз подъедет, и мы дальше дви-

немся. Дело к ночи, а у вас тут натоплено. Да поворачивайся, отец, мы не кусаемся. Что ты как неродной.

СТАРИК с МАЛЬЧИКОМ поворачиваются лицом к непрошеным гостям. ОФИЦЕР и СТАРИК молча смотрят друг на друга.

Рекомендуюсь, старший офицер контрразведки легиона Архангела Михаила. Это сержант позывного чина Боцман, рядовой позывного чина Глина.

БОЦМАН идёт в соседнюю комнату растапливать там печь.

МАЛЬЧИК (*указывает на девушку*). А это кто?

ОФИЦЕР. Мне бы тоже, мальчик, хотелось узнать, а это кто. Но давай начнём с тебя: кто ты, откуда здесь, зачем? Рассказывай, не бойся.

СТАРИК. Я изложу, господин офицер.

ОФИЦЕР. Не вмешивайся, отец. Мы тут сами с усами и с хвостами. Так, мальчик?

МАЛЬЧИК (*радуется*). С усами и с хвостами. Так, да? (*Пытается показать на себе усы и хвост.*)

Все улыбаются.

ОФИЦЕР. Достаточно кривляний. Рассказывай.

МАЛЬЧИК. Мы пришли, когда ещё снег не падал. Деда кашлял, сказал, что зимовать тут будем. Потом он ходить опять начал, мы зашли в магазин — там стены не было — консервов набрали вот столько, «вискас» называются. Макароны там ещё были, горчица, только она невкусная. Нам разрешили: бабка Эльза приходила, сказала «живите, всё равно Гликманов нет больше». И Ленка, то есть, Лена с её мамой заходили. Дед Лену учить будет зимой урокам всяким, а Ленина мама сказала, что за это она нам одежды даст и немножко муки даже. И играть мы будем с Ленкой, так зима и пройдёт, она сказала. А Артур одноногий...

БОЦМАН возвращается.

БОЦМАН. Я извиняюсь, господин офицер, но и нам метнуть бы чего в организм. Весь день не евши.

ОФИЦЕР. Отужинать, ты хотел сказать.

БОЦМАН. Так точно.

ОФИЦЕР. Что ж, справедливо. Хорошо, мальчик, интересный рассказ. Сейчас мы тебе за него настоящий стол яств накроем. Не возражаешь, отец?

СТАРИК. Воля ваша. Но я бы поаккуратнее обращался с архаизмами.

ОФИЦЕР. В каком смысле?

СТАРИК. «Где стол был яств, там гроб стоит». И это не я сказал.

ОФИЦЕР. Я знаю, кто это сказал. «И бледна Смерть на всех глядит». Нет, я не суеверен и к тому же не люблю поэтов екатерининского выпрненного штителя. Нам, грубым солдатам, ближе фронтовая похабень в духе незабвенного Франсуа Вийона. Не так ли, брат мой во оружии Глина?

ГЛИНА. То есть, я бы тоже поел, господин офицер. Отужинал, да.

ОФИЦЕР. О, господи. Боцман, смени Глину. Глина, ужин. Вперёд.

БОЦМАН берёт верёвку из рук ГЛИНЫ. ГЛИНА выходит из дома.

БОЦМАН (*Девушке*). Не дёргайся, дрянь. Чего задёргалась?

ОФИЦЕР. Пусть скажет.

БОЦМАН отклеивает часть скотча со рта ДЕВУШКИ.

ДЕВУШКА. В нужник.

БОЦМАН возвращает скотч на место. ОФИЦЕР кивает.

БОЦМАН. Опять ей приспичило. Сортир у вас где?

СТАРИК. Налево до забора.

БОЦМАН уводит ДЕВУШКУ на улицу. ОФИЦЕР за столом рассматривает рисунки мальчика.

ОФИЦЕР. Это мама?

МАЛЬЧИК. Мама.

ОФИЦЕР. А где она сейчас?

МАЛЬЧИК (*показывает вверх*). Там.

ОФИЦЕР. Давно?

СТАРИК. Не травмируйте ребёнка. Это вас не касается.

ОФИЦЕР. Давно?

СТАРИК. В первую Инквизицию шальной пулей. На бульваре Кригера.

ОФИЦЕР. На баррикадах?

СТАРИК. Она с репетиции шла, а тут штурм.

ОФИЦЕР. Чья пуля была — еретиков или инквизиции?

СТАРИК. Неизвестно.

В дом входит ГЛИНА с объёмистой сумкой. Выкладывает на стол банки с консервами, колбасу, сухой паёк, хлеб, сахар и прочее.

ГЛИНА. Сковорода есть?

СТАРИК. В шкафу.

ГЛИНА готовит ужин. МАЛЬЧИК заворожённо наблюдает за процессом. ОФИЦЕР продолжает рассматривать рисунки МАЛЬЧИКА.

ОФИЦЕР. Талантливо для его возраста.

СТАРИК. Он способный мальчик, умный и добрый. В мать пошёл.

СТАРИК убирает со стола тетрадь и карандаш. В комнату возвращаются БОЦМАН и ДЕВУШКА.

БОЦМАН. Пиналась.

ГЛИНА. Резвенькая.

ОФИЦЕР (спокойно). Молчать. Ужинать с нами будете, барышня? Это мы можем святым духом питаться, а еретикам никак не положено. Ну да у нас, как видите, и кроме святого духа есть чем порадовать плоть земную. Так будете? Вот и славно. Освободить.

БОЦМАН. Рисковый вы человек, господин офицер.

ОФИЦЕР. Одна живём, Боцман.

ГЛИНА развязывает ДЕВУШКЕ руки, убирает скотч со рта.

ГЛИНА. Только одно лишнее движение сделай мне, тварь, сразу ухо отрежу.

ОФИЦЕР. Глина! Здесь дети.

ГЛИНА. Виноват, господин офицер. У меня всё готово.

ОФИЦЕР. Подавайте.

БОЦМАН споро расставляет найденные в комнате разносортные тарелки. ГЛИНА нарезает хлеб, раскладывает еду.

БОЦМАН. Прошу к столу, господин офицер.

ОФИЦЕР. Присоединяйтесь. Садись здесь, малыш.

СТАРИК. Благодарю, он привык рядом со мной.

ОФИЦЕР. Как скажете. Боцман, молитву. Никого не принуждаю, боже упаси. Каждому по вере его. Или безверию. Боцман.

Военные берутся за руки, ОФИЦЕР и БОЦМАН закрывают глаза, ГЛИНА зло наблюдает за девушкой. СТАРИК молитвенно складывает перед собой ладони. МАЛЬЧИК в нетерпении ждёт завершения непонятной скучной процедуры. ДЕВУШКА упрямо смотрит в стол.

БОЦМАН. Господь наш Вседержитель, уповаем на волю Твою, справедливость Твою, возмездие Твоё. И пусть хлеб Твой утроит силы наши в святой борьбе во имя Твоё. Да сгинет Враг вечный и слуги его яко в тверди земной, так и в воздушных небесных. Восславь, Господь, святую инквизицию и ратный подвиг ея во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Аминь.

Прислушаются к трапезе.

ГЛИНА. Боцман у нас в Академии Духовного Регламента целый курс окончить успел, пока за грех кокаинизма его не выперли. По мне так невелик грешок, но в дипломированного дознавателя не допустили его святоши-академики. Вот здесь с нами теперь воительствует, сержантом-недоинквизитором. Прости, Господи, его душу грешную.

БОЦМАН. Заткнись.

ГЛИНА. Я же от души. Чисто застольный разговор поддержать.

ДЕВУШКА. Клеймили калёным железом еретиков-то в своей Академии? Водой успели попытать отступников? А, Боцман?

БОЦМАН. Вы, девушка, кушайте, кушайте. Не надо вам.

ДЕВУШКА. Я кушаю, кушаю. А что мне надо и что не надо сама решать буду.

ГЛИНА. Ты Бога-то побойся: мы со всей душевностью, хлеб с тобой вот преломили, а ты поносить нас взялась. Креста на тебе нет.

ДЕВУШКА. Ваши кресты людской кровью умыты, детскими кошмарами украшены, слезами матерей прокляты. Воздастся вам и на этом свете, и на том за всё содеянное.

БОЦМАН. Пошла писать еретичка по методичке. Что ж вы все такие одинаковые-то, антиклерикасты штопаные?

СТАРИК. Девушка, я вас прошу. Не стоит, право. Тут ребёнок.

ДЕВУШКА. Пусть видит и запоминает. Всё видит и всё запоминает.

Ладно, умолкла.

ГЛИНА. Умолкла она.

БОЦМАН. Вкусно, ребёнок?

МАЛЬЧИК. Очень вкусно. А это что в банке?

ГЛИНА. Огурцы маринованные. Корнеплоды.

СТАРИК. Корнишоны.

ГЛИНА. Точно. Спасибо, отец.

ДЕВУШКА. *(Старику.)* Вы как будто их за людей держите.

СТАРИК. Что ж, Господу всякая душа человеческая важна. Значит, так надо.

МАЛЬЧИК. Я наелся, спасибо.

СТАРИК. Спать тебе пора.

МАЛЬЧИК. Не хочу.

ГЛИНА. А я хочу.

БОЦМАН. Мы с Глиной в машине разместимся, господин офицер, с посменным караулом. Под бронёй привычнее. А арестантку свяжем на ночь, никуда не денется.

ОФИЦЕР. Валяйте.

ДЕВУШКА. Галантные какие кавалеры в инквизиции.

ОФИЦЕР. Боцман, спальник мой с карематом занеси потом. *(Старику.)* Девушка с мальчиком в дальней комнате лягут, а мы с вами здесь как-нибудь устроимся. Не возражаете?

СТАРИК. Давайте так.

ГЛИНА. Глаза слипаются. *(Девушке.)* Встала, руки вперёд. Верёвку подай, Боцман, сзади тебя лежит.

ДЕВУШКА. А танцы? Дамы приглашают кавалеров.

Со святыми упокой, с грешником веселье.

Инквизиторы в гробах справляют новоселье.

Крестоносцы, крестоносцы, крестоносцы божии.
Вы зачем в калашный ряд со свиною рожею?

Легион ты легион, сапоги гармошкой.
Один молится всерьёз, десять понарошку.

Инквизиция моя, чёрные мундиры.
Поп солдатака того, дьякон — командира.
И-эх!

ОФИЦЕР. Наплясалась? Всем отбой.

*ГЛИНА вяжет руки ДЕВУШКЕ, ведёт её в соседнюю комнату.
СТАРИК подталкивает МАЛЬЧИКА вслед за ними.*

МАЛЬЧИК. Какой хороший день сегодня.

СЦЕНА ВТОРАЯ

*У бронемашины БОЦМАН и ГЛИНА наблюдают за зарницами
дальних разрывов. В доме СТАРИКА светятся окна.*

ГЛИНА. Справа ближе стали накрывать, километров восемь. Там как раз выезд на трассу с этого профиля.

БОЦМАН. Как-нибудь.

ГЛИНА. Ты точную нашу диспозицию в штаб отправил?

БОЦМАН. Поучи меня ещё. Точку они зафиксировали, а вот с исполнением у нас сам же знаешь как. Штабные с утра бензовоз на правый фланг отправят по привычке, а про нас забудут. И будем куковать до вечера. И молиться, чтобы дорогу эту не обрезали. Видишь, как еретики придвинулись.

ГЛИНА. Перекрестись. Мы год назад в полукотёл попали под Токсно, я потом три месяца заикался.

БОЦМАН. Контузило?

ГЛИНА. Не знаю, в медпункт не ходил. Засыпало, стена обрушилась. Синие уже на нашу позицию вышли, я их голоса различал из-под завала. Думаю, кирдык тебе, Глина, сейчас они дальше

пройдут, а потом их жандармерия тылы зачистит и вынет нас за ушко да на солнышко. А там уж у них с нашим братом разговор известный: офицеров ещё в допросную примут, а таким как мы — прямая дорога в петлю. Помнишь, они виселицы на том берегу каждую ночь обновляли пленными? Так ещё и переломают всего перед тем — мне капрал из телевизионного взвода такого понарасказывал: им политцерковь всю фронттовую сводку преступлений той стороны каждое утро сбрасывает.

БОЦМАН. А ты и уши развесил. Про информационное прикрытие слышал? Политпоп врёт, как только рот открыл. Закрыл — опять честный человек. Как отскочили-то?

ГЛИНА. Да соседи навалились, в контратаку сбегали. У них там ротный свежий тогда пришёл, геройствовал... А не скажи, еретичность она еретичность и есть. На сайте батальонного прихода отдельное видео висит об изменении мозга у всех, подвергаемых еретической пропаганде. Там прямо факты показаны, как поэтапное озверение происходит у крамольников, которые в еретиков обращаются. Вначале мозжечок разжижается, потом кора головного мозга деревенеет. Оттого они такие оголтелые и становятся, а дальше уж прямая дорога в еретики. А те, сам знаешь, фашисты конченные. Целый доктор медицины объяснял, в халате.

БОЦМАН. То-то ты фашистку сегодня разносолами потчевал.

ГЛИНА. Приказ есть приказ. Нет, так-то еретичка справная, вон как отплясывала.

БОЦМАН. Стал бы?

ГЛИНА. Совсем ты уже.

БОЦМАН. Не, ну а чего? Женское тело, оно, говорят, мягкое, тёплое. Самое то в такую погоду.

ГЛИНА. Только после тебя.

БОЦМАН. Вернёмся, возьмём увольнительную — и в бордель с девушками. А, Глина?

ГЛИНА. Да уж, развлечёмся от души.

Смеются, но недолго, поскольку над головами вдруг пролетают реактивные снаряды противника. Ложатся много ближе прежнего, небо озаряется яркими вспышками.

ГЛИНА. Ого. Не нравится мне это.

БОЦМАН. Господь милостив.

Оба крестятся, глядя в небо.

Спаси и помилуй, спаси и помилуй, спаси и помилуй.

ГЛИНА. Ты звёзды когда последний раз видел?

БОЦМАН. Не соврать бы, под Ярмином ещё. Говорят, там на Южном фронте этот выброс и случился, который мглу из земли поднял в небеса. Политпопы, ясен конь, с тех пор блажат, что за еретиков Господь темень людям ниспослал. А я думаю, наши что-то подорвали совсем уж непотребное на полигоне том закрытом. Ну, на Красном, ты знаешь.

ГЛИНА. Молчал бы ты про это лучше, за умного сойдёшь. Уши везде есть, донесут про такой разговор за милую душу. Определят к штрафникам в адскую роту, там вволю наговоришься.

Из дома выходит ОФИЦЕР.

ОФИЦЕР. Что-то тут, Боцман, шумно становится.

БОЦМАН. Стреляли.

ОФИЦЕР. Почему оба не спите?

ГЛИНА. Не спится, господин офицер.

ОФИЦЕР. У тебя же в хате глаза слипались. Смотри, заснёшь завтра за рулём, я тебя в пехоту сошлю.

ГЛИНА. Не засну. Мы завтра быстренько до дома, противоснарядным манёвром — вжик, вжик, вжик.

ОФИЦЕР. Ты так вчера баранку крутил, когда за кошкой здесь гонялся.

ГЛИНА. Не ушла же. А все кошки тут заражённые специальным боевым вирусом, их уничтожать — богоугодное дело. На политзанятиях поп третьего ранга рассказывал.

ОФИЦЕР. Ладно, гляжу, непонятные дела на передке творятся. Выйди на Часовню, Боцман, узнай обстановку, про бензовоз напомни. Не нравится мне всё это. До утра не беспокоить, прокляну.

БОЦМАН. Слушаюсь.

ОФИЦЕР напоследок вновь осматривает полыхающий горизонт, уходит.

ГЛИНА. Проклянёт он.

БОЦМАН. Заткнись.

ГЛИНА. А главное, еретики сейчас на препаратах каких-то особенных, мне фельдшер заезжий из медсанбата рассказывал позавчера в столовой. Потому они и долбят артой днём и ночью, им спать вообще теперь нужды нет. И озверение у них сплошное от этого. И фельдшерам же по трибунальному уставу положено на каждом костре присутствовать. Так он говорит, что каждой второй аутодафируемый нынче горит зелёным пламенем, понял? Ну как, пламенем — нет-нет да и мелькнёт над искупляющим зелёный огонёк. Раньше не было такого, говорит, вот два месяца только как началось. Святой истинный крест.

БОЦМАН. Где ты только таких психических идиотов находишь. И веришь им, главное.

ГЛИНА. Да ты сам посуди: полночи уже прошло, а они садят и садят. Когда такое было? Раньше и еретики по ночам спали ведь.

БОЦМАН. Проверим сейчас, что там в штабе про твоих зелёных друзей нам расскажут.

Садится в бронемашину. Не закрывая дверцы, включает рацию.

ГЛИНА стоит рядом, слушает.

Часовня-три, Часовня-три, ответь Гвоздике-два. Часовня-три, ответь Гвоздике-два. Часовня-три, Часовня-три... Кто это?.. Хмурый? Хмурый, это Боцман. Про бензовоз напомним с утра зампотеху... Что значит, Фикса дежурному передаст? Приеду, всем вам, передастам, выпишу, прости мя, Господи... Сам, понял? Лично, понял?.. Вот и хорошо. Что там за война у вас нынче такая громкая?.. На Скерницу идут? Да ладно... А разведка что?.. Ясно. Молебен? Ишь ты... Ну, пусть. Про бензовоз не забудь. Отбой.

ГЛИНА. Ну?

БОЦМАН. Да хрен поймёшь. На Скерницу вроде прут, и браво прут, судя по всему. Полковой молебен завтра провести приказ вышел. Я забыл уже про такое, с прошлогоднего отступления никаких молебнов не было. Не нравится мне всё это. Офицеру бы надо доложить.

ГЛИНА. Он тебя выкрошит и высушит. Сам слышал: не беспокоить, проклянёт, а потом в пехоту спишет. Хочешь в окоп? И я не хочу.

БОЦМАН. Ну, не знаю. Дело такое.

ГЛИНА. И потом, бензина нет? Нет. Что толку докладывать? Всё равно никуда отсюда не тронемся, даже если Святой Августин прикажет. Всяко бензовоза ждать придётся. А где от нас эта Скерница, далеко?

БОЦМАН. Километров тридцать на север. Её соседи всё лето штурмовали, только в октябре взяли.

ГЛИНА. Это который легион, Апостольский?

БОЦМАН. Нет, орденов Красной Звезды и Первого Причастия гвардейский мотострелковый имени Томаса Торквемады.

ГЛИНА. Так у меня в Торквемадском одноклассник же служит каптернамусом при информационной роте. Вот там, скажу я тебе, у них весь расклад по тайным еретическим технологиям имеется, что ты. Мы с ним летом встретились на побывке, он мне такого рассказал, что тебе ни в одном телевизоре не доложат.

БОЦМАН (*усмехается*). Например?

ГЛИНА. Например, про чёрный звонок.

БОЦМАН. Какой звонок?

ГЛИНА. Так ты слушай. Чёрный, я ж и говорю. Сидишь ты, например, дома, картошки нажарил, пиво пьёшь с воблой и тут тебе звонят. Ты телефон берёшь, отвечаешь по форме: «Сержант Боцман слушает». А там музыка натуральная, понял? И мелодия у неё такая «та-та-та-там, та-та-та-там». (*Воспроизводит начальные такты бетховенской «Симфонии Судьбы».*) Тут у тебя, значит, всё деревенеет, и никак уже звонок не сбросить. «Та-та-та-там, та-та-та-там!». И громче, и ещё громче, а ты уже весь такой в прострации...

БОЦМАН. В прострации.

ГЛИНА. Ну. Ни рукой, ни ногой не шевельнуть, только музыка эта нечеловеческая тебе мозг выедаёт, понял? А потом голос тихий, но страшный: «Отрекаешься ли ты от Господа нашего Иисуса Христа?». И никак тебе уже не уйти от ответа. А ответ возможен единственный: «Отрекаюсь». Не было ещё человека, который не отрёкся бы, не ушёл бы от Врага извечного. И как только отречёшься, засмеётся трубка сатанинским смехом вот так вот: «Ха. Ха. Ха». И отпустит тебя. Ты телефон положил, морок с себя стряхнул и вроде дальше жить продолжаешь как прежде: пиво это, например, с воблой пьёшь. А всё, душа-то твоя уже переметнулась, и мысли еретические в голову лезут: а не взорвать

ли мне машину бургомистра, к примеру? Потому что свобода воли и другая прочая гордыня, понял? И пропал ты, самым последним еретиком сделался. Вот через такой звонок они ряды свои пополняют, через технологии бесовские.

БОЦМАН. Так почему звонок чёрный-то?

ГЛИНА. А я не сказал разве? Все, кто его принимают, лицом чернеют, взгляд у них в одну точку упирается и отвлечь их от мобильного нет никакой возможности. Один только случай был, когда отец сыну руку с телефоном отрубил во время такого звонка, понял? Ничего, обошлось: он ему жгут сразу, и скорая быстро приехала. Так душу сына и спас, но это случайная история, редкая. Потом-то, как уже отрекутся, чернота с лица сходит, конечно. Живут сатанисты меж нас как нормальные люди, а душа — всё, тью-тью, поминай как звали. А ты говоришь.

БОЦМАН. Я говорю, спать иди, праведник вислоухий. Затихло пока вроде. Через три часа подниму, сменишь меня.

ГЛИНА. А я за душевным разговором и забыл, что спать хотел. Вечно с тобой так. Пойду. Остаёшься тут за старшего, не шали у меня.

ГЛИНА уходит в машину, БОЦМАН смотрит в небо, крестится.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В дальней комнате дома на кровати лежит ДЕВУШКА со связанными руками, МАЛЬЧИК сидит на диване.

ДЕВУШКА. Чего ты на меня смотришь?

МАЛЬЧИК. Ты красивая. Как мама.

ДЕВУШКА. Была красивая да вся вышла.

МАЛЬЧИК. Куда вышла?

ДЕВУШКА. Неважно куда, важно, что вся.

МАЛЬЧИК. Вот и мама вся.

ДЕВУШКА. Умерла мамка-то?

МАЛЬЧИК. Ага.

ДЕВУШКА. Ладно, не один ты такой. Время выпало нам подлое, горькое. Пройдёт оно, конечно, когда-нибудь. Только маму

твою не вернёшь, да и солнце неизвестно вернётся ли, сколько уже мгла эта стоит. Натворили делов инквизиторы.

МАЛЬЧИК. Деда говорит, лето всё равно будет. Мы летом выставку повесим на заборе, я много ещё чего нарисую.

ДЕВУШКА. Рисуй, малой, рисуй. Всё фиксируй, что видишь. Пригодится потом.

МАЛЬЧИК. Вот и деда мне тоже самое: и Котика рисуй, и Пёсика.

И тебя тоже нарисую, как ты пела сегодня и плясала. Красивая.

ДЕВУШКА. Понравилось?

МАЛЬЧИК. Очень.

ДЕВУШКА. Ну и хорошо. Хоть кому-то напоследок понравилась.

МАЛЬЧИК. Ты не можешь не нравиться, ты хорошая.

ДЕВУШКА. Могу, малой. Могу не нравиться одному человеку.

МАЛЬЧИК. Это плохой человек?

ДЕВУШКА. Нет, это хороший человек. Самый лучший. Но ему нравлюсь не я, совсем не я. Он и в сторону мою не смотрит. А зачем мне это всё вокруг, если он не смотрит? Других замечает, а меня нет. Вот представь, что ты сейчас здесь есть, я на тебя смотрю — и не вижу. Стенку за тобой вижу, а тебя — нет.

МАЛЬЧИК. Значит, я в шапке-невидимке.

ДЕВУШКА. Вот и я. В шапке.

Входит СТАРИК.

СТАРИК. Ты почему не спишь до сих пор?

МАЛЬЧИК. Потому что я в шапке-невидимке и меня никто не видит.

СТАРИК. Я же вижу.

МАЛЬЧИК. Ты не считаешься, ты мой дед. А она не видит. Спроси у неё.

СТАРИК. Не у неё, а у девушки. Учись правильно с людьми разговаривать. Вам, милая, может воды принести? А мальчик пусть поспит, рано ему ещё в наши взрослые дела. Хорошо?

ДЕВУШКА. Ладно. Только он сам с разговорами. Нет, пусть спит, конечно.

СТАРИК. Вот и славно. Так воды принести?

ДЕВУШКА. Ты б развязал меня лучше. А, дед?

СТАРИК. Вы же понимаете.

ДЕВУШКА. «Всяк крамольник, замеченный в пособничестве еретикам, подлежит пытке на дыбе с конфискацией имущества и последующей люстрацией». Судебное Уложение, параграф третий. На всех столбах развешано. Понимаю, чего уж. Это я так, на всякий случай. Офицер в доме?

СТАРИК. Караул вышел проверить. Я вас, милая, развязывать не стану, но всё у вас будет хорошо, поверьте.

ДЕВУШКА. Дед, ты вроде на попа не похож. Ну чего ты мне втираешь? Я же не пацан твой несмышлёный.

МАЛЬЧИК. Дедушка никогда не втирает. Если он говорит, так и будет.

СТАРИК. И всё же очень прошу поверить на слово, обещаю вам со всей серьёзностью.

МАЛЬЧИК. Деда, я тебя люблю.

СТАРИК. И я тебя. А теперь спи, пожалуйста. И вы спите. Спокойной ночи.

СТАРИК уходит.

ДЕВУШКА. Хороший у тебя дед. Городские вы, из интеллигентов?

МАЛЬЧИК. Я не знаю.

ДЕВУШКА. Ну и ладно, меньше знаешь — крепче спишь. И ты давай спи. Дед вон сердится на меня.

МАЛЬЧИК. Он не сердится, он добрый. А ты сказку мне расскажешь перед сном?

ДЕВУШКА. Сказку? Нет, не знаю я сказок.

МАЛЬЧИК. Про шапку-невидимку, которую ты раньше начала.

ДЕВУШКА. Про невидимку, значит. Ладно, слушай. Только сразу глаза закрывай. Закрыв?

МАЛЬЧИК. Закрыв.

ДЕВУШКА. Ну вот, стало быть, жила-была шапка-невидимка.

МАЛЬЧИК. Шапка жила?

ДЕВУШКА. В смысле, девочка жила, а у неё была шапка. Шапка как шапка, вязаная такая, серая. Как зима приходила, она её надевала. Пока новая была, так очень нарядная: мужики оборачивались, языками цокали. А девочка гордая ходила, фу ты ну ты, ножки гнуты, проходи, не задерживайся, шею свернёшь.

МАЛЬЧИК. А почему они девочку видели, если она в шапке?

ДЕВУШКА. Потому. Потому что шапка была тогда вовсе не волшебная, а просто красивая, из бутика городского. Ты спи лучше да-

вай. Так вот, носила она эту самую шапку три зимы и три лета. Потом девочка выросла, шапка поистрепалась, а новую уже не купишь: как раз Инквизиция началась, какие уж тут шапки.

МАЛЬЧИК засыпает и видит сон.

СОН МАЛЬЧИКА

Диван с МАЛЬЧИКОМ освещается тёплым нежным светом. Звучит пение птиц, вдали слышатся отзвуки городской жизни: движение машин, лязг трамваев, смех ребятишек на детской площадке. На диван подсаживается МАМА, гладит мальчика по щеке, зарывается носом в его волосы, тихонько дует в глаза.

МАМА. Просыпайся, малыш, пора. Вставай, милый.

МАЛЬЧИК. Не хочу.

МАМА. А ты захоти.

МАЛЬЧИК. Не захочу.

МАМА. А у кого сегодня день рождения?

МАЛЬЧИК (*садится на диване*). У меня? У меня, у меня, у меня!

МАМА. А у кого день рождения, тому что полагается?

МАЛЬЧИК. Подарок! Мне полагается подарок!

МАМА. Конечно. Конечно, тебе полагается подарок. А какой, как ты думаешь?

МАЛЬЧИК. Ружьё! Бах! Бах! Ба-бах!

МАМА. Ну нет, какое ещё ружьё, зачем? Ты у меня никогда ни в кого не станешь стрелять. Ты вырастешь смелым и сильным безо всякого ружья. Оружие, малыш, нужно слабым, тем кто в себя не верит, кто не может без него добиться любви от других. А я тебя люблю просто так, и папа тебя просто так любит, и дедушка. Потому что ты самый лучший ребёнок на свете. И не нужно нам никакого ружья, правда?

МАЛЬЧИК. Не нужно. А что нужно?

МАМА. А вот что.

МАМА кладёт на колени МАЛЬЧИКУ нарядную коробку, развязывает праздничную ленту, достаёт калейдоскоп.

Посмотри сюда, теперь покрути. Вот так, ещё раз.

*Ярко освещённая часть комнаты вспыхивает разноцветными
вертящимися кристаллами.*

Это называется «калейдоскоп».

МАЛЬЧИК. Калидаскоп.

МАМА. Ка-лей-до-скоп. Нравится?

МАЛЬЧИК. Да, нравится. Спасибо, мама.

МАМА. А поцеловать? Вот и хорошо. Но это не главный подарок,
малыш.

МАЛЬЧИК. Да? А какой главный?

МАМА. А главный подарок у нас с тобой приехал... Откуда приехал?

МАЛЬЧИК. Не знаю, откуда. Кто приехал?

МАМА. Смотри сам.

*В круге света возникает неясный тёмный силуэт,
приближающийся к МАЛЬЧИКУ.*

МАЛЬЧИК. Папа?

*Гаснет яркий свет. МАЛЬЧИК громко вздыхает,
переворачивается на другой бок.*

ДЕВУШКА. А потом он мимо проходил и по голове меня потрепал, как щенка какого: «Не грусти, чернявая, прорвёмся». И ладонь у него знаешь какая была? Твёрдая и горячая. И сейчас как вспомню, так лицо пылать начинает. И внутри такое тепло становится, стыдное. Ладно, рано тебе ещё. Только я бы за то, чтобы он меня этой рукой всю погладил, что угодно бы отдала. Только один раз. И всё, и не надо мне больше ничего.

А потом в другой раз уже, за рекой ещё дело было, вошли мы в посёлок один, а там гитара нашлась в блиндаже инквизиторском — они много чего побросали: и журналы разные похабные, и пиво баночное нашлось, и гитара вот. Так значит, считай, весь второй взвод туда набился, и эта, значит, фря штабная с маникюром пришла. Ну, пиво же, да картошки с трофейными консервами наварили, тепло, уютно. А я чумазая, слышь, — в зеркало-то глянула, страх божий. Вышла наружу, снегом отёрлась мало-мало, вернулась, а мне гранатомётчики машут: продви-

гайся сюда поближе к столу, и целую миску картошки наложили уже. И так получилось, что прямо вот напротив него устроилась, смешалась вся, аж ложка в рот не лезет. А он гитару, слышь, понастраивал и целый концерт закатил. А голос у него, что ты. И ребята, считай, каждую почти песню подхватывают, и фря эта тоже. Она вот так от меня сидела, наискось. И он на неё нет-нет да и глянет, а на меня ни разу, хоть я почти нос к носу с ним. Ну так я ж их песен городских не знаю, вот и шапка-невидимка, значит, на мне. И тут он такую интересную запел, а все молчат, никто ничего. Я запомнила даже оттуда: «до свиданья, малыш, я упал, а ты летишь, вот и ладно, улетай, в рай». И ещё там что-то такое. Нет, ты не думай, песня отличная, красивая. Это у меня ни слуха, ни голоса.

Ну а вчера я за стеной сидела, а там какая стенка, название одно, вся полуразрушенная от прилётов. Слышу, ротный нашему взводному задачу ставит: разведку скрытную провести в деревне, что на левом фланге, и прокламаций там расклеить на случай, если отходить будем: политотдел распорядился, прислал листовок пачку, чтоб им провалиться. Кого пошлешь, спрашивает. А наш и отвечает: его, больше некого, он и самый толковый, и опытный. А куда ему? Он третий день простывший воюет, в жару весь, я же не ротный, я всё вижу. Ну и взяла прокламации украдкой, на позиции в нос их сержанту сунула: гляди, в разведку меня командир отправил, особое доверие оказал. Так я два раза уже в разведке была, с группой, правда, ну так что ж, поверил. Пропустили, сказали прикроют, если что. А как тут прикроешь, если я на километр от своих упорола. Три листовки осталось развесить, а на четвёртой меня эти чёрные и взяли, пикнуть не успела. Там и не было никого на всей нейтралке, откуда их чёрт принёс, не знаю.

Так что была у меня шапка-невидимка, да кончилась в самый лихой момент. Война, малой, ничего не попишешь. Там малина в огороде росла, старых ягод с листьями ему нарвала, чтобы прогрелся с кипятком, жар сбить. Ну да ничего, как-нибудь. Может, слышь, хоть эта фря догадается его к фельдшеру отправить. Пусть бы отравила.

Ты спишь ли, малой? Ну, спи. Такая тебе сказочка вышла про шапку-невидимку. Спасибо, что послушал. Спи.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ СЦЕНА ПЕРВАЯ

Начальная комната. На лежанке спит СТАРИК, отвернувшись к стене. На полу лежит каремат с положенным сверх него растёгнутым спальным мешком. С улицы входит ОФИЦЕР, подбрасывает дрова в буржуйку, садится за стол, долго смотрит на отблески огня в печи.

ОФИЦЕР. Спишь, отец?

Пауза.

Когда Бремки сдали, откатились за реку, закрепились кое-как. Держались зубами из последних сил, резерва ждали. Похоронные команды не справлялись, в медсанбате хирурги под открытым небом оперировали. Вот оттуда сигнал и поступил: ваш, похоже, клиент, говорят, забирайте, мы его подлатали на скорую руку, у нас каждая койка на счету. Приехал. Начштаба привёл в первую хирургию, предъявляет: а там пацан на вид пятнадцатилетний, худой, без ступни уже, но смотрит дерзко, нехорошо. И рюкзачок его передаёт с планшетом найденным. Гаджет на палец запаролен был по глупости: пока оперировали, отпечатком и попользовались, открыли. Все позиции левого фланга снял, гадёныш, очень грамотно на карте пометил — и фортификацию, и ракетную батарею, и танковый батальон, и штаб, и медсанбат этот. Понятно, что отправил информацию своим давно уже, но то ли поленился файл стереть, то ли надеялся дополнительные разведанные позже на карту нанести, да подорвался на противопехотке случайно. В общем, на медленное аутодафе по полной заработал. «Оформляйте, — говорю начштабу, — забираю. И наградные можете себе выписывать за бдительность». Пока бумаги готовили, ждал у КПП, дальше планшет листал. Больше ничего серьёзного там не было, — в основном, фотографии мирные: то пацан этот с родителями, то с девушкой какой-то, но чаще всего он с кошкой снимался, большой такой, пушистой, рыжей. Такие друзья, прямо не разлей вода.

Вывели его, расписался, запихнул в машину, поехали. Я один тогда мотался по фронту, бойцов временно на передовую сняли, вот и здесь едем с ним вдвоём. Он шеврон же видит, понимает, что контрразведка. «Об одном, — говорит, — жалею». А мне смешно: «Знаю о чём. Что гранаты у тебя нет, чтобы нас обоих к Господу Богу сейчас отправить. Все вы об этом мечтаете». Он так подумал немножко и говорит: «Да, и это неплохо бы. Но мне всё же больше Джулю жалко. Кошка моя, да вы видели наверняка в планшете». «Больше себя?» — спрашиваю. «Больше, — спокойно так отвечает, не на нерве. — Чего мне себя жалеть, я и так уже третий раз за линию фронта сходил, мало кому и на второй удаётся вернуться. А Джулька одна в хате осталась, сдохнет». «Оба и встретитесь на небесах, — говорю. — Ты уже на костре от грехов очистишься, вот и допустят тебя сразу к Джуле твоей». «Ладно, — отвечает. — Верю».

Потом по нужде запросился, запрыгал на костылях к обочине. И вдруг жалко мне его стало, что ли. Не знаю как даже и объяснить. Озарение какое-то снизошло или, не знаю, затмение. Оправился он, обернулся к машине возвращаться. «Или лучше тебе пораньше на небеса, чтобы кошку там сам уже встречал?» — спрашиваю. И он сразу такой: «А можно? Я готов». «Можно, — говорю. — Господь милостив». И выстрелил в сердце. С трёх метров сложно промахнуться. И то: что он там ещё мог у нас рассказать, только дознавателей от серьёзного дела отвлекать. Ну а ему от земных костровых мук спасение, а там наверху и без меня разберутся, кого куда релоцировать.

Вот только спать с тех пор боюсь. И не пацан этот во сне приходит, я и имени его не знаю. А кошка Джуля мстит в кошмарах разных. Считай, через ночь является. Сегодня сквозь вашу деревню ехали, Глина на дороге за кошкой погнался, раздавил, конечно. Раньше бы я ему за это руки бы поотрывал, а нынче ничего, годно. Может отпустит меня.

СТАРИК садится на лежанке.

СТАРИК. Чёрный такой, с белой грудкой?

ОФИЦЕР. Кто?

СТАРИК. Кот, которого вы переехали.

ОФИЦЕР. Не помню. Кажется.

СТАРИК. Наш это был, второй день как запропастился. Котиком звали... Мальчику не стоит говорить, не нужно.

ОФИЦЕР. Я не знал, что у вас Котик.

СТАРИК. Он ещё за рекой его подобрал, я и не заметил поначалу. Друзья они были, вот как убитый ваш подросток с его Джулей, а вчера убежал куда-то Котик, потерялся. Так он и раньше, бывало, пропадал дня на два, всегда возвращался. Но что уж теперь.

ОФИЦЕР. Помотало вас по войне, судя по всему.

СТАРИК. Как и всех нынче. Живые, грех жаловаться.

ОФИЦЕР. Да, война.

СТАРИК. Да.

ОФИЦЕР. Но ведь могли же в Городе остаться, как я понимаю. Жили бы, горя не зная, при новой власти. Многие же остались, большинство. Хотя бы ради ребёнка.

СТАРИК. Нет, не могли. Вы меня простите, господин офицер, но я хотел бы ещё поспать. Стариковский сон краток, но тревожен, нужно пользоваться возможностью. Так что, прошу прощения. Спокойной ночи.

СТАРИК вновь укладывается на лежанку, отворачивается к стене.

ОФИЦЕР снимает китель, подбрасывает в печь полено. Разувается, носки развешивает на спинку стула, протягивает ноги к буржуйке.

Пауза.

ОФИЦЕР. Может, поговорим всё же, отец? Не время спать, война.

СТАРИК (*не поворачиваясь*). Утром, с вашего позволения.

Пауза.

ОФИЦЕР. Она так и сказала: «Нам с ним надёжнее будет». Повернулась и ушла, даже не попрощалась. Идёт такая лёгкая, быстрая, и у неё брезгливость ко мне прямо по походке видна, по спине уходящей. И ничего уже сделать невозможно, совсем ничего. Тут такая стена выросла, что не пробить её, не подкопаться, не перепрыгнуть. И я понимаю, что всё уже сказано, что выбор сделан — окончательный, беспросветный. Что теперь мы безусловные, последние враги на всю оставшуюся жизнь. И кому той жизни больше отмерено, кому меньше — не нам решать.

Я-то был уверен, что мне с этой бедой совсем недолго на вой-не маяться, Господь приберёт, освободит, а случилось наоборот. Мне жаль. Мне очень и очень жаль. Ты же всё равно не спишь, отец? Вставай, у меня ром есть. Выпьем, поговорим.

ОФИЦЕР достаёт из сумки бутылку, с громким стуком ставит её на стол. Шумно открывает шкаф, выставляет рядом с бутылкой два стакана, наливает в них ром.

Мне нужно поговорить, я не могу больше молчать, я хочу вернуть всё назад! Вставай же!

СТАРИК (не оборачиваясь). Нет.

ОФИЦЕР. Ладно, отец, пусть так. Обычная история: зачем говорить, когда можно молчать. Давай молчать дальше.

ОФИЦЕР крутит в руках стакан с ромом, чокается с другим стаканом, продолжает вертеть свой, ставит его обратно на стол.

Помнишь, я украл в магазине коробку с солдатиками? Мне мама потом долго объясняла всю низость моего проступка. Она это умела, я с тех пор чужого снега пригоршни не взял. А ты? Ты подошёл, взял меня за подбородок, посмотрел в глаза и сказал: «Солдатики? Пошлость какая». И всё, и ушёл. Не знаю, может это и сильнее сработало, не знаю. Но мне важно было тебя услышать, чтобы ты всё разложил по полочкам, чтобы ты меня убедил, чтобы я тебе поверил. А ты ушёл. И всегда потом уходил. Ты считал библейские заповеди, заповеди гуманизма настолько очевидными и непреложными для любого человека, что не снисходил до их толкования неразумным. Ты просто обходил неразумных стороной, как потом и меня, уверовавшего в принципы Инквизиции. Вот и дообходились, чистоплюи. «Ты взрослый человек, — сказал ты мне, двадцатилетнему романтику-губошлёпу. — Ты взрослый человек и тебе с этим жить». И вот я с этим теперь живу, а она уже не живёт, и мой сын живёт с тобой в грязи и нищете. И ты хотел для всех нас именно такой жизни? Поговори же со мной, наконец! Молчишь. Ну да, верность обету для тебя важнее человека. Всё ради принципа, ради принципов, которые важнее сострадания. Хорошо, будем спать.

ОФИЦЕР залезает в спальник.

Пауза. СТАРИК встаёт с лежанки, садится за стол.

СТАРИК. Вставай.

ОФИЦЕР садится за стол напротив СТАРИКА.

Я помню тот случай с солдатаками. Я всё помню, сын, всю твою жизнь с нами. Если бы не помнил, давно бы тебя простил. Но я помню.

ОФИЦЕР открывает дверь на крыльцо.

ОФИЦЕР. Кто на посту? Боцман, Глину ко мне, срочно.

ОФИЦЕР садится обратно за стол.

Ну-ну. Дальше.

СТАРИК. Всё. Нам не о чем говорить. Я тебя не простил.

ОФИЦЕР. Но ты со мной заговорил. Ты меня признал.

СТАРИК. Нет, ты по-прежнему для меня никто, зеро, чужой офицер вражеского войска. Но я вспомнил про одно обстоятельство...

Стук в дверь. Входит ГЛИНА.

ГЛИНА. По вашему приказанию, господин офицер.

ОФИЦЕР. Котика задавил вчера, помнишь?

ГЛИНА. Так точно. Уничтожил биологическую опасность согласно морально-веровательного устава.

ОФИЦЕР. Это был их Котик.

ГЛИНА. Я ж не знал, я по уставу.

ОФИЦЕР. Три шага вперёд, напра-во!

ГЛИНА исполняет приказ, оказывается напротив СТАРИКА.

На колени!

ГЛИНА встаёт на колени.

Руки целовать, просить милости!

ГЛИНА (*ищет руки СТАРИКА*). Простить покорнейше... Кабы мне знать... Нижайше... Помилуйте... Век Господа молить буду...

СТАРИК (*спрятал руки*). Не стоит, солдат. Всё в порядке. Бог простит, а я уже простил. Вставайте, вставайте.

ОФИЦЕР. Встал смиренно. Завтра в окопы пойдёшь, сволочь. Вон!

ГЛИНА выходит.

Всё что могу. Всё что могу.

СТАРИК. Что же ты с собой наделал, сын? Как же так получилось?

ОФИЦЕР. Твоими молитвами, отец, твоими молитвами.

СТАРИК. Я не мог за такое молиться, никак не мог просить Создателя сделать из тебя зверя.

ОФИЦЕР. Это война, отец. Да, я зверь. И этот Глина, это отребье человеческое, как и любое другое отребье на нашем участке фронта, знает, что я зверь, в котором нет ни участия, ни жалости ни к чужим и ни к своим. И если бы я сейчас приказал Глине во искупление отрезать себе палец, он бы исполнил без малейшего сомнения в справедливости приказа. Потому что лучше потерять палец, чем занять пулю в голове. А пулю я бы ему обеспечил моментально, и он это прекрасно знает. На войне нет места жалости, только приказу и порядку. Кто допускает жалость в сердце, тот обязательно проигрывает. И потому побеждаем мы, а не вы.

СТАРИК. Серьёзно?

ОФИЦЕР. Перестань. Ты прекрасно понимаешь, что ваш нынешний успех всего лишь досадная частность. Которая, кстати, доказывает, что и в ваших рядах есть место приказу, порядку и вынужденной жестокости. Вы такие же как мы, только зачем-то отказываетесь в этом признаться. Но я о другом хотел с тобой говорить.

СТАРИК (*устало*). Говори.

ОФИЦЕР. Она обо мне вспоминала?

СТАРИК. Нет.

ОФИЦЕР. Я не верю.

СТАРИК. Ты записался в Легион, потом Легион разбомбил её театр и казнил её семью. Не верь.

ОФИЦЕР. Но у сына должен быть отец.

СТАРИК. Мальчик верит, что он есть. Где-то далеко, там, где свет, солнце и справедливость.

ОФИЦЕР. У еретиков.

СТАРИК. Он, слава богу, пока не мыслит в этих категориях. Он знает, что его папа большой, сильный и добрый человек, который не убивает ни людей, ни котиков.

ОФИЦЕР. И что ты ему скажешь потом, после войны?

СТАРИК. Что его отец отдал свою жизнь за свободу. Ему легко будет это принять, когда мало кто сможет похвастаться живыми отцами.

ОФИЦЕР. А если победим мы?

СТАРИК. Мёртвое не может победить живое.

ОФИЦЕР. Чем же мы мертвее вас?

СТАРИК. Не будем. Ты всегда был неглупым мальчиком и отлично всё понимаешь сам.

ОФИЦЕР. Обычная история: если нужно объяснять, то не нужно объяснять. Я вырос под эту твою высокомерную формулу. Но может быть, снизойдёшь хоть раз в жизни, попытаешься убедить меня в своей правоте? А вдруг я её приму? Вдруг ты сможешь изменить мою картину мира? Вдруг я снова стану для тебя человеком, а не нулём?

СТАРИК. Хорошо, малыш, давай попробуем.

ОФИЦЕР. Как, как ты меня назвал? Малыш? *(Смеётся.)* Вот бы Боцман с Глиной порадовались за старшего офицера контрразведки.

СТАРИК. Очевидные вещи следует разъяснять лишь неразумным. Лучше всего малышам, потом поздно и бессмысленно.

ОФИЦЕР. Итак?

СТАРИК. Итак, главные скрижали вашей Инквизиции, как известно, «Перед Богом все равны» и «Бог есть порядок». То есть, ты на стороне Бога, порядка и равенства.

ОФИЦЕР. Конечно.

СТАРИК. Вся штука в том, что Бог — это беспорядок, и он не про равенство в вашем понимании. Бог — про любовь и больше ни про что. Инквизиция с самого начала сделала ставку на дьявольский план увлечения человека ложной идеей. А человек слаб, он всегда готов встать в строй себе подобных, чтобы идти к светлой цели, даже если это пустой и звонкий мираж. Не должны люди ходить строем, Создателю это неинтересно, он ждёт от нас всякого копошения, поиска, метаний. Он ждёт, что человек сам через свои ошибки, свои дерзости, свой постоянный мучительный выбор между добром и злом придёт к Богу. Даже если не

верит в него. Для этого не нужна единственно верная религия, церковные правила, деление мира на еретиков и крестоносцев. Он любит всех, независимо от цвета кожи, уровня ай-кью или сексуальной ориентации. И весь вопрос в том, любишь ли ты его, веришь ли ты ему истинно или веришь истово. Первая вера тиха и несуетна, для второй обязательен гром барабанов, крестные марши и клятвы на крови. Первые ничего не хотят от других, вторые требуют признания и отречения, цензуры и поклонения, анафем и костров. И чем громче вера, тем она дальше от Бога. Правда в тишине, а не в барабанных маршах. Но ты выбрал барабан, а вместе с ним и всё остальное. Ты не выдержал испытания обаянием зла, а она выдержала. И она осталась там навсегда, а ты сейчас в той точке, куда пришёл в погоне за миражом добра. Там, где убивают котиков, потому что они мешают убивать людей.

Как же я могу тебя простить, если сейчас ты ушёл много дальше от того уверенного в своей правоте неопита Нового Порядка, которого я вычеркнул из своей жизни? Тогда ты ещё был всего лишь адептом Инквизиции, а сейчас стал её воплощением. Вполне себе кровавым воплощением, похоже. Но это был твой выбор, и это моя вечная вина. У каждого свой крест.

ОФИЦЕР. Она осталась, потому что ты лил ей в уши яд смирения перед наступлением вселенской мерзости. Ты говорил, что храм Сцены важнее храма Церкви, что свобода воли важнее традиций предков. Это вы, вы были слабы, все те, кто смирился с низостью нового мира, кто сдался на милость богоотступников, уничтожающих мораль и духовность. Это вы бросили нас в эту войну, вы украли солнце, вы убили её!

СТАРИК. Ладно, пусть мы, если тебе от этого легче. На здоровье.

ОФИЦЕР. Вот и поговорили. Я знал, что тебя ненадолго хватит.

СТАРИК. А должно было? Твоя вера строится на твёрдых и простых, как вот этот рафинад, догматах, моя же вера извилиста и невнятна. Порядок всегда бьёт класс, как утверждали в мою пору футбольные специалисты. Признаю поражение, согласен.

ОФИЦЕР. Да какой, к чертям, порядок, какие догматы? Придумали себе. Ты бойцов моих, Боцмана и Глину, видел? Как они тебе?

СТАРИК. Станный вопрос. Но изволь: Глина человек простой, без затей, Боцман более органичен в своей сопричастности вашей идеологии. Впрочем, оба вполне бездумные, жестокие служители культа так называемых нравственных ценностей.

ОФИЦЕР. Содомиты.

СТАРИК. Что?

ОФИЦЕР. Содомиты они, геи, доны педро. В прямом, не иносказательном смысле.

СТАРИК. Надо же. Но как?

ОФИЦЕР. Да вот так. Всем плевать, кто ты и что из себя представляешь, лишь бы солдатом хорошим был. И мне плевать. Если вокруг сплошной грех убийства, то кому какое дело до остальных грехов? Афишировать не стоит, понятно, но и никто тебя за подобное на дыбу не потащит. Нет на войне места догматам, есть только победы и поражения. А какой ценой будет добыта эта победа, всем наплевать.

СТАРИК. Тогда совсем плохи ваши дела. Мне казалось, что даже если нет цели, то хоть какая-то своя устойчивая норма есть у Инквизиции — пусть уродливая, пошлая, но которая успешно продаётся её адептам, типа «Бог есть порядок». Но нет порядка в Датском королевстве. Буду знать, спасибо.

ОФИЦЕР. Конечную цель никто не отменял.

СТАРИК. Я как-то пропустил, что за цель? В чём будет заключаться ваша победа?

ОФИЦЕР. В создании единого духовного пространства на данной нам Богом территории.

СТАРИК. То есть, в создании клерикального государства, где нет места чужим верованиям, атеизму, нет места Глине и Боцману, нет места любым проявлениям простой человеческой свободы. Сплошные марши с барабанами во имя. Отрубание рук и побивание камнями. Крестовые походы против неверных. Мальчишкам — строевые песни и кружки пулевой стрельбы, девочкам — уроки домоводства и санитарной помощи. Единоверие, помноженное не единообразие. Пошлость какая... Да, хорошо, что мы сейчас о девочках. Я, собственно, в любом случае собирался завтра с тобой поговорить.

ОФИЦЕР. Да ладно? Прямо вот так взять и поговорить?

СТАРИК. Представь себе.

ОФИЦЕР. Трудно представить. Практически, завтра уже наступило. Говори.

СТАРИК. Я прошу тебя отпустить эту девушку.

ОФИЦЕР. Почему?

СТАРИК. Просто так, в качестве жеста доброй воли. Чтобы я понял, что в тебе не истреблено ещё окончательно всё человеческое. Она же, по сути, ребёнок. И ещё она очень понравилась твоему сыну. И потому, что я тебя прошу.

ОФИЦЕР. Её взяли Боцман и Глина, а за всякого пленённого еретика у нас выплачивают пятьсот дукатов.

СТАРИК. Ты дашь им эти пятьсот дукатов.

ОФИЦЕР молчит, затем поднимает стакан с ромом, кивает на стакан СТАРИКА. Чокаются, выпивают.

ОФИЦЕР. Вряд ли это можно считать церемониалом примирения сторон.

СТАРИК. Вряд ли.

ОФИЦЕР. Нужно поспать хотя бы часа два. Давай ложиться, отец.

СТАРИК. Я могу надеяться?

ОФИЦЕР. Надежда никому ещё не мешала. Спокойной ночи.

*ОФИЦЕР залезает в спальник. СТАРИК задувает коптилку и возвращается на лежанку. Пауза.
ОФИЦЕРУ снится сон.*

СОН ОФИЦЕРА

*Пространство над столом освещается вечерним тревожным светом.
За столом сидят МАЛЬЧИК и МАМА. МАЛЬЧИК пьёт из кружки,
МАМА читает вслух.*

МАМА. «Лают бешено собаки в затухающую даль,
я пришёл к вам в чёрном фраке,
элегантный, как рояль.
Было холодно и мокро,
жались тени по углам,
проливали слёзы стекла,
как герои мелодрам...»

Вкусный сок?

МАЛЬЧИК. Нет, кислый. Дай ещё.

МАМА. Сейчас, подожди.

«...Вы сидели на диване,
походили на портрет.
Молча я сжимал в кармане
леденящий пистолет.
Расположен книзу дулом
сквозь карман он мог стрелять,
я всё думал, думал, думал —
убивать, не убивать?
И от сырости осенней
дрожи я сдержать не мог,
вы упали на колени
у моих красивых ног.
Выстрел, дым, сверкнуло пламя,
ничего уже не жаль.
Я лежал к дверям ногами —
элегантный, как рояль».*

Яблочного налить или вишнёвого?

МАЛЬЧИК. Не хочу. Ты зачем читаешь про какую-то рояль?

МАМА. Для работы. А рояль — это не она, а он.

МАЛЬЧИК. Как папа?

МАМА. Как папа. *(Смеётся.)* Только ещё лучше.

МАЛЬЧИК. Лучше папы ничего не бывает.

МАМА. Соображаешь.

За стол присаживается ОФИЦЕР.

ОФИЦЕР. Леденящий пистолет, значит? Врут всё эти поэты: вот, смотри. *(Достаёт пистолет, кладёт на стол перед МАЛЬЧИКОМ.)* Никакой не леденящий.

МАМА. Нет. Я же просила.

ОФИЦЕР. Перестань, у нас пацан растёт, не кисейная барышня.

МАМА. Я же просила.

* Стихотворение Геннадия Шпаликова.

*МАМА поднимается из-за стола, встаёт за спиной МАЛЬЧИКА.
ОФИЦЕР достаёт из пистолета пустую обойму, вставляет обратно.*

ОФИЦЕР (*показывает МАЛЬЧИКУ*). Вот так заряжаешь, смотри.
Потом предохранитель снять — и на спуск. Щёлк — и выстрел.
Попробуй.

МАМА. Нет, он не станет пробовать.

ОФИЦЕР. Не слушай маму, держи.

МАЛЬЧИК. Не хочу. Соку хочу.

МАМА приносит сок, наливает в стакан МАЛЬЧИКА.

МАМА. Ему неинтересны твои игрушки, видишь? Убери.

ОФИЦЕР. Ладно. (*ОФИЦЕР прячет пистолет в кобуру.*) Наверное, правильно, рано ему ещё. Пусть лучше стишки твои слушает, хоть там тоже про пистолет. Никуда от него не денешься. Лучше обними меня.

МАЛЬЧИК. И меня!

*МАМА обнимает обоих. ОФИЦЕР поднимает МАЛЬЧИКА на руки,
и они все начинают раскачиваться в танце. Звучит песня.*

До свиданья, малыш.
Я упал, а ты летишь.
Ну и ладно, улетай
в рай.

Ничего, ничего,
мы увидимся ещё.
Я и сам, я и сам
назло врагам
буду там.

Сон прерывается грохотом близких разрывов.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В первой комнате МАЛЬЧИК и ДЕВУШКА сидят за столом, СТАРИК возится с чайником у печки. За дверью, выводящей на крыльцо дома, во дворе стоят ОФИЦЕР и ГЛИНА. У бронемашини БОЦМАН твердит в рацию: «Часовня-три, ответьте Гвоздике-два». Канонада войны звучит приблизившимся фоном.

ГЛИНА. А который нынче час, господин офицер?

ОФИЦЕР. Восемь тридцать две.

ГЛИНА. Светло уже: если опять дроны налетят, то уж точно накроют. И где этот бензовоз чёрттов?

ОФИЦЕР. Не скули.

ГЛИНА. Слушаюсь.

ОФИЦЕР. Боцман?

БОЦМАН. Молчит Часовня, господин офицер.

ОФИЦЕР. Продолжай. Что с патронами, Глина?

ГЛИНА. Две пулемётных ленты, по четыре рожка к автомату. Два подсумка гранат.

ОФИЦЕР. Негусто. Ладно, как-нибудь.

ГЛИНА. Господь милостив.

ОФИЦЕР. Это он тебе лично сообщил?

ГЛИНА. Никак нет.

ОФИЦЕР. А я думал, тебе знамение было.

Из дома выглядывает СТАРИК.

СТАРИК. Чай готов, господин офицер.

ОФИЦЕР. Это хорошо. Глина, завтрак.

ГЛИНА уходит в дом, накрывает там на стол.

Как считаешь, Боцман, где оборону держать будем, если что?

БОЦМАН. Не хотелось бы. Магазин проезжали метров двести назад если. Кирпичный был когда-то, часть стен сохранилась, обзор на три стороны. Там можно.

ОФИЦЕР. Хорошо.

БОЦМАН. Но сколько мы тут продержимся, если они с бронёй подойдут? Минут пять, от силы десять. Я бы погреб какой искал

в доме, там пересидеть можно. Глина говорит, так спасся однажды.

ОФИЦЕР. А мирных этих куда ты денешь? Они же крамольники.

БОЦМАН. Известно куда.

ОФИЦЕР. А трупы куда? А бронемашину нашу куда спрячешь?

БОЦМАН. Виноват, не подумал.

ОФИЦЕР. Правильно, думать будешь, когда я прикажу. Связь мне дай, мыслитель.

Из дома выглядывает ГЛИНА.

ГЛИНА: Завтрак, господин офицер.

ОФИЦЕР. Пошли. Боцман: связь, связь.

БОЦМАН остаётся в машине, ОФИЦЕР с ГЛИНОЙ уходят в дом.

ДЕВУШКА. Смотри, малой, как инквизиция живёт: и тушёнка на-стоящая, и колбаса у них, и пряники к чаю. Знаешь пряники?

МАЛЬЧИК. Знаю. Я большой, я помню пряники.

СТАРИК. Даже я уже забыл.

ОФИЦЕР. Прошу к столу. Это вас тоже касается, девушка.

ГЛИНА (*Девушке*). Встала и пошла.

Все рассаживаются за накрытым столом. ОФИЦЕР, ГЛИНА и СТАРИК крестятся перед трапезой.

МАЛЬЧИК (*Девушке*). Я тебя вижу.

ДЕВУШКА. Молодец, глазастик.

МАЛЬЧИК. Тебя все видят. Никакая ты не прозрачная, а настоящая. И красивая.

ДЕВУШКА. Это я без шапки потому что.

ГЛИНА. А папка твой где, малец?

СТАРИК. Не стоит сейчас об этом.

ОФИЦЕР. Отчего же? Мне тоже интересно.

МАЛЬЧИК. Папа далеко, он плохих людей побеждает. Он самый сильный, сильнее деда, он про нас помнит. Он скоро уже приедет, и мы будем все снова жить вместе в Городе: я, папа и девушка. Только без мамы.

СТАРИК. Всё, ешь.

ДЕВУШКА. А эти люди, которые тебя сейчас пряниками кормят, они хорошие, малой?

ОФИЦЕР (*Девушке*). Теперь с вами. Мне, откровенно говоря, всё равно, из какого вы подразделения и кто у вас командир. Взяли вас с поличным, и чуть позже вы сами всё расскажете с максимальной степенью достоверности. Но у меня, так случилось, возникла некая этическая проблема, которую вы должны помочь мне разрешить.

ДЕВУШКА. Не буду я вам ни в чём помогать.

ОФИЦЕР. Будете, милая, обязательно будете. Тем более, что ничего предосудительного я от вас не потребую.

ДЕВУШКА. Знаю я, что вам потребовать нужно. Только попробуйте: всё вам там поотрываю, зубами глотки перегрызу, а не получите требуемого.

СТАРИК (*неизвестно кому, скорее всем*). Прекратите.

ГЛИНА (*смеётся*). Вот же ты дура.

ОФИЦЕР. Вынужден в данном случае согласиться с собратом Глиной. Послушайте, я задам всего два вопроса, которые никак вас не обяжут причинить умозрительный вред вашим боевым товарищам, но вполне могут решить вашу судьбу. Согласны? И не отвлекайтесь от завтрака, не стоит. У нас мирная застольная беседа.

ДЕВУШКА. Попробуйте.

ОФИЦЕР. Полагаю, вам известна история про мифологического Икара.

ДЕВУШКА. Какого ещё Икара?

ОФИЦЕР. Ясно. Вкратце, дело было так: жил на острове Крит некий мастер Дедал, который, в общем, был человеком так себе, но создавал уникальные изобретения по заказу владельца этого острова. В результате ему надоело работать в услужении, и он решил на побег. Склеил воском крылья из птичьих перьев для себя и сына своего Икара, строго предупредил того, чтобы не взлетал близко к Солнцу, и пошли они на рывок с острова. И тут паренёк этот, Икар, впервые познавший головокружение от истинной свободы, послушался наставлений родителя и полетел не в эмиграцию, а прямо на Солнце. Финал печален: в близком приближении светило опалило Икару крылья, расплавил воск, и он погиб, рухнув в море. Дедал же благополучно завершил побег, потеряв при этом сына. Внимание, вопрос: кто в этой истории вам более симпатичен — Дедал или Икар?

МАЛЬЧИК (*Старику*). А ты говорил, что Солнце тёплое и ласковое.

СТАРИК. Тише. Пей чай.

ДЕВУШКА. Благодарствуйте за завтрак. А насчёт байки, так чего тут сложного? Папаша всё правильно сынку объяснил, тот ослушался и разбился. Кто ж ему виноват? Дисциплину не для того придумали, чтобы её нарушать. Всё просто и понятно.

ГЛИНА. Дело говорит.

ОФИЦЕР. Замечательно.

СТАРИК (*Мальчику*). Запомнил миф? Бери карандаш и тетрадку, ступай в ту комнату, нарисуй мне историю про Икара.

МАЛЬЧИК. Ладно, пойду.

СТАРИК. А «спасибо»?

МАЛЬЧИК. Спасибо.

МАЛЬЧИК уходит.

ОФИЦЕР. Что ж, тогда вторая история. Случилась она давно, когда ещё был довольно глупый обычай стоять за свою честь, стреляясь на дуэлях. Вы, барышня, слышали про дуэли?

ДЕВУШКА. Не дурнее других, важных.

ОФИЦЕР. Отлично. Так вот, служили в полку два приятеля-офицера, один из которых устроил мелкую пакость, за что второй ответил ему пощёчину. Вышла дуэль. Один выстрелил и промахнулся, а второй воспользовался обычаем того времени, оставив выстрел за собой в любое удобное для себя время. Отмщение за поруганную честь не имеет срока давности, и офицер несколько лет выжидал удобного случая. Наконец ему пришло известие, что давний его соперник-дуэлянт счастливо женился. И вот он явился к нему за спасением своего честного имени. Только что женившийся офицер, успевший позабыть о давнем приключении молодости, признал справедливость возмездного выстрела своего давнего врага и согласился встать под пулю. Так вот, чем бы вы завершили эту историю?

ДЕВУШКА. Убийством, чем тут ещё можно завершить?

ОФИЦЕР. Не знаю, жалостью, скажем. Прощением.

ДЕВУШКА. Не для жалости же он столько лет терпел. А долг всегда платежом красен: хочешь не хочешь, а плати. Раньше надо было думать.

ОФИЦЕР. Вот и славно. Глина, отведи девушку в комнату к мальчику, последи там за ней.

ГЛИНА. Слушаюсь. Может, связать снова?

ОФИЦЕР. Лишнее, не стоит.

ГЛИНА уводит ДЕВУШКУ.

ОФИЦЕР. Ты за неё просил, отец? За это вот чудовищное?

СТАРИК. Да, пусть и за это вот. Это честное — простое, неграмотное, но честное. Без благородной патины принудительного величия, без оттопыренного мизинчика. Дети, как звери, определяются на инстинктах: мальчик чувствует её, а не вас. Она ему роднее. Докажите своё благородство, господин офицер.

ОФИЦЕР. Мне несложно.

Пауза.

Это простой случай.

Пауза.

Но всякое благородство имеет свою обратную сторону, отец, нравится тебе это или нет.

Пауза.

Я отпущу девицу прямо сейчас.

СТАРИК. Я верил в тебя. Я себе не мог признаться, но где-то там, очень и очень внутри, я в тебя верил. Спасибо, Господи. Спасибо, сын.

ОФИЦЕР. Ты не дослушал. Ты стал суетлив, ты стареешь — и даже жалко тебя становится. Ты не дослушал: я отпущу девушку, но ты отдашь мне мальчика. Такой размен. Такой неблагородный, но точный и единственно возможный размен.

СТАРИК. Нет.

ОФИЦЕР. Она пойдёт на костёр, отец. Медленное аутодафе, обещаю. Медленное, долгое.

СТАРИК. Тебя убьют, не сегодня так завтра, обязательно. И что станет с мальчиком?

ОФИЦЕР. У нас отличные интернаты для сирот-послушников. Потом кадетский корпус святителя Николая. Прямая честная жизнь сына офицера. Всё просто, без ненужных сомнений и поисков, без тлетворного влияния извне, без интеллигентских

мечтаний о несбыточном. Твёрдый путь настоящего гражданина своей страны.

СТАРИК. Освобождение человека от химеры совести. Известная дорога.

ОФИЦЕР. Не приписывай мне лишнего.

СТАРИК. Это не лишнее, это единственно возможная у вас перспектива для мальчика.

ОФИЦЕР. Нет времени на софистику. Просто отдай мне сына.

СТАРИК. Он не пойдёт с тобой, он тебя не знает. Он знает только меня.

ОФИЦЕР. Конечно. В противном случае торг был бы вообще неуместен. Но ты ему скажешь правду и благословишь на дорогу с родным отцом. Попрощаетесь по-доброму. Я бы и тебя забрал в нашу с ним дальнейшую жизнь, если бы существовал хоть малейший шанс на твой переход к нам. Но нет ведь этого шанса, верно?

СТАРИК. У меня встречное предложение. Мальчик остаётся со мной, и он никогда не узнает, кем был его отец. Ты навсегда останешься в его памяти великодушным, добрым и честным человеком, отдавшим свою жизнь за его прекрасное будущее. Никогда, можешь мне верить.

ОФИЦЕР. Я верю, отец, ты всегда был честен со мной. И теперь ты максимально честно обрекаешь эту юную милую еретичку на костёр. Интеллигентно, я бы отметил. Что ж, тебе с этим жить. Итак, ты жертвуешь девушкой? Важно, чтобы не было разночтений в этом вопросе.

СТАРИК. Кому важно?

ОФИЦЕР. Всем: мне, тебе. Создателю, если угодно. Так? Я жду.

Пауза.

У меня нет времени на твои внутренние терзания.

СТАРИК. Да.

ОФИЦЕР. Очень хорошо. Со своей стороны, я не обещаю, что когда-нибудь наш выросший мальчик не узнает о той цене, которой была оплачена его жизнь с тобой, а не со мной. Осталось уточнить формальности, просто для нашей совместной долгой памяти. Глина!

Из второй комнаты выходит улыбающийся ГЛИНА. Оттуда слышен смех ДЕВУШКИ и МАЛЬЧИКА.

ГЛИНА. Слушаю, господин офицер.

ОФИЦЕР. Девицу сюда.

ГЛИНА приводит ДЕВУШКУ.

Присаживайтесь, дорогуша. Сейчас мы сверим вашу личность с документом, её удостоверяющим. (*Достаёт из кармана документы ДЕВУШКИ.*) Начнём, помолясь. Так, родилась в соседнем городке восемнадцать лет назад. Восемнадцать, слышишь, отец? И фамилия ваша...

ДЕВУШКА. А что, восемнадцать? У нас и пятнадцатилетние в батальоне есть.

ОФИЦЕР. Я в курсе. Довольно прискорбный факт.

Во дворе БОЦМАНУ наконец удаётся установить связь.

БОЦМАН. Часовня-три, ты куда пропал, сука? Битый час здесь с рацией в обнимку. Где бензовоз, Фикса?.. Херасе... На месте, ждём же... Да, взяли вчера, километрах в десяти южнее... Не знаю, у офицера документы... А нам-то что делать?.. Понял, отбой.

БОЦМАН спешит в дом.

Господин офицер, Часовня ответила. Там вилы вообще.

ДЕВУШКА. Й-ес!

ОФИЦЕР (*кивает ГЛИНЕ на ДЕВУШКУ*). Убрать, связать.

ГЛИНА уходит с ДЕВУШКОЙ в дальнюю комнату.

ОФИЦЕР. Что? По порядку.

БОЦМАН. В общем, на Скернице отбились, или там у них отвлекающий манёвр был. Сейчас с этого фланга прорвались. Разведка сообщает, что через час могут здесь быть. Максимум, через два.

ОФИЦЕР. Бензовоз?

БОЦМАН. Бензовоза не будет. Ночью парк накрыло, три машины на ходу остались. И с девкой этой дело такое, нехорошее.

ОФИЦЕР. Что там ещё?

БОЦМАН. Ночью синие на связь вышли — Фикса как раз дежурил, рассказал. Говорят штабу, вы лазутчицу нашу взяли. Вернёте

целой и невредимой — остановим движение. Нет — пеняйте на себя. Злые очень, говорит. По сводке, никто вчера пленных не брал, кроме нас. Тем более, женского пола.

ОФИЦЕР. В переговоры штаб вступил?

БОЦМАН. С кем? Пытались через высшее командование, но у еретиков же анархия. Один батальон, чья девка эта, подорвался за неё, ещё один сразу вписался — и понеслась война по кочкам. А там уже арта хочешь не хочешь подключилась, дроны залетали. Всё по полной, короче.

ОФИЦЕР. Ясно.

БОЦМАН. Что делать-то будем?

ОФИЦЕР. Заткнись. Сейчас. Сейчас-сейчас. Так, колонну сгоревшую у въезда в деревню помнишь?

БОЦМАН. Так точно.

ОФИЦЕР. Канистру в руки и бегом туда. Может, нацедишь литров десять хотя бы. Живой ногой, марш.

БОЦМАН. Слушаюсь.

БОЦМАН выходит во двор, достаёт канистру из машины, убегает с ней. Разрывы слышны громче прежнего.

СТАРИК. Нет там бензина.

ОФИЦЕР. Я знаю.

СТАРИК. Отпустил бы ты девушку, всем лучше будет.

ОФИЦЕР. Помолчи.

Из дальней комнаты появляется ГЛИНА.

ГЛИНА. Ну что там, господин офицер?

ОФИЦЕР. Девицу связал?

ГЛИНА. Как приказано было.

ОФИЦЕР. Давай её сюда.

ГЛИНА приводит ДЕВУШКУ со связанными руками.

ОФИЦЕР. Хорошие новости для вас, барышня.

ДЕВУШКА. Да охренеть.

ОФИЦЕР. И тем не менее. Во-первых, костёр для вас отменяется.

СТАРИК (*встаёт на колени*). Спасибо, господин офицер, я верил в ваше доброе сердце.

ОФИЦЕР. Доброе, значит.

СТАРИК. Конечно, доброе. *(Девушке.)* Я вам обещал вчера, милая, но вы мне не верили. Но вот, вот. Господь милостив.

ОФИЦЕР. Тебе тоже знамение было на сей счёт, отец?

ГЛИНА смеётся.

Молчать!

СТАРИК. Не нужно знамений, Бог милостив по сути своей.

ОФИЦЕР. Не факт.

СТАРИК. Но вот же явление его милости, вот, здесь и сейчас.

ОФИЦЕР. Отнюдь.

ДЕВУШКА. Так я пойду тогда. Вы и без меня дальше спорить можете. Глина, развяжи.

ОФИЦЕР. Стоять! У нас был с тобой договор, отец?

СТАРИК *(поднимается с колен).* Был.

ОФИЦЕР. Я привык держать слово.

ДЕВУШКА. А я-то здесь причём?

ОФИЦЕР. При всём, дорогуша, при всём. Похоже, нам тут скоро принимать бой, бой неравный и потому короткий.

ДЕВУШКА. Порадовали. Действительно хорошая новость.

ОФИЦЕР. Да, аутодафе ваше, увы, не состоится. Глина, расстрелять еретичку. И не во дворе, а за домом и подальше. Нечего тут детей пугать.

ГЛИНА. Виноват, господин офицер, но пятьсот дукатов.

ОФИЦЕР. Дурак. *(Достаёт бумажник, отсчитывает купюры.)* Держи. Жаль, милая, что вы не читали мифы Древней Греции, да и классиков отечественной словесности тоже. Очень вам рекомендовал бы на будущее. Но нет у нас с вами будущего. Такая вышла история.

СТАРИК. Простите старика, милая. Простите.

ДЕВУШКА. За что, дед?

СТАРИК. За ложную надежду. Простите. За предательство даже.

ДЕВУШКА. Зря ты это сейчас им на радость. Ты хороший, отец. Мальца береги только. Такой пацан растёт у тебя, такой пацан.

Входит БОЦМАН с канистрой. Одновременно из дальней комнаты появляется МАЛЬЧИК, стоит в дверях.

БОЦМАН. Ни капли. Прострелены бензобаки, кто-то уже успел до нас.

ДЕВУШКА. Тоже хорошая новость.

ОФИЦЕР. Глина, исполнять.

СТАРИК. Я принесу бензин, давайте канистру.

ОФИЦЕР. Боцман, с ним. Поможешь. И быстро, быстро.

СТАРИК. Нет, я сам, один. Иначе не пойду. *(Мальчику.)* Ты зачем здесь?

МАЛЬЧИК. Я про Котика вспомнил. Не пришёл он?

СТАРИК. Нет, не пришёл. Нет его у нас.

МАЛЬЧИК. Значит сегодня придёт. Я соскучился.

СТАРИК. Иди к себе. Иди и ничего не бойся.

МАЛЬЧИК уходит.

СТАРИК. К моему возвращению девушка должна быть жива.

ОФИЦЕР. Хорошо, обещаю.

СТАРИК уходит.

БОЦМАН. А почему она вдруг должна быть не жива?

ОФИЦЕР. Потому что ты уже получил за неё расчёт. Деньги у Глины, пятьсот. *(ГЛИНА подтверждающе кивает.)* Такой тариф, девушка, такой тариф.

БОЦМАН. А если её отпустить? Помирать нам рановато, есть у нас ещё дома дела. Деньги вернём, да, Глина? Вот, вернём.

ОФИЦЕР. Я вас под трибунал. Или сам тут не поленюсь.

БОЦМАН. Да я только как вариант. Я ничего.

ДЕВУШКА. Впервые меня за деньги.

ОФИЦЕР. Нас всех когда-то и за что-то впервые. Но вам повезло: первый раз, он же и последний. Тот первый раз, он поздний самый. Однако нужно спешить. Всем из дома.

*ГЛИНА выводит ДЕВУШКУ на улицу. За ними во двор выходят
БОЦМАН и ОФИЦЕР.*

ГЛИНА *(глядя в небо).* Вроде светлее сегодня обычного, а?

БОЦМАН. Та же хмарь. Обрыдла. А если не найдёт старик бензина, что делать будем, господин офицер?

ОФИЦЕР. Я тебе уже говорил что. Магазин, оборона. Но он прине-
сёт, он держит слово.

ДЕВУШКА. Да, Глина, светлее. Свободнее дышать.

ГЛИНА. И кажется, весной пахнет.

ДЕВУШКА. Да, пахнет.

БОЦМАН (*Девушке*). Будет тебе сейчас свобода, полная и оконча-
тельная.

ДЕВУШКА. Ну так что ж.

*Во двор входит СТАРИК с тяжёлой канистрой, ставит её перед
ОФИЦЕРОМ.*

СТАРИК. Вот бензин. Заправляйтесь скорее и уезжайте, богом про-
шу. Все уезжайте, вчетвером.

ОФИЦЕР. Спасибо, отец. Боцман, заливай бензобак. Глина, приказ.

СТАРИК. Не берите грех на душу, господин офицер.

ОФИЦЕР. Глина, приказ!

ДЕВУШКА. Хороший пацан растёт у тебя, отец. Обними его за меня.
Хороший.

*Из дальней комнаты в первую выходит МАЛЬЧИК с тетрадкой
и карандашом.*

МАЛЬЧИК. Деда? (*Смотрит в окно, затем садится за стол, рисует.*)

Она тоже уедет. Все уезжают, как папа. И она теперь на маши-
не этой с пулемётом. Там лёгкий пулемёт на машине сверху,
не крупнокалиберный. Он чуть громче автомата стреляет, не
страшно. Страшно, когда танк рядом стреляет и от него дым
чёрный, солярный, вонючий. Дед запрещает говорить «воню-
чий», а как говорить — не говорит. И трупы такие вонючие, если
давно уже лежат. Пусть он не выдумывает. Нет, не буду сегодня
трупы рисовать, не хочу. Лучше девушку нарисую, милую.

ГЛИНА уводит ДЕВУШКУ за угол дома, БОЦМАН заливает бензин.

*Доносится голос ДЕВУШКИ: «Гармонист ты гармонист, ласковы
ручонки. Сохнет с солнышком трава, сохнут и девчонки».*

Вот такая у неё пусть будет шапка, с помпоном. А здесь мы с де-
дом сидим, видим её как живую. Как будто маму видим. И пусть

чтобы солнце, чтобы светло и везде можно было бегать и играть. И Пёсик пусть со сметаной, и Котик с ним вместе. А там мама идёт смотреть выставку. И Ленка со своей мамой, и Артур одноногий, и бабка Эльза идёт, и солдаты эти идут, и девушка эта красивая. И ещё много всяких разных людей со всякими разными лицами: белыми, жёлтыми, чёрными, красными. Потом их всех нарисую, когда карандашей цветных у меня много будет. И все весёлые будут, радостные. Потому что лето, потому что светло на улице, ярко и чисто. И солнышко опять. И все живые. Пусть всегда будет солнце. Пусть всегда.

На улице из-за дома раздаётся короткая автоматная очередь.

БОЦМАН (*опуская пустую канистру*). Готово, господин офицер.
ОФИЦЕР. Заводи.

БОЦМАН садится за руль, заводит бронемашину.

Приведи мальчика, отец.

СТАРИК. Нет.

ОФИЦЕР. Я держу слово. Только попрощаться.

СТАРИК. Нет.

ОФИЦЕР. Мне не нужно твоего согласия, но лучше если ты приведёшь его сам.

Возвращается ГЛИНА.

ГЛИНА. Исполнено, господин офицер.

ОФИЦЕР. Допустим. Оружие к досмотру.

ГЛИНА. Слушаюсь.

ГЛИНА отдаёт автомат ОФИЦЕРУ. Тот осматривает его, оставляет у себя. К ним подходит БОЦМАН.

ОФИЦЕР. Боцман, проверить исполнение.

БОЦМАН уходит за дом, все молчат. Через недолгое время оттуда доносится звук нескольких автоматных очередей, затем одиночные выстрелы. БОЦМАН возвращается.

БОЦМАН. Ушла, сучка, не попал. Мог ранить легко, но вряд ли. Далеко было и заборы там.

СТАРИК. И всё же Бог милостив. Спасибо тебе, Господи. *(Глине.)* И тебе спасибо, добрый человек.

ОФИЦЕР. Руки, добрый человек. *(ГЛИНА протягивает руки, ОФИЦЕР застёгивает ему на запястьях наручники.)* Этот добрый человек, не моргнув глазом, расстрелял только на моей памяти не меньше десяти мирных и не очень людей. Но сегодня что-то пошло не так. Я знал, меня чутьё редко подводит. Какой у нас сегодня день, Боцман?

БОЦМАН. Среда вчера была, сегодня четверг.

ОФИЦЕР. Я просто не знал, рядовой Глина, что вы по четвергам людей не расстреливаете. Был, понимаете, не в курсе, командование до меня не довело такую особенность вашего организма. Есть ли у вас другие нерабочие дни? На всякий случай, чтобы не ставить вас всякий раз в неудобное положение.

ГЛИНА. Какой уж теперь всякий раз. Виноват, господин офицер. Помрачение нашло, себя не помнил. Всё пси-излучение это, нам в политцеркви доводили, что чуть не каждый третий еретик им оснащён и обучен воздействию. Вот она им меня и ударила в последний момент, похоже. Виноват.

БОЦМАН. Прошу прощения, господин офицер, но если уходить, то прямо сейчас. С минуты на минуты могут дорогу обрезать, не прорвёмся тогда.

ОФИЦЕР *(кивает на ГЛИНУ).* Этого в грузовой отсек до трибунала. Сам за руль и смотри чтобы он тебя там пси-излучением не отравил. Двери в машине закрыть.

БОЦМАН грузит ГЛИНУ, садится за руль, захлопывает дверцы бронемашины.

СТАРИК. Я знал, что ты её отпустишь.

ОФИЦЕР. Нет, это случайность. Её ещё принято называть промыслом Божьим.

СТАРИК. Ты сомневался в солдате, я видел.

ОФИЦЕР. Да, но он вполне мог развеять мои сомнения — и тогда всё прошло бы по плану. Но ты можешь планировать свою судьбу лишь для того, чтобы рассмешить Бога.

СТАРИК. Что будет с этим Глиной?

ОФИЦЕР. Известно что: пытка, трибунал, публичная казнь. Если они сейчас меня не уговорят забыть об этом случае неповиновения приказу. Пусть попробуют.

СТАРИК. Подожди.

СТАРИК уходит в дом, одевает МАЛЬЧИКА, выводит его на крыльцо. Канонада войны усиливается.

БОЦМАН (*высовываясь из машины*). Ну, господин же офицер!

ОФИЦЕР. Рот закрыл. И дверь.

СТАРИК. Мы попрощаться.

МАЛЬЧИК. Мы вежливые потому что.

СТАРИК. Прощайте, господин офицер.

ОФИЦЕР. Прощай, отец. (*Протягивает ладонь для рукопожатия, но, спохватившись и не закончив жеста, присаживается к мальчику, протягивает ладонь ему.*) До свидания, малыш.

МАЛЬЧИК (*отвечает на рукопожатие*). Прощайте.

ОФИЦЕР. До свидания. (*Встаёт, спешит к машине.*)

*Бронемашина с военными уезжает.
МАЛЬЧИК машет им вслед рукой.*

МАЛЬЧИК. Пока! Пока-пока!

СТАРИК. Вот мы и опять одни. Сами по себе.

МАЛЬЧИК. А где ты бензин им нашёл?

СТАРИК. У Артура одноногого, я знал, что у него есть. Нельзя было только солдат туда вести, мало ли что могло случиться.

МАЛЬЧИК. А это же инквизиторы были, да?

СТАРИК. Это, в общем, тоже люди. Какие есть.

МАЛЬЧИК. Ты раньше говорил, что инквизиторы страшные и их надо победить. И тогда уйдёт темень и вернётся свет.

СТАРИК. Я и сейчас так говорю.

МАЛЬЧИК. Значит, я их всё равно победю. Есть такое слово, ты сам разрешил. Победю, победу, победу!

СТАРИК. Конечно, победишь. Ты всех победишь. А сейчас мне надо за дровами идти. Потом пилить их будем с тобой.

МАЛЬЧИК. Пилить дрова. Ура!

Канонада войны быстро стихает и прекращается. Луч неяркого света с неба начинает освещать СТАРИКА и МАЛЬЧИКА. С каждой секундой свет становится интенсивнее.

Деда, смотри. Да не туда, вверх смотри. Что это?

СТАРИК. Это небо, малыш, чистое небо.

МАЛЬЧИК. Мгла уходит?

СТАРИК. Похоже, так.

МАЛЬЧИК. Навсегда?

СТАРИК. Не знаю, вряд ли. Темень не уходит навсегда, она просто прячется от света. Чем больше света, тем меньше тьмы. И наоборот. Ну, сам теперь всё это увидишь.

МАЛЬЧИК. Я уже всё вижу, я большой.

СТАРИК. Конечно. Ты видел так много взрослого и так много лишнего, что не мог не стать большим.

МАЛЬЧИК. И сильным?

СТАРИК. И сильным. Ты сам не знаешь, какой ты сильный. И станешь ещё сильнее. Обязательно.

МАЛЬЧИК. Дед, а как называется этот цвет неба?

СТАРИК. Лазоревый, малыш, или просто синий. Самый красивый цвет. Самый красивый.

ОБ АВТОРЕ

Михаил Лебедев окончил в 1983 году военно-медицинский факультет при Томском мединституте. До 1991 года служил в Советской армии, был участником афганской кампании. Уволился в чине капитана медицинской службы в Омске. Работал журналистом в местных изданиях, выпустил два сборника стихов и пьес «Нормат» и «Ненормат».

В 2019 году ушёл из профессии, в 2022 году в издательстве «Лит-Рес» вышел его роман-предостережение «До третьей звезды». В пьесе «До свидания, малыш» (ноябрь 2022 г.) удивительным образом отсутствует ненормативная лексика, которой автор обычно старается не пренебрегать.

Валерий СЛУЦКИЙ
ИЗБРАННЫЕ СТИХИ (2020–2022)

* * *

Детство, оставив кашку или игру
В куклы-машинки, спрашивает: где дед?
— Умер. — Я тоже умру?
И, понятно, услышит: Нет.
— Мама, — спросит детство, — а ты?
— Я? Буду всегда с тобой...
Дальше смерть обретает романтические черты
В пору пушка над верхней губой,
Соблазняет слезами вокруг именной плиты
Или чьей-то с памятником судьбой.

Муча юность, молодость, зрелость,
Всяк своё познавал,
Выбирал что прозрелось
В драмах, храмах, у вещунов-зазывал,
В inferнальном по сути
(Светлом, мрачном ли) культе муз,
В любомудрии и мистической мути —
Что подсказывал ум и вкус.

С мёртвой точки сдвинув вопрос,
Жизнь ответит одна им...
Полувшутку-полувсерьёз
Тот, чей адрес былём порос,
Улыбнулся, — Помрём — узнаем...

* * *

За кипарисом стук мяча.
В окне субботняя свеча,
Вторая скрыта рамой.
Стою под звёздами вдали
От незапамятной земли,
Но в центре нужной самой.

И только в мамином окне
Экранный отсвет на стене
И звук виолончели.
Её трепещущий мотив
Подобен, зыбкость воплотив,
Листве, звезде, свече ли?

И если мыслю слово «дни» —
Не в сочетании «верни»,
Но с ясностью иною.
«Не отбери» скажу, оставь
Их сотворившуюся явь
При мне, во мне, со мною.

* * *

Я ждал письмо вернувшейся любви,
Сквозной, как нерв, едва прошедшим тронем.
Одно прошу — имён не назови
За тридцать лет, где был я посторонним...

Неважен город, фон заплечных куш,
Равно маршрут в билетном перелёте.
Посредством буквы ждущий вездесущ,
Как дух в потусторонности без плоти.

Найтись по жизни шанс был невелик
В пространствах спиритического «где-то»,
Откуда ни вернись почтовый клик —
Гадай о невозможности ответа...

* * *

Удачный день. Проглядывает синь,
Навязчивую пасмурность осилив.
Казалось бы, сказать душе: Раскинь...
Мол, где размах тебе присущих крыльев?

Но давит в подсердечной глубине
Чужая боль, какой ответить нечем —
Разумным тварям, никнущим ко мне,
Равно безумным мукам человечьим.

От вздохотерапий и «селяви»
Мутит, как от прогорклого съестного.
Что выразить имеешь — отзови
Назад в мозги. Гроша не стоит слово.

Иного не оставишь, лишь балласт
В обложке книжной, ящике, конверте.
Что не доходит, время передаст
Единственно надёжной — почтой смерти.

* * *

Бороться не с кем, не с чем воевать.
Прилаживай (не выкинешь из жизни)
С момента как застелена кровать
К стене шуруп, счета к дороговизне.

Когда мозги не то чтобы пусты,
Но пребывая в собственном астрале,
Вполне постигли мудрость немоты
Для выхода из замкнутой спирали.

Надежды в долг (итогами отдашь).
Увы, — ответу жизни-кредитору, —
Всё чем богат — баранка и пейзаж,
Дивящийся дорожному затору.

Что впереди, не ведает никто,
Пунктиром продвигаясь понемногу —
Носилки и размятое авто,
Проводят ли овец через дорогу.

За ссудный день судьбу благодарю
И то, что в погашенье не изъято —
Светящую надеждами зарю
И стопку виски — спутницу заката.

* * *

Мне увиделись три эпохи,
Коих дар не хорош, не плох,
От надежд «при царе горохе»
До удач «от стены горох».

Та, которой отсчёт «вначале»,
Разной памяти Ленинград, —
Вдохновенность (о чём?) печали,
Безутешность (чего?) утрат,

Вкус обид, немота протеста,
Новизна, теснота границ...
Им своё за морями место —
Неисполненность, промельк, блиц.

И вторая — мощь интереса
К пониманью без тайн и дыр,
Где свернула экран завеса,
На какой рисовался мир.

В новом знанье (все-Я-едином)
Прозревал, стремясь превозмочь,
Вброс язычности (дань глубинам)
И её inferнальный скотч.

Только неотменимость блага
«Быть», несмертность по факту «Я»,
Что даётся усиьем шага
В очевидность Всебытия.

И за ней последняя, третья,
Что щемит кругозором лет,
На какую уже смотреть я
Не сумею, как прежним, вслед,

Где не то чтобы скарб пакую,
Но за ней четвёртая, та,
Всереальность меня, в какую
Ясен путь, но узки врата.

* * *

Пространства безумьем объяты.
С востока и запада — мгла.
И только святятся Шабаты
В дурной бесконечности зла.

Молитвы их, звёзды и свечи
Подобны держащей скобе.
Цепляйтесь, сыны человечьи,
Несомые к сточной трубе.

За трапезой боль очевидца
Шабатным вином освятим,
Когда не о жизнях молиться,
Но лишь — о «тхият а-метим».*

* *Иврит*. В традиционном переводе — «Воскресение мёртвых»

* * *

Разменянная мною на слова,
В служении прорывам и застоям
Реальность предсказуемо нова,
В которой событийная канва
Подобна примелькавшимся обоям.

И есть второй, творимый ею пласт,
Под зыблющейся ровностью течение,
Влекущее туда, где жизнь воздаст
Усилю пониманья: цель — балласт.
Нет «смысла жизни» — лишь её значенье,

В каком добро и зло, как мир теней.
Лишь — ясность, восполняющая цель нам
Любовью и равно стремленьем к ней
В единстве неслиянно-нераздельном.

* * *

По жизни из запомнившихся фраз
Одна, как путеводная звезда —
Не я, так кто? И если не сейчас,
Когда?

Ячейками злопамятного сита
Отсеивая добрые дела,
Оправдыванья память отмела.
И только в чём повинен — не забыто.

Не я, так кто (не дал себе труда)
Мог различить страданье и причуду,
Равно понять где прихоть, где нужда...
И если не сейчас прощённым буду,
Когда?

* * *

«Земную жизнь пройдя до...», скажем так,
До точки «не становимся моложе»,
Взираю без панических атак
На божий мир с творящимся «о Боже!»

Дивиться злу не позволяет вкус,
С безумьем спорить — опытность на страже:
Неси, мол, свой, тебе посильный груз
С готовностью — чем дальше в лес, тем гаже.

Нет «смысла жизни», смысл — она сама,
Как блага нет в ней, жизнь сама есть благо,
Которой данность — пробник для ума
В реальности святилища и флага.

Бог даст, очнёмся в будущем. Каком?
Его помыслить нет первопроходца,
Но только всеми враз и целиком
Само каким-то образом поймётся.

* * *

Что высветилось чувством, было сном,
В каком любил, отпущен настоящим,
Забывший знать всего лишь об одном —
Не снилось имя в благостно-щемящем.

Светилась близость даром наготы
И счастьем плоть, как тяжкое — прощеньем,
В той близости с отсутствующим «ты» —
Друг к другу в двуединстве обращеньем.

Любим, любил в реальности, какой
Дано лишь на несбыточность обречь и
Ещё искать присутствие рукой
В щемящем угасании невстречи.

* * *

Когда необходимость впереди
Предаться заполняемым бумагам,
Завидуешь, Господь не приведи,
Бомжам, умалишённым и бродягам.

Объёмом слёз наплакавши моря,
Живут потомки изгнанных из рая,
По разуменью нужное творя
И нужные бумаги собирая.

В стремленье духа вырваться из граф
И прочего, расчерченного Змеем,
Мудрец, склоняясь над формой, будет прав,
Твердя: «Что заполняем, то имеем».

* * *

С убедительным цветом и резкостью аж
До мельчайших... на снимке, увенчанный клёном,
С валуном и вазоном знакомый пейзаж
Для тебя остаётся незапечатлённым.

Нет, понятно, по случаю фото возьму
Уточнить (избирательна память) детали.
Фотокопии жизни, пойми, почему
Говорящим душе воскрешением не стали.

Лишь творящему эта возможность дана.
Беглый росчерк тебя пробивает как током,
Абрис кроны, вазон и изгиб валуна
К бытию возвратив карандашным намёком.

И подумалось, невоскрешаем предмет.
Эхо «бывшего» — снимки, его отголоски,
Ложь подобия. Жизни как копии нет,
Но — воскреснув из сущности, дышит в наброске.

* * *

*Мысль — Образ — Музыка — вот идеальная
тройственность, к которой стремится поэт.*

Николай Заболоцкий

«Мысли», «образа», «музыки» мало.
Инструментом бряцая, триада
Сокровенное не досказала,
Без чего инструмента не надо.

Жизнь с дарами, делами, изводом,
Было горестно или светло вам,
Как фантом, отнимаема ходом
Жизни, но обладаема словом.

Тем, особенным: сказано — стало.
Было сказано — живо, что было,
Но гранясь, как мерцанье кристалла,
Нежно-раняще, горестно-мило.

Нет без «сказано» вкуса граната,
Хруста снега, кострового дыма.
Сущим словом творится «когда-то»,
Обладаемо-неотменимо.

Близость женщины, преданность друга
Вместе с трепетным существованьем,
В нём, как светом фонарного круга,
Обнимаемы нерасставаньем.

* * *

Громыхает с оттяжкой гроза,
Проча град, но пока — вхолостую,
Где уже опасешься за
Крышу дома, как парус, крутую.

Ураган не заряжен дождём,
У него на раскачку неделя,
За какой (не сказать: «переждём»)
Обречёт на полгода безделья.

Рукомёсла наружные брось,
Не успев завершить до потопа.
И живи с недостроенным врозь,
Зря в окно, как в глазок перископа.

Возвращай (накопились) долги
В части нерукотворного, коим
Мост спасенья (потоп помощи!)
Через бездну безумия строим.

* * *

— Ты запустил насущные дела, —
Читаю беспощадный взгляд развала, —
Не просто куча — куча-немала,
Такого (всё случалось) не бывало.

Тебя, как ты — развал, не разберёшь,
К каким от дел утащен эмпиреям?
Досадной отвлечённостью похож
На тронутого ямбом и хореем.

«Мне нелицеприятное вменя, —
Я совестливо ближнему отведу, —
Не путай с сутью слабость человечью.
Сперва порядок в мыслях. Верь в меня»

* * *

С пистолетом, ненужным покуда,
Сейф, над коим, изысканный столяр,
Не в пример (рукотворное чудо)
Боевому — дуэльный пистоль.

С дуговой рукояткой вещица,
Молоточным захватом кремня,
Он к тому, чего нет, приобщиться
Призывает, волнуя меня.

С безобидной глазницею дула,
Шестигранною ковкой ствола...
Лишь дознайся — была и минула,
Та реальность иль быть не была?

Кто им целил в стоящего боком,
Где отмерен шагами барьер?..
Знать о том, чего нет, и далёком
Может с точностью лишь легковой.

Не рождается истина в спорах,
Назначение версий — отпасть,
Кроме ясности — вспыхивал порох,
Как задетая искрою страсть.

ОБ АВТОРЕ

Валерий Слуцкий родился в 1954 году в Даугавпилсе. Жил в Ленинграде. Закончил ЛГПИ им. Герцена (дефектология, русский язык и литература). Участник сборника «Круг» (Ленинград, 1985). В 1988–90 гг. заведовал отделом поэзии журнала «ВЕК» («Вестник еврейской культуры»).

Репатрицировался в Израиль в 1990 году.

Автор семи поэтических книг, включая сборник переводов «Из еврейской поэзии XX века» (2001).

Живёт в поселении Кдумим.

Анатолий БЕРЛИН

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ТРИСТА ЛЕТ ВМЕСТЕ

...причудливо тасуется колода

Михаил Булгаков

Мы вместе были триста долгих лет,
А, может, много дольше, кто считает?
Генетики шлют пламенный привет
Всем тем, кто истины не знает.

Возьмём лишь для примера род один —
Шафирова — сподвижника Петрова,
И шлейф его Марий — Екатерин,
И отпрысков от сына разбитного.*

Клан Долгоруких ген заполучил,
Гагариных, Головиных, Хованских
Не обошло наличие причин
Чуть поиграть колодою дворянской.

* Барон Шафиров — дипломат петровского времени, вице-канцлер, Кавалер ордена св. Андрея Первозванного. Происходил из семьи польских евреев. Екатерина, Марфа, Наталья, Анна, Мария — дочери Петра Шафирова, вышедшие замуж за представителей первейших фамилий России, оставили огромное количество потомков. Исайя — сын Шафирова — имел шестерых детей.

А вслед им шли Чичерин, Трубецкой,
Блаватская, граф Витте и Юсупов,
И Вяземский, и Алексей Толстой... —
Генеалогию российскую попутав.

Да что Шафиров — мир его душе —
В России из местечек безымянных
Детей еврейских сызмальства уже
Приписывали к службе окаянной.

Не дослужившись там до эполет,
Их воинство удалых кантонистов
Спусти лишь двадцать пять суровых лет
По миру расползалось... «Сионисты»
С фамилиями Быков, Иванов,
Петров и Сидоров, и далее по списку,
Достав свои «обрезы» из штанов,
Приобретали русскую прописку.

Коктейль из крови пращуров течёт
По венам славянина, иноверцев,
И кто сегодня, к чёрту, разберёт,
Какую смесь гоняет ваше сердце.

История! — В ней множество интриг,
Внебрачных связей и деторождений,
И весь, пардон, антисемитский крик
Стоит на зыбкой почве отношений
С народом, сеченным и вдоль и поперёк,
Осмелившимся проторить дорогу...

А юдофобам, впрочем, невдомёк,
Что предки их ходили в синагогу.

ПРЕДОСЕННЕЕ

В витринах осень, день затих,
Пожухлый лист недолговечен...
Как хорошо ложится стих
В прохладный августовский вечер.

И я, последний из повес,
Попавший в плен к желанной даме,
Объятый таинством небес,
Бреду неспешными шагами.

Пряду я кружево из букв,
Как одержимый юный Вертер,
Предательски: «Шарлотта Буфф»*
Срывает с губ упругий ветер.

Короткий миг забытых встреч
Напомнит трепетное скерцо,
И аромат покатых плеч
Пронзит измученное сердце.

УЙТИ ВТОРЫМ

Ты прошёл с этой женщиной россыпи счастья и боль...
Где найдёшь ты слова — благодарным быть жизни и смерти
Лишь за то, что сумел не оставить жене эту роль —
По привычке дышать опостылевшей вдруг круговертью.

Клавесина аккордов прервался чарующий звук,
И погас небосвод непрерывного «шумного бала»,
И портрет, сбережённый тобою в потоке разлук,
Завещал пережить эту данность и вновь, и с начала.

* прототип образа Лотты в романе Гёте «Страдания юного Вертера»

Наш Хранитель, наш доблестный Ангел, поверь,
Без любимых своих нам не в радость ни дети, ни внуки,
Открывая подругам заоблачной благодати дверь,
Избавляешь ты их от жестокой и тягостной муки.

Пусть вторым ты уйдёшь, пусть немислимой будет цена
Навещать тот погост, где тебе бесприютно и сирю,
И в другой ипостаси, которая Богом дана,
Ждать свидания с ней за пределами этого мира.

СЛАВЯНСКОЕ

Не верти главой...
Ошую*

Ты увидишь — пляшут черти...
Тешить их до самой смерти —
Наша доля...
Одесную** —
Только хуже...
Там партийцы
И царьки различных рангов
Ловят души спозаранку —
Им неймётся, кровопийцам!

Наши души, наши беды —
Всё смешалось в круговерти!
Чем забота мироедов,
Вот те крест, то лучше черти.

Было так и будет присно —
Кто там тянет ляжку в мыле?..
А житьё — оно капризно...
Глянь-ка в лужу: это мы ли?

* слева (старорусс.)

** справа (старорусс.)

СЛУЧАЙНО ИЛИ НЕТ

Последними уйдут евреи и свет погасят за собой...

Случайно или нет, — в том тайна Бога,
Там племя иудейское взросло,
Где начиналась скорбная дорога
И вечная борьба Добра со Злом.
Звучит набатом память поколений
Об ужасах погромов и гонений
В груди и талмудистов, и марксистов...
Век-волкодав к евреям был неистов.
Всем прочим же нещадно повезло
Иметь пассионарного собрата,
Которому «всегда всех больше надо»,
Который за и против, и назло.
Первопричина мирового стресса,
Влиял народ на атрибут прогресса,
Умом крепчая, развиваясь телом,
Летел вперёд в желанье оголтелом
Везде успеть, всех обогнать и боле:
Ведущие играть «среди равных» роли.

В чести образование, ремесло,
Учёных много и почти нет быдла,
Евреев в мире малое число,
Но нациям оно давно обрыдло.

В ущерб себе век антисемитизма,
Презрев и человечность, и мораль,
Раскручивает новую спираль
В преддверии грядущих катаклизмов...
Мессии не видать на горизонте,
Чтоб разрубить гордиев узел сей,
А, может Он, боясь земных страстей,
«Умывает руки», как когда-то Понтий?

МОЛЬБА

Роди мне девочку, жена,
Зеленоглазую блондинку,
Какую видел на картинке,
Которая во сне жила.

Я свой закат ей подарю,
Поэзией украшу детство,
Стихи оставляю ей в наследство...
Тебя о дочери молю.

Весёлый бантик, две косы
И кружева на белом платье,
И смех, и детские объятия,
Тревоги долгие часы...

Мне дочь отчаянно нужна,
Она продлит моё блаженство
Своим невинным совершенством...
Роди мне девочку, жена.

ОБ АВТОРЕ

Анатолий Берлин — поэт и эссеист, переводчик и меценат, родился в Ленинграде, ныне живёт в Америке.

Пишет на русском и английском языках. Автор шести стихотворных сборников. Член Международного ПЕН-клуба. Лауреат международных поэтических конкурсов, обладатель дипломов «За вклад в русскую поэзию XXI века», «Признание мэтра» и многих других.

Стихи и проза Анатолия Берлина печатаются во многих литературных журналах и альманахах поэзии.

В 1996 году совместно с женой основал литературно-музыкальный салон «Дом Берлиных», ставший впоследствии учредителем ежегодной международной литературной премии «Серебряный Стрелец».

Борис САНДЛЕР
МАФУСАИЛ И НЕХАМА

В иерусалимском доме престарелых со звучным названием «Золотой возраст» он был старожилом. Все, кто жили или работали там даже много лет, уже застали его, когда пришли. Звали его «Мафусаил», но это было не имя, данное при обрезании, а прозвище. Впрочем, что значит «звали»? Чтобы к нему обратиться, надо было сперва привлечь его внимание, коснуться рукой — старик был глух как стенка.

Как и у других обитателей дома престарелых, у Мафусаила была своя комнатка. Находилась она в левом крыле двухэтажного здания, ещё в двадцатые годы построенного специально под богадельню на самой окраине — самом подходящем месте для тех, кто уже одной ногой в могиле.

Прозвище рисовало маленького, хиленького старичка — божий одуванчик, — а действительность являла крепкую, прямую, несмотря на возраст, спину, широкие, привычные к тяжёлой работе плечи, мощную шею. Рябое, загорелое лицо, опалённое песком хамсинов, нос картошкой, лохматые брови, чёрные глаза и особенно растрёпанная, выгоревшая на солнце борода делали его похожим на русского субботника, или на гера, или даже на толстовца, которого судьба из холодной России забросила в знойную пустыню далёкой Палестины.

Свой путь в Израиль Мафусаил начал в бессарабском местечке, еврейской колонии Маркулешты. Свою «гахшару» он прошёл ещё безусым пареньком, задолго до того, как узнал смысл этого слова. Едва ветерок приносил в местечко запах отары, босые ноги сами несли его в долину, где в тесной кошаре на склоне холма, будто прижавшись к широкой зелёной груди, толкались и тёрлись шерстяными боками овцы. Почувяв гостя, овчарки, весело виляя хвостами, бросались ему навстречу. Но не припадали к его ногам, а резко останавливались, сильными лапами упирались в землю, царапали её когтями и хрипло поскуливали, выгнув спины. Парень падал на траву, хватал то одного, то

другого пса за густую, гладкую шерсть, и они включались в игру, резвились, пока пастух не подзывал их пронзительным свистом, а гость бежал за собаками следом. В кошаре вместе с пастухами он оставался до утра. У них всегда находилось для него немного холодной мамалыги, ломтик круто посоленной брынзы, луковица. Уже тогда пастухи звали его не по имени, а просто высвистывали ему: «Хей, чобанэ жидан!»

Перед Пейсахом, в чисто вымытые небеса, над долинами поднимался душераздирающий плач, будто тысячу младенцев одновременно оторвали от материнской груди. Вопли эти резали слух острыми, длинными ножами, которыми молдавские пастухи и еврейские резники закалывали невинных ягнят. Каракуль приносил торговцам немалый доход, а замаринованные и поджаренные тушки украшали праздничный пасхальный стол.

В насытившемся весеннем воздухе замолкал последний всхлип, и первая звезда всходила над орошённой кровью долиной. Пастухи, словно псы, отгоняющие чужака от стада, щерились на зарёванного еврейского паренька: «А всё ж ты больше „жидан“, чем „чобан“!..»

Мафусаил постарался всё забыть. Как сор, вымести из головы, веником, связанным прожитыми днями и ночами. Древним плугом пропахал в памяти глубокую борозду и переворачивал пласт за пластом, пока не скрылась под ними тучная целина воспоминаний об его изгнании близкими, но теперь далёкими душами... Его злость на них была сильнее разума.

В столовой он сидел напротив лысого старика в большой чёрной ермолке. Раньше, в молодости, тот служил в Пальмахе. Старика звали Зиги. Его когда-то пухлые щёки давно сдулись и пустыми мешочками свисали по углам рта. Зиги пережёвывал пищу беззубыми дёснами, и щёки болтались, как колокольчики без языков. Он отщипывал кусочек питы, макал в тарелку с куриным супом и торопливо заталкивал в рот. Двигая челюстями, тарасился на Мафусаила и что-то бормотал себе под нос. Мафусаил, делая вид, что слушает, кивал. Вероятно, это означало: «Не так вкусно, как у бабушки, да, Зиги?» А Зиги пожимал узкими плечами и отщипывал от питы новый кусочек.

После ужина, как здесь было заведено, Мафусаил смотрел новости. Именно смотрел, потому что ничего не слышал. Хотя в Мафусаиловы годы слушать израильские новости вообще необязательно, и так известно, что там всего три главные темы —извечный балаган в Кнессете, война, которой неизбежно заканчивается любое перемирие с арабами, и ортодоксы, у которых всё не как у людей. К концу новостей

почти все зрители уже дремали. А потом начиналась развлекательная программа Дуду Топазы.

Мафусаил тяжело поднялся со стула и подошёл к столику с огромным латунным самоваром, чашками и прикрытой бумажной салфеткой жестяной коробкой с бисквитом и чайными пакетиками. Много лет назад один из жильцов указал в завещании, чтобы на оставшуюся после его смерти небольшую сумму денег в память о нём купили русский самовар. Он стоит у Мафусаила перед глазами — худой старик, постоянно с песенкой на устах. Все называли его Авремеле Гдудник, потому что в молодости он был членом «Гдудгаавода». А теперь самовар так и называют — Авремеле Гдудник.

Вода в Авремеле Гдуднике была чуть тёплой, класть в чашку пакетик не было никакого смысла. Сделав пару глотков, Мафусаил вышел на крыльцо. Ночь в Иерусалиме наступает стремительно, особенно на окраине города. Густая прохладная темнота мгновенно окутала Мафусаила, укрыла, оберегая от дневной суеты. Наверно, так же чувствует себя религиозный еврей, когда с головой укутывается талесом и будто остаётся один на один с Всевышним, отделившись от полного забот и опасностей внешнего мира. Мафусаил не ходил в синагогу, еврейских обычаев не придерживался. Всё, что в нём было еврейского, он оставил в изгнании, в старом доме с маминым вечерним благословением субботних свечей и отцовским утренним «Мойдеани».

Поменял еврейскую веру на молдавскую девушку. Хороший сын так не поступил бы! Семья справила по нему траур. От него даже имени не осталось. Не должен изменник носить еврейское имя, по которому его прадеда, царство ему небесное, вызывали к чтению Торы. Пришлось им с той молдаванкой бежать куда подальше, в маленькую деревушку на Днестре. Там никому не было дела, кто они и откуда. На уборке винограда каждая пара рук в цене.

Мафусаил вглядывался в луну. Чувствовал, как разглаживается его задубелая кожа, лицо становится гладким, словно кукурузная мука мелкого помола. Свет понемногу проникает в плоть, бежит по венам. Мафусаил где-то слышал, что от лунного света и судьба становится светлей...

Покинув родной дом, куда их больше и на порог не пустят, парень с девушкой ночевали в колыбе — стоявшем посреди виноградника шалаше из тонких жердей, крытых сухими кукурузными стеблями. Серебристые чешуйки лунного света сыпались через щели, разбавляя ночную духоту освежающей прохладой.

Они лежали на мешке, набитом соломой, и лакомились сотовым мёдом, который им приносил пасечник в круглой глиняной миске. Девушка, причмокивая, жевала восковый кубик, разминала его языком, и мёд сочился из уголков рта, стекал по полным губам, округлому подбородку, сливался с каплями пота на шее и собирался в ямке между выпирающими ключицами.

Сладкая слюна застывала у парня в горле. Он приподнимался и следил глазами за медовой дорожкой от языка его возлюбленной до дразнящей ямки, в которой сверкали крошечные лунные блёстки. Одурманенный густым медовым ароматом, в котором смешались нектар полевых цветов и запах девичьего тела, он припадал губами к влажной ямке между её ключиц, будто проваливался в бездонный колодец.

Она смеялась: «Я щекотки боюсь...» Липкими от мёда ладонями хватала его за голову, легонько отталкивала. Он понимал это по-своему. Накопившаяся за день усталость утекала, и вместо неё, как в опорожнённый сосуд, вливалось свежее, неутолимое желание. Лунные блёстки рассыпались по её обнажённому телу, как крошечные рыбки, и дразнили, сверкая, и он, прикрыв глаза, ловил их губами на её небольшой, упругой груди, спускался ниже, к сетке волос под её животом. Язык скользил по её текущим сотам, и рот снова наполнялся горьковато-сладким мёдом...

Мафусаил приподнял отяжелевшие веки. Он по-прежнему в одиночестве стоял на крыльце, подставив лицо лучам луны. Завтра вечером, даст бог, как всегда с момента создания, свежая и обновлённая после новолуния, она выкатится из своей пещеры на звёздный небесный простор.

Теперь Мафусаил почти крался по слабо освещённому коридору. Немного не дойдя до своей комнаты, остановился перед дверью, осторожно потянул за ручку. Дверь поддалась с тихим скрипом. Мафусаил замер возле кровати, на которой под тонким клетчатым одеялом лежала женщина. Седые локоны рассыпались по подушке, подчёркивая благородные черты лица — утончённого, без единой морщинки, прикрытого шёлковым туманом, льющимся с лунного неба через высокое окно.

Мафусаил приблизился к изголовью кровати, склонился над спящей, коснулся губами её чуть тёплого лба и тихо выдохнул: «Спокойной ночи...»

...Уже несколько часов Мафусаил лежал в постели, закрыв глаза, и искал в глубокой, беспокойной бессоннице хоть какую-то опору, что-

бы остановиться и перевести дух. Блуждал взглядом среди размытых видений и не мог отчётливо рассмотреть мерцающие картины — мгновения своей долгой, опасно долгой жизни...

Именно в той деревушке, где нашла себе убежище отверженная парочка, группа еврейских парней и девушек создала «гахшару», прежде чем отправиться в дальний путь, чтобы осуществить свою мечту. Они быстро подружились. Узнав, как несправедливо поступили с молодой парой, будущие первопроходцы излили на местечковую дикость весь свой сионистский гнев, осудили поведение их отсталых родителей и решили приложить все силы, чтобы вырвать несчастные влюблённые сердца из изгнания, где им никогда не дадут дышать, и привести их в свободную землю Израиля. Тогда же на собрании группы приняли решение дать молдаванке еврейское имя Нехама. Даже спор возник: одни считали, что для такой храброй девушки, ради любви покинувшей родной дом, в самый раз будет имя пророчицы — Двора. Но парню больше приглянулось нежное имя Нехама, ведь оно значит «утешение».

В мае 1926-го они из Черновцов через всю Румынию добрались до Констанцы, а оттуда на пароходе — до Хайфы. Рождённый и выросший в поселении бессарабских колонистов, Мафусаил помнит, как он летом ходил в ночное со старшими друзьями. Сидя у костра — языки пламени стреляют искрами в темноту, лошади бродят вокруг, отбрасывая огромные, страшные тени, и всхрапывают, пробуждая ночную нечисть, и кто-нибудь, чтобы не заснуть, начинает: «Мой отец говорит, вся Земля Израиля — бескрайнее пастбище, и гуляют по нему овцы да козы, только святой город Иерусалим стоит на горе посреди зелёной равнины. Собрались в нём со всего света величайшие мудрецы, знатоки Торы и Талмуда, и распространяют свою мудрость на весь еврейский народ...»

Приехав в Палестину, Мафусаил несколько лет работал на стройке в Тель-Авиве. Ставил леса, надрываясь, таскал мешки с цементом и мешал бетон, обливаясь потом в горячем, влажном воздухе. Изредка, когда Мафусаилу и Нехаме с прямых, широких улиц, уставленных каменными клетками для людей, удавалось вырваться куда-нибудь в поля, его сердце одновременно и ликовало, и печалилось: что нам эти прекрасные каменные здания, если здесь нет ни одной еврейской деревни? Где они, зелёные долины с еврейскими овцами и телятами, как в далёкой Бессарабии? Он видел, как вчерашние первопоселенцы покидают колонию, посёлок, кибуц и цветущие сады и едут в Тель-Авив строить дома из железа и бетона для польских, румынских, не-

мецких и американских коммерсантов, потому что на стройке платят фунт в день.

Самому Мафусаилу пришлось поступить так же, ведь ему нужно было содержать Нехаму. Вскоре по приезде в Израиль она выкинула, потом снова потеряла ребёнка... Она совсем зачахла, точь-в-точь травинка на ветру. И всё время твердила, как в бреду, что родные прокляли её, порчу навели, поэтому у них с Мафусаилом не будет детей, никогда не будет... Она любила мужа, она поехала с ним в чужую страну, но своего бога не предала и никогда не предаст, хотя крестика давно не носит. Она хочет съездить в Иерусалим, сходить в церковь, помолиться, излить душу...

Конечно, Мафусаил съездил бы с ней, свозил бы её в Иерусалим, город и его Бога тоже, чтобы она исповедалась, избавилась от суеверий и успокоилась. Но случилось нечто, перевернувшее всю его жизнь.

В тот день Мафусаил вернулся с работы пораньше. У них в бригаде собрание намечалось, но в последний момент его отменили. Они тогда жили в маленькой съёмной квартире вместе с другой семейной парой из Бессарабии. У каждой семьи своя спальня, а кухня общая. Когда он пришёл, Нехама сидела в их комнате, сложив на столе руки и уронив на них голову. У него аж сердце защемило: бедная, совсем умаялась... Он тихо подошёл к жене, осторожно убрал прядь волос с её щеки, и уже хотел наклониться, поцеловать, но помедлил и осторожно прикоснулся закрученными пальцами к её бледному лицу. Она не почувствовала, только веки, кажется, ещё плотнее сжались, врезавшись в тёмные круги под глазами. «Нехама...» — И хрипловатый, дрогнувший от предчувствия голос сорвался на сдавленный крик, полный растерянности и страха.

Мафусаил вздрогнул, будто этот отчаянный крик, сквозь годы прорезав его глухоту, ворвался в пустую онемевшую ночь. Воспоминания, как бы он ни гнал их прочь, не щадили, вылезали из заплесневелой памяти, как мыши из нор. Его тело тоже давно могло заплесневеть и рассыпаться в пыль. Не одно поколение его соседей по дому престарелых нашло себе более почётное соседство на Масличной горе, среди могил мудрецов и праведников, великих людей и прочих достойных евреев, которыми гордился Иерусалим. А Мафусаилу — не судьба, потому как «недуги человеческие тоже зависят от созвездий, ибо Господь Бог дал созвездиям силу влиять на низшие миры, к добру и ко злу». Мафусаил слышал эти слова от некоего профессора Маймона, как его здесь называли. Он прожил в доме престарелых немало лет. Тогда слух Мафуса-

илу ещё не совсем отказал, и они с профессором не один час провели под старым оливковым деревом в садике позади дома престарелых.

Профессор говорил красиво и туманно. И что же, снова и снова спрашивал себя Мафусаил, Маймон хочет сказать, что Нехама заболела, потому что так решили звёзды на небе?

В больнице, где она пролежала несколько месяцев, не приходя в сознание, Мафусаилу в конце концов объяснили, что у неё очень редкая болезнь, которая называется *Encephalitis lethargica*. Эта болезнь повредила ей мозг. Она не умерла, но пребывает в какой-то другой реальности. Живёт где-то своей жизнью, а вернётся ли к нам... — вопрос, на который современная медицина ответить не в состоянии.

Потом Мафусаилу дали понять, что дальше держать её в больнице нет смысла. Её переведут в Иерусалим, в дом престарелых, ей там будет хорошо. Уход прекрасный, можно не сомневаться. Так что настоящий старожил «Золотого возраста» не Мафусаил, а именно она, Нехама, попавшая сюда в двадцать с небольшим лет...

А профессор Маймон, увлечшись собственным рассказом, будто читал лекцию не единственному глухому слушателю, а группе молодых студентов в университете, продолжал: «А созвездия подобны ангелам: одна половина их мужского пола, другая — женского. И этим небесные сферы подобны роду земному, ибо числовое значение букв, составляющих слово „небо“ на иврите, равно числовому значению букв, составляющих слова „мужчина и женщина“. И если они уж так устроены, то они тоскуют друг по другу наверху точно так же, как люди внизу, ибо таково уж свойство мужчины и женщины, что они тянутся друг к другу, каждый под своей звездой...»

Мафусаил вздыхал, слова профессора сеяли ещё больше сомнений: выходит, любовь завела их не на ту дорогу, которую звёзды указывали. А может, права была Нехама, что проклятия, как камни, придавили ей сердце, разбили их семью, а самое тяжёлое проклятие попало ей в голову. И, выходит, тёмные силы могут разрушить самое светлое человеческое чувство только потому, что смешанный брак еврея с христианкой — нечистый брак «наверху точно так же, как внизу».

Мафусаил не поддавался, не позволял себе свернуть с дороги, которую они выбрали вместе, он и Нехама. Он не мог остаться стоять между двумя безднами — потерей памяти и смертным приговором. Он должен был сделать всё возможное, чтобы её вернуть...

Когда Нехама лежала в больнице, соседка по квартире нашёптывала Мафусаилу, чтобы он обязательно пошёл к Галилейскому чудотворцу.

Современные доктора лечат болезнь, а не человека, твердила соседка, но она уже не раз слышала от женщин на Кармельском рынке, что этому чудотворцу дарована небесами великая сила, и он ставит на ноги смертельно больных, на которых врачи, так сказать, уже махнули рукой. Мафусаил не перебивал, слушал, но всерьёз её слов не принимал.

Вспомнил про них, когда врачи вынесли суровый приговор. Его мать говорила: натерпишься горя — узнаешь, как жить. Ох, как же она была права! Но старая пословица — слабое утешение. У него есть другое утешение, — его Нехама. Неужели и правда сбылось проклятие?.. Нет, он в это не поверит!

Он дал надежде себя уговорить. Если нет прямой дороги, пойдёшь окольными тропками. Соседка сказала: если собираешься к чудотворцу, надо захватить какую-нибудь вещицу того, за кого будешь просить. Тут и думать нечего, любимая вещь Нехамы — платочек, красный, тонкий, и на нём вытканы жёлтые, синие, фиолетовые цветы, переплетённые остроконечными зелёными листьями. Единственное, что досталось ей от родителей, последняя память о доме. Платок очень ей шёл. Нехама носила его на деревенский манер, обвязав вокруг головы, так что на затылке висели два кончика, длинный и короткий. Парни в деревне шутили, что если потянуть за длинный, свалится платок с головы, а если за короткий, то — передник с бёдер.

Чудотворец устроил себе жилище в пещере на горе Арбель. Найти нужное место оказалось нетрудно — к пещере вела каменистая тропинка, протоптанная теми, кто приходили за снадобьем, заговором, оберегом. Солнце не успело подняться высоко, но уже припекало. Мафусаил разглядел издали две фигуры — мужскую и женскую. Оставив внизу осла, они взбирались по тропинке. Видно, арабы. Чего они хотят от еврейского чудотворца? Вспомнилось детство в Маркулештах. К отцу Мафусаила, резнику Лейзеру, нередко обращались деревенские бабы. Бывало, одна придёт, бывало, две, молодая и старая. Вечером приходили, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. Украдкой. Зачем? А затем, что в деревне верили: если поп не помог, надо к еврейскому праведнику идти. Вот и шли к его отцу. Его в деревне знали, по весне он приезжал туда резать ягнят к Пейсаху. Мать прятала улыбку: «Одни приходят порчу снять, другие — навести». Что бы она сейчас сказала, если бы увидела, как её первенец пришёл просить за свою молдаванку? Вспоминает ли она его, прибавляет ли после его имени «мир праху его»? Ведь для родных он умер.

Он уже подошёл к пещере, когда оттуда вышла арабская семейная пара. Мужчина кивнул ему, женщина в чёрном хиджабе отвернулась.

Войдя в пещеру, Мафусаил на пару секунд застыл на месте. После яркого солнца надо было привыкнуть к темноте. И вот из неё возник старик в длинной холщовой рубахе с широкими рукавами, подпоясанной простой верёвкой. На голове у старца возвышалась красная феска — единственное живое пятно в мрачной пещере. Эта яркая шапочка напомнила Мафусаилу о пуримшпиле.

Старик кивнул. Видимо, это означало: «Что привело тебя сюда?» Мафусаил вздрогнул. Он заранее приготовил платок и сейчас держал его в руке. Протянул его чудотворцу. Тот жестом остановил Мафусаила, поднял обе руки, сложил домиком бледные, сухие ладони и склонился над красным платком Нехамы...

Пятница, вечер. Мама уже благословила свечи. Сейчас из синагоги придёт отец, и семья сядет за стол. Отец, едва переступив порог, вытягивает руки над кудрявой головкой своего первенца. «Папа, благослови меня!» — Мальчик чувствует, как от отца исходит особенное, субботнее тепло, оно проникает в него, разливается по всему телу от макушки до пят...

Чудотворец открыл глаза, и Мафусаил услышал только два слова: «В новолуние».

Всю дорогу до Тель-Авива Мафусаил ломал голову, что это означает, какое отношение имеет к Нехаме, её болезни и лечению. Он же про неё старику ни слова не сказал... Он злился на себя. Зачем повёлся на бабью болтовню? И одновременно чувствовал полную беспомощность и растерянность: а дальше что?! Вдруг клубок переплетённых мыслей и чувств начал стремительно распутываться, увлекая Мафусаила за собой. Он напрягся, стараясь понять, куда его тянет, вверх или вниз. Вдруг опять послышался голос старца, но уже как слабое, постепенно затихающее эхо.: Новолу-у-у... Резко заболело сердце, и он очнулся. Дорога усыпила его. Последний звук утонул в шуме автобусного двигателя. Так запущенный с берега плоский камешек несколько раз прыгает по водной глади и идёт на дно. И всё-таки по ночам, когда лунный диск собирался выкатиться на чёрный небесный простор, у Мафусаила кровь начинала стучать в висках. Ночи напролёт он просиживал у постели любимой, не сводя глаз с её прекрасного, молодого лица, которое будто застыло во времени и в пространстве, совершенно не старилось, разве только волосы, когда-то чёрные, как у цыганки, всё плотнее укрывались матовым туманом, как налёт покрывает сливы в осеннем саду.

А на улице жизнь безжалостно кипела, не давала ни пощады, ни покоя, не позволяла убежать и спрятаться в нору летаргии или амнезии. Вчерашние слёзы радости — всё-таки получили свою страну! — на завтра превратились в слёзы кровавой войны. Мафусаил ушёл биться с врагом, вскоре был ранен. Не одну неделю в больнице провалялся, а когда выписался, переехал из Тель-Авива в Иерусалим. Чтобы всегда быть возле Нехамы, уговорил директора дома престарелых взять его на работу. Что делать будет? Да что угодно, где надо руки приложить. Садовником может быть, например. За самую нищенскую плату работать согласен, лишь бы комнатку дали, угол рядом с женой. И вот потянулись дни и недели во дворе за каменным забором. Со двора Мафусаил выходил очень редко, разве только надо было что-нибудь купить для работы или для себя: — пару сандалий, кое-что из одежды. Покидая дом престарелых, он не забывал заглянуть на рынок Махане-Иегуда. Запах свежих овощей и фруктов пьянил, волной наполняя лёгкие, от ярких красок рябило в глазах. Была в этом буйстве цветов и ароматов своя прелесть. Но не только ради неё ноги несли его на рынок. Мафусаил обязательно покупал подарок для Нехамы — несколько гроздей винограда. Он клал их на столик возле её кровати: пусть подышит запахом родного дома, далёкого бессарабского виноградника, где они когда-то были счастливы. Кто знает, вдруг это поможет ей вырваться из мрачных сновидений...

Профессор Маймон рассказывал Мафусаилу, что настоящий Мафусаил, из Торы, к концу жизни, в девятьсот шестьдесят девять лет, жаловался, что не так уж хорошо дотянуть до такого возраста. Вздыхал, что из его поколения ни одной живой души не осталось, с кем можно было бы словом перекинуться, молодость вспомнить. Он хотел бы уйти в мир иной, как его отец Енох, царство ему небесное. Тот шёл по вспаханному полю и вдруг исчез. Всевышний забрал его к себе, Мафусаил это своими глазами видел. Да, за такую долгую жизнь Мафусаил повидал немало и добра, и зла, сотворённого потомками Адама. Человек грешит втихомолку, а результат всегда на виду. Дочери Евы втихаря согрешили с ангелами, но от этой нечистой связи родились великаны...

На этой фразе профессор поднял глаза, будто пытаясь зацепиться взглядом за высокую ветку оливы.

— Сто двадцать лет Всевышний предупреждал поколение потопа, чтобы они раскаялись, — подвёл он итог своей импровизированной лекции. — Конец вам известен!

— А что с Мафусаилом? — спросил его визави. — Его Бог тоже взял к себе, как его отца Еноха?

— О нет, мой дорогой друг! — пояснил профессор, довольный, что единственный слушатель заинтересовался его лекцией. — Его останки были скрыты водами потопа, чтобы даже его праведный внук Ной не смог сделать ему протекцию перед Всевышним...

Мафусаил не оценил шутку профессора. Сидел, погружённый в свои мысли.

— Вижу, вы ещё что-то спросить хотите. Не стесняйтесь, спрашивайте, дорогой, спрашивайте.

— Я думаю... — Голос Мафусаила задрожал. — Я думаю, вот я, еврей, — чужак, мои предки пришли в Бессарабию из далёких краёв, а моя Нехама — коренная, её предки жили там десятки или сотни поколений. Может, поэтому наш брак тоже нечист?.. Тоже большой грех... вот и случилось с нами несчастье?!

Профессор Маймон слегка растерялся.

— Что вы, дорогой мой! Ваш брак заключён под самой счастливой звездой... Только наш великий писатель, и мой друг Шмуэль Йосеф Агнон мог бы описать вашу историю...

Он схватил Мафусаила за руки, будто тот хотел вскочить и убежать, и добавил: «Дай вам Бог...»

Мафусаил без сна лежал в своей тесной комнате. Лунный свет что-то сделал с воздухом, изменил его. Голос профессора нашёптывал в ухо: «У каждого человека своя звезда, она светит ему и управляет им. Но человек может носить в себе свет, который и его тёмную судьбу делает светлее...» Теперь Маймон, наверно, тоже лежит где-то среди уважаемых граждан на Масличной горе. Может, даже рядом со своим другом, великим писателем. И он, местный Мафусаил, конечно, тоже мог бы уже обрести вечный покой, но человек умирает не когда хочет, а когда готов умереть. Мафусаил не хочет и не готов... Он должен дожить, чтобы увидеть, как его Нехама проснётся от колдовского сна... Года четыре назад у него случился сердечный приступ. Врачи уже думали, — всё, не выкарабкается... Но он полежал в больнице и с божьей помощью вернулся к своей Нехаме.

Его мысли нарушил скрип двери в коридоре. Мафусаил приподнялся на локтях, прислушался. Ничего, кроме напряжённой тишины. Вдруг спохватился: странно, как это он, с его почти закупоренными ушами, которые еле слышат даже гром во время грозы, уловил скрип двери за стеной... Ответ не заставил себя ждать: — перед ним, будто сотканная из лунного света, стояла Нехама. Локти разогнулись, и Мафусаил упал на спину.

Через секунду Нехама уже сидела около мужа на краю кровати, положив руку ему на грудь, как успокаивают больного или ребёнка, когда он не засыпает. Её голос ткался вокруг него, будто она так делала много лет без перерыва, чтобы на ткани не осталось ни одного узелка:

— Не думай, любимый, что я пропустила хотя бы минуту. Все эти годы я была возле тебя и с тобой. Днём — в тени твоей широкой спины, холодными иерусалимскими ночами меня грело твоё дыхание. Я стояла за тобой в пещере у чудотворца и держала тебя за руку всю ночь, когда ты, раненый, лежал без сознания на камнях... Ты будешь смеяться, но я не придумала ничего лучше, чем всю ночь до рассвета, пока за тобой не пришли твои товарищи, петь тебе колыбельную, которую мама пела моему маленькому братику Костикэ:

Я сидела с тобой на скамейке под старой оливой и подслушивала умные речи старенького профессора... Думаю, ты меня простишь... А когда твоё бедное сердце не выдержало, я не пропустила ни одного дежурства в больнице, не отошла от тебя ни на миг... Я просила твоего Бога и моего Бога забыть взаимные обиды и вырвать тебя из когтей ангела смерти. Как видишь, мои молитвы помогли...

Мафусаил попытался подняться, что-то сказать, но Нехама прижала пальцы к его губам. Её голос ткал дальше:

— Лежи... Лежи тихо, любимый, дай мне высказать хоть каплю того, что накопилось у меня в сердце за годы молчания... Ты и представить себе не можешь, какую радость доставили мне розы, те, что ты посадил у меня под окном, не говоря уже о свежих гроздьях винограда. Их аромат пьянил меня, поднимал и нёс над виноградниками нашей деревни...

Вдруг Нехама задержала дыхание, будто прервалась нить, из которой она так искусно и нежно ткала свою исповедь.

— Я должна рассказать тебе ещё кое-что, чего ты не знаешь, но должен знать... — И тут её голос дрогнул от слёз. — Однажды ночью, тоже в полнолуние, как сегодня, я вдруг почувствовала дикий, леденящий страх, и он сопровождался нарастающим воем... Ты помнишь, как по весне вой раздавался над долиной, когда в кошарах резали невинных ягнят. Я напрягла все силы, чтобы избавиться от этого чувства. Не помогло... Внезапно что-то толкнуло и погнало меня в длинный, узкий коридор. Не знаю, сколько это продолжалось, одно мгновение или целую вечность, пока поток не вынес меня наружу. Я оказалась возле каменоломни, где крестьяне дробили камень, чтобы построить церковь, а евреи — новую синагогу. Я не сразу поняла, что происходит. Там толпились женщины и дети, обнажённые, их крик рвался в небеса, где

висела огромная голова холодной луны. Она смотрела с высоты, не двигаясь, будто окаменела от ужаса... И тут среди десятков заплаканных, страдающих лиц я увидела лица твоей мамы, трёх твоих сестёр и их детей. Они как нарочно вырвались из общей массы, чтобы посмотреть мне в глаза. Твоя мама выкрикивала одно-единственное слово... Но я не могла его разобрать... И вдруг я услышала: «Беги!» — и её крик прервался оглушительным треском. Я видела только, как твои родные упали в яму, где когда-то дробили камень, а за ними — остальные женщины и дети... Когда на краю разверстой могилы не осталось ни одного человека, появились те, с оружием, которые проделали эту работу. Они сыпали над ямой руганью и проклятиями, сопровождая их одиночными выстрелами... И опять, будто дьявол показал мне острый красный язык, я вдруг увидела лицо моего младшего брата Костикэ. Он был среди убийц...

Нехама нежно вытерла слёзы со щёк мужа, но два горячих, тонких ручейка, берущих начало в родниках его глаз, уже не могли иссякнуть.

Они вдвоём лежали на соломе в колыбе — вечно юные, только что воссоединившиеся, и через дыры в кровле из веток смотрели на обновлённую, беременную луну. Теперь никакая сила не сможет изгнать их из их маленького рая и разлучить.

ОБ АВТОРЕ

Борис Сандлер — прозаик, поэт и журналист. Родился в Бельцах, Молдавия, в 1950 году. Окончил консерваторию в Кишинёве. В 1981–1983 учился на Высших литературных курсах при Литературном институте им. Горького в Москве. Первая книжка на идише вышла в 1986 году. Опубликовал множество книг прозы и стихов на идише и в переводе на другие языки. После репатриации в Израиль (1992) работал в Иерусалимском университете. С 1998 по 2016 год возглавлял старейшее в мире издание на идише — Нью-йоркскую газету «Форвертс». Снял 10 документальных фильма из серии «Монологи еврейских писателей». Лауреат литературных премий Израиля, США и Канады.

Живёт в Бруклине, Нью-Йорк, издаёт и редактирует месячный электронный журнал на идише «Идиш-Бранже».

Ксения КИРИЛЛОВА

ОШИБКА ЭФРОНА

ФРАГМЕНТ РОМАНА

Главный герой Сергей Бессонов, как и многие его соотечественники, оказывается в непростой ситуации: в момент начала полномасштабной агрессии России против Украины он вовлечён в работу на российскую разведку. Прекрасно понимая, насколько страшна и бессмысленна война, он, тем не менее, не находит в себе сил порвать с собственной страной. Ситуация усугубляется тем, что Сергей уже пытался однажды уйти от прежних друзей и слишком хорошо понимает, что второй попытки ему уже не простят. Продолжая втягиваться всё глубже в паутину сомнительных спецопераций, он почти смиряется с новой реальностью, когда вдруг узнает, что в заблокированном Мариуполе оказывается Лиля, близкий ему человек...

АПРЕЛЬ 2022 ГОДА, МАРИУПОЛЬ, УКРАИНА

Ещё на подъезде к городу Сергей не мог оторваться от вида из окна машины. Много лет он гонялся за самым реалистичным и потрясающим изображением войны, но ни в одном музее мира не встречал подобных декораций. Двухэтажные обгоревшие домики, как разломанные коробки с выпотрошенным наружу содержимым, стояли вдоль дороги. Их углы, словно откусанные гигантскими насекомыми, сиротливо топорщились в небо деревянными балками. На газонах уже зеленела кричаще-яркая молодая трава — пятна жизни на фоне торжества смерти.

Когда за окном появились многоэтажки, картина стала ещё страшнее. Их бетонные каркасы, покрытые чёрными разводами сажи, ещё держались, лишь местами обваленные до состояния кучи строитель-

ного мусора. Но даже те дома, что пока стояли, словно застыли в самый момент обрушения. Ободранные, обвисшие разломанными оконными рамами и наполовину осыпавшимися балконами, они как будто приготовились извергнуть из себя разрушенные и вконец изуродованные внутренности из железа, бетона и стекла. Чёрные глазницы оконных проёмов угрожающе тарасились на улицу, на которой сиротливо тянулись к солнцу тонкие ветки деревьев, беременных набухшими почками. На некоторых уже пробились листья — первые вестники новой жизни, ярким контрастом смотрящиеся на чёрном фоне разрушенных стен.

Сергей хотел отвернуться от окна — и не мог оторвать взгляда. Рассечённые, расколотые, сползшие до земли балконы первых этажей стандартных панельных девятиэтажек соседствовали с простенькими деревянными могильными крестами во дворах, а рядом, подгоняемые ветром, беспечно покачивались качели. Сергей вспомнил, что Лиля, даже став взрослой, всегда любила качели и, пользуясь своей миниатюрностью, в редкие минуты отдыха расслаблялась, качаясь на них, словно девочка. Именно таких дворов с качелями ей очень не хватало в Америке...

В машине царило молчание, и даже энергичная обычно Неустроева притихла, глядя в окно. Наконец она собралась с силами и произнесла, ни на кого не глядя:

— Ладно, надо выгружаться и снимать. Чем страшнее картинка, тем лучше. Вон, на том доме места живого нет. Обязательно надо поднять.

«Разве зрители, увидев такое, не поймут, что это сделали наши? Как это вообще можно не понять?! До нашего вторжения, до наших танков и ракет это был мирный, счастливый, цветущий город!», — хотелось крикнуть Сергею. В его сознании не умещалось, как можно было смотреть вокруг и делать вид, что всё это возникло само по себе? Останки города, в который его страна принесла разрушение и смерть, теперь молчаливыми судьями окружали их маленький фургончик. Они давили, пугали, шокировали, грозно нависали над землёй из последних сил, ещё оставшихся в покосившихся балках, и в то же время слезливо молили о помощи, склоняясь надломленными каркасами к самым ногам людей.

Неустроева с оператором выставили камеру, предвкушая удачную съёмку, а бывший ФСБэшник непринуждённо курил с водителем Валерой, прислонясь к задней дверце фургона и стоя рядом с уцелевшей стеной какого-то магазина. Они словно специально выбрали место, где их не сможет достать снайпер. Сергей беспомощно посмотрел на

бумажку с адресом Лили. Ещё в Москве он заранее распечатал все карты города и отметил на них главные ориентиры, но теперь, когда связь не работала, сориентироваться было крайне трудно.

— Не отходи никуда, не найдёмся потом, — лениво окликнул его Александр Иванович. Сергей кивнул. Он видел, как Неустроева, водрузив на голову каску и придав себе героический вид, что-то вещала на фоне полуразрушенного жилого дома.

Неожиданно на углу здания Сергей увидел фигуру мальчишки не старше десяти лет. Он стоял, худой, измазанный сажей, в красном мешковатом свитере, украшенном большими дырами, и молча смотрел прямо ему в глаза. Что-то первобытно дикое сквозило в этом взгляде: животная решимость, диктуемая не страхом и не волей, а одними лишь инстинктами. Сергей вспомнил себя самого в его возрасте, когда потерялся в огромной и пёстрой Москве и тоже ни капли не испугался.

— Эй, — тихо окликнул он мальчишку. — Подойди сюда, не бойся. Тебя как зовут?

Мальчик опасливо подошёл, ни слова не говоря. Сергей нырнул в машину и вынес оттуда длинный батон хлеба. Мальчишка молча впился в него зубами и стал есть: быстро, остервенело, порой закашливаясь, но не переставая неистово вгрызаться в хлебную мякоть. Запоздало Сергей вынес ему воды, и тот начал глотать её так жадно и вместе с тем недоверчиво, как будто уже забыл, как вообще пьют воду. Рассчитывая на благодарность, Сергей протянул ему бумажку с адресом и тихо спросил:

— Ты знаешь, где это?

Мальчик, прищурясь, смотрел на лист несколько секунд, а потом серьёзно кивнул.

— Точно знаешь этот адрес? — ещё раз спросил. — Не ошибёшься? Там одна девушка живёт. Очень хорошая девушка. Я приехал сюда, чтобы спасти её. Если хочешь, и тебя заберу. Поедем в Россию, в Москву, там тепло и безопасно. Хочешь?

Мальчик ещё раз внимательно посмотрел на него, затем перевёл взгляд на фургон с наклеенной на дверце большой чёрно-оранжевой «зюзей», и снова кивнул. Сергею стало нестерпимо стыдно и за Москву, и за этот фургон, и за «зюзю», но решив, что ребёнок в такой ситуации будет счастлив любой возможности спастись, он продолжил:

— Давай ты меня сейчас проводишь туда, мы найдём эту тётю и сразу же вернёмся? Я тебе дам много еды, газировку, тёплую постель, обещаю. Я тебе не дам пропасть, честное слово.

Мальчик упрямо молчал и снова кивнул — в этот раз, как показалось Бессонову, энергичнее. «Наверное, потерял голос от шока, без психолога не восстановить», — с грустью подумал Сергей. Словно в такт его мыслям, парнишка поднялся, жадно прижимая грязными пальцами к груди остатки батона, и кивнул за угол соседнего дома, жестом приглашая следовать за ним. Повинуясь порыву, Сергей сделал шаг и оглянулся. Александра Ивановича и Валеру не было видно из-за фургона, Неустроева, каким-то образом залезшая на почти обвалившийся балкон первого этажа одного из домов, теперь балансировала на нём, очевидно, для наглядности, а оператор усиленно снимал её, пытаясь поймать подходящую позу.

— Это далеко отсюда? — на всякий случай спросил Сергей мальчишку.

Тот отрицательно помотал головой и впервые за всё время улыбнулся. Ободрённый его поддержкой, Сергей двинулся за ним. Мальчик повёл его через дворы — разрушенные, местами разрытые воронками и помеченные крестами с неровными табличками имён убитых. Иногда на улице попадались люди — понурые, осторожно ступающие на пыльные дорожки и чаще всего несущие в руках сумки или канистры с водой. Изредка, радуя глаз, попадались уцелевшие здания — и тут же сменялись новыми руинами.

На пути им попались белые «Жигули» с полностью отрезанной задней частью. То здесь, то там возникали горы щебня, бетона и обгоревшего дерева. Картон и кирпич, пустые кострища и развороченные здания, остов церкви с покосившимся куполом — всё это окружало их со всех сторон, словно вышедший из ада призрак старого, уничтоженного ещё в прошлом веке города. Иногда, подняв глаза, Бессонов видел в выбитых окнах старушечьи лица. Они невидящим взглядом смотрели на улицу из сердцевины израненных домов, и почему-то упрямо не отходили от сквозящих холодом оконных глазниц.

Они шли всё дальше, и Бессонов поймал себя на мысли, что уже не сможет найти обратную дорогу. А мальчишка, похоже, ориентировался в этих руинах так, словно жил среди них всю жизнь. Он с лёгкостью перебирался через куски бетона и обгоревшие доски, небрежно отпихивал вывороченные куски асфальта и, наоборот, с ловкостью канатоходца огибал любые металлические предметы, боясь нарваться на неразорвавшийся снаряд. Его чутьё опасности и способность тонко, на уровне флюидов, чувствовать улицу вновь напомнили Сергею его собственное детство — хоть и мирное, не затронутое войнами, но совсем не безопасное.

— Долго ещё идти? — спросил он мальчишку. Тот обернулся, странно посмотрел на него и вновь помотал головой. На улице всё реже появлялись люди, а где-то за домами стали отчётливо слышаться звуки взрывов. Сергей вспомнил, что, согласно последним сводкам, в центре города и его юго-западной части ещё продолжались бои. Лиля, судя по карте, жила к западу от центра, а значит, довольно близко к пролегающей через город линии фронта. Это означало, что они шли в правильном направлении.

На совсем опустевших улицах стали появляться тела. Они явно лежали здесь давно, и даже весенняя свежесть не могла заглушить царящий над улицами смрадный запах. Их почему-то никто не забирал и даже не пытался хоронить. Где-то вдалеке послышалась автоматная трель. Мальчишка вздрогнул, пригнулся, обернулся, вопросительно глядя на Сергея, и кивнул в сторону пятиэтажки, стоящей на другой стороне развороченного снарядами тротуара.

Она была почти целой, и даже светло-жёлтая покраска стен казалась свежей и нетронутой. Только в середине дома, в районе верхних этажей красовалась огромная выбоина. Рваная дыра пятном расплзлась по стене, как раковая опухоль, и в её кромешной черноте невозможно было отличить сажу от пробоин. Мальчишка подбежал к нему, коснулся рукой, показывая, что нужно пройти сюда. Скрипя кроссовками по битому стеклу, Сергей подошёл к подъезду. Прямо рядом с ним, под окнами дома, виднелась табличка, на которой было написано только имя: «Иван Акопов», и дата смерти: 20 марта 2022 года.

Сам подъезд изнутри выглядел на редкость нетронутым. Голубая покраска нижней части стен и побелки верхней их части казалась свежей, девственной в своей чистоте. На дверях некоторых квартир были привязаны белые ленты — знак, что здесь всё ещё живут люди. Они шли по бетонной лестнице, и постепенно под ногами стало появляться всё больше обгоревшего мусора. Сергей сообразил, что они поднимались изнутри к той самой чёрной дыре в стене, которую видели снаружи. Ощувив тошнотворный холод внутри, он потянулся за бумажкой, чтобы проверить, в какой квартире жила Лилия. Мальчишка не дал ему сделать этого, потянув наверх. Они остановились на последнем этаже у покосившейся, сорванной с одной петли двери.

— Подожди, куда мы? — почуввав неладное, строго спросил Сергей.

Мальчишка, не ответив, отодвинул дверь в сторону, как доску в дёревенском заборе, и нырнул внутрь. Сергей прошёл за ним и остановился в коридоре, с ужасом сглотнув. От одной из комнат остались

только обугленные стены и вросшие в них чёрные контуры шкафов. В прогоревшей до основания куче на полу практически невозможно было узнать отдельные предметы. Единственной вещью, выделявшейся из всех, был перевёрнутый и невероятно грязный зелёный стул без ножек — как две капли воды похожий на тот, что Сергей ещё неделю назад видел в Военном музее.

Распахнутый в потолок, как раскладная книга, он был щедро посыпан штукатуркой, местами почти полностью покрывшей его засаленную обивку. Рядом с ним валялись куски стены и пустые оконные рамы, а трупный запах, смешавшийся с гарью, казалось, струился из каждой детали руин. Около одной из стен, напротив слепяще яркого света, лившегося с улицы в пустой оконный проём, сидела мёртвая женщина. Она была развёрнута к окну, и Сергей не мог разглядеть её лица, заметив только светлые волосы, раскинувшиеся по обугленной поверхности стены. Он остановился, боясь сделать шаг, боясь увидеть...

— Это моя мама, — совершенно спокойно произнёс мальчик на чистом русском языке. Его голос, никуда, как оказалось, не пропавший, даже не дрогнул в этот момент, а фраза прозвучала так буднично, словно он просто знакомил мать со своим очередным школьным приятелем.

— Подожди... — начав что-то понимать, Бессонов резко обернулся к нему. — Я просил тебя показать адрес. Там живёт женщина, она, возможно, ещё жива...

Мальчик посмотрел на него своими диковатыми глазами, и только сейчас Сергей разглядел в них глубокую, нечеловеческую ненависть.

— Сдохни, проклятый оккупант! — выкрикнул мальчишка и опрометью бросился бежать из квартиры. Сергей кинулся за ним, но догнать сорванца не сумел. С ловкостью дикого волчонка тот нёсся по лестницам, перепрыгивая через ступени. Они выскочили во двор, и мальчишка, прекрасно знавший эти места, резко обогнул дом и, упав на землю, пролез под высокой, чудом сохранившейся решёткой. Сергей зло ухватился за чугунные прутья и понял, что не сможет его догнать. Парнишка обернулся, дьявольски хохоча, и нырнул в дыру, пробившую подъезд соседнего дома.

Выругавшись, Сергей вернулся к подъезду, где осталась мёртвая мать мальчика. Ничего страшного, уверял он себя. Сейчас он посмотрит адрес на доме, найдёт его на карте и сориентируется, как ему добраться до Лили. Как назло, место, где должен был находиться ад-

рес, полностью выгорело. Внезапно он вспомнил о белых повязках на дверных ручках. Сейчас он просто постучится в одну из таких квартир и спросит у местных жителей, где находится.

Ободрённый таким простым решением, он поднялся на четвёртый этаж и долго колотил в отмеченную белой лентой дверь. Никто не открывал. Внезапно в небе раздался свист, а вслед за ним раздался грохот такой силы, будто небо всей своей тяжестью рухнуло на землю. Здание дёрнулось и завибрировало, словно его зазнобило мелкой дрожью. Идеальная синяя краска подъездной стены начала покрываться трещинами и двинулась вперёд, расширяясь на глазах.

Заняло это зрелище, наверное, доли секунды, но Сергею оно показалось вечностью. К его ногам со стороны соседней квартиры выбросило куски железа и осколки несущих конструкций. Падая, они зарывались в клубы пыли, а затем, выплюнув прямо ему в лицо перемешанные с дымом осколки, на него поехала стена. Лопаясь на ходу, выбрасывая вперёд едкий дым и пыль, она взорвалась наконец окончательно, выстрелив вперёд горящими обломками.

Сергею спасло жизнь только то, что дверь квартиры, в которую он безуспешно стучал перед этим, наконец распахнулась, выбитая взрывной волной, и он упал в чужой коридор, закрыв голову руками. Воздух исчез, и вместо него лёгкие наполнил выжигающий всё живое жар. Горящая стена обрушилась совсем близко, обдав огнём и пылью. Когда грохот немного стих, Сергей, приподняв голову, увидел омертвевшую от страха девушку, сидящую на полу в обложенном подушками и одеялами коридоре. В квартире было холодно, как в морге.

— Сюда! — опомнившись от шока, Бессонов схватил девушку за руку и поволок к двери на лестничную площадку. В ужасе боясь отпустить его пальцы, она засемила по дрожащему под ногами полу и лежащей у порога двери. Квартира полыхнула у неё за спиной и выбросила вдогонку из дверного проёма языки пламени. Часть потолка рухнула прямо перед ними массивной, словно отрезанной ножницами стеной. Девушка упала, засыпанная цементным и стеклянным мусором, и в ужасе смотрела, как на неё по лестницам с верхнего этажа несётся, словно по горке, диван. Сергей попытался было сбить её в сторону, но в тот же миг раздался новый удар, сопровождаемый не менее страшным грохотом.

Потеряв равновесие, Сергей упал на площадке, больно ударившись обо что-то спиной. Нечеловеческим усилием он дёрнулся и почти сел, но было уже поздно. Смертоносная мебель пролетела буквально в не-

скольких сантиметрах от него и, зацепив собой девушку, поволокла её вниз. Спина болела так, словно кто-то сломал её пополам, и Сергей, не в силах подняться, лишь с ужасом смотрел в искажённое страхом лицо своей недавней спутницы.

Здание горело, дрожало, ходило ходуном, прорываясь то тут, то там горячими пыльными выбросами из пробитых взрывами стен. Оно грозило вот-вот разорваться, рассыпаться на куски, вывернуться и осесть, как карточный домик, рваное и изломанное, погребая под собой оставшихся людей. По лестницам был разбросан мусор, выбитые двери и перевернутые столы. С силой встав и проковыляв один пролёт, Сергей обнаружил, что часть лестниц рухнула, образовав небольшую трехэтажную бездну. На дне этой бездны виднелись ещё какие-то двери и столы, а поверх них — тело придавленной диваном девушки.

Поняв, что не сможет добраться до неё, Сергей подтолкнул своё слушающееся тело к выбитому окну над лестничным пролётом и вылез на непонятно как уцелевшую пожарную лестницу. Он задел головой врезавшийся в раму осколок стекла и почувствовал, как по лицу горячей стружкой побежала кровь. Руки не слушались, ноги соскальзывали, стены дрожали. Чудом добравшись до остатков козырька крыши над подъездом, Сергей перевёл дух и тяжело спрыгнул вниз.

Он закашлялся, задохнулся от пыли, и почти ничего не видя, превозмогая страх, всё же вернулся в подъезд и нашёл проклятый диван почти на ощупь. Его пальцы скользили по натянутой до предела обивке, пытаясь нащупать девушку. Он хотел позвать её, но единственным звуком, который у него получался, был кашель. Сергей чувствовал, что ему не хватает воздуха, но всё равно, словно обезумев, шарил руками в пустоте, параллельно пытаясь протереть рукавом слезящиеся от мелкой пыли глаза. Постепенно, когда он смог вновь различать очертания предметов, он увидел её лицо — безжизненные и наполненные ужасом глаза с навсегда остекленевшим взглядом.

Пятясь назад, пытаясь дотянуться до стен и хватаясь за крошившиеся у него в руках обломки, он отступил к выходу. Здание, окрасившееся изнутри кровавым заревом, буквально расплзлось на части, лопааясь и прорываясь жаром. В местах прорывов бушевал огонь, стены вламывались внутрь, разнося в осколки всё пространство вокруг себя, цемент сыпался с потолков, а из стен выворачивались балки. Выбравшись из подъезда, Сергей на негнущихся ногах заковылял по распаханной от снарядов земле.

Оглушительный взрыв, самый мощный, обдал Сергея волной сзади, на миг лишив слуха.словно сам ад вырвался на поверхность и, ликуя, взвил землю в бешеном смерче, поднялся над домом, как торнадо, и рухнул вниз, упиваясь от разрушений. Сергей упал в сухую горячую грязь, а потом, с трудом поднявшись, как во сне, пошёл дальше. Он шёл в оглушительной тишине горящего безвоздушного марева, а здание, в котором он находился всего несколько минут назад, наконец сдалось под напором взрывов и тихо ломалось, давая огненному вихрю возможность зачищать за собой останки людей и предметов.

— Сюда, скорее! — услышал он издалека. Звук неохотно пробивал глухую, заложившую уши тишину. Сергей медленно обернулся и увидел старика, махавшего ему у входа в подвал соседнего дома. Он хотел было броситься бегом, но ноги не слушались, спина разрывалась от боли, и только какая-то упрямая жажда жить, клокодавшая в сердце, толкала его шаг за шагом к заветному спасению. Сам не зная как, он добрался до подвала. Старик подал ему руку, и Сергей спустился вниз — в серый бетонный пенал.

На полу на низких деревянных настилах были расстелены матрасы и множество разноцветных одеял. Низкий давящий потолок и массивные плиты стен словно навалились со всех сторон своей тяжестью. В этом лишённом солнечного света месте было душно и тесно, но Сергей был счастлив уже тому, что добрался хоть до какого-то убежища. Он мельком разглядел пару лиц, смотревших на него с одеял, и тяжело опустился на пустой матрас.

Его никто не трогал и ни о чем не спрашивал, и Сергей, ухватившись одеревеневшими пальцами за край чуждого пледа, неловко потянул его на себя. Он случайно задел спиной холодную бетонную стену и опять почувствовал такую резкую боль, что невольно застонал.

— Ложитесь, — над ним склонилась молодая, но уже измученная женщина с младенцем на руках. Сергею на миг показалось, что это — сошедшая с икон Мадонна. Наверное, именно её он видел в скульптурах католических соборов Парижа, в которые заходил, пытаясь изображать из себя туриста. Он неуклюже улёгся, подложив себе под голову чью-то кофту и кутаясь в плед. Внезапно что-то кольнуло его в кармане, врезавшись в бок. Поморщившись, Сергей вытащил ещё не успевший разрядиться, но абсолютно бесполезный здесь мобильный телефон. Он глянул на экран и увидел последнее сообщение, успевшее дойти, пока ещё была связь.

Нажав на него, Сергей увидел смс от Валька. Её текст радостно гласил: *«Серёга, ты не представляешь, как мне повезло! Меня пригласили на Первый канал, в главное политическое ток-шоу страны! Это просто невероятный успех, многие всю жизнь к нему идут. Я теперь звезда первой величины, представляешь? В десятке ведущих экспертов России! Это победа!!!»*. Сергей швырнул телефон на пол и в бессилии закрыл глаза. Где-то далеко, очевидно, там, где было электричество, тоскливо выла сирена, словно знаменуя собой пиррову победу московского пропагандиста.

АПРЕЛЬ 2022 ГОДА, МАРИУПОЛЬ, УКРАИНА

Сергей не знал, сколько часов или дней он провёл в подвале: всё слилось в какое-то единое монотонное безвременье. Рана на спине заживала медленно, и, хотя оказавшаяся рядом с ним женщина до войны работала медсестрой, помочь это могло мало: у местных жителей не было даже бинтов. На него щедро пожертвовали последние капли водки, которая уже несколько недель использовалась вместо спирта для дезинфекции. Один из жителей именно с этой целью ещё в начале войны разграбил закрытый винно-водочный магазин и гордо принёс добычу товарищам по несчастью. Пить водку не разрешалось под страхом смерти, но и её не хватало на то, чтоб обработать раны.

Сергей с тоской вспоминал переполненную всевозможными лекарствами аптечку в фургончике пропагандистов. Он бы многое отдал сейчас, чтобы вновь оказаться рядом со Спидоносом, стервой Неустроевой и даже немзыкально вопящим патриотом Вегасом.

— Ты что, у нас тут сейчас просто рай на земле! — подбадривал его тот самый старик, который помог спуститься в подвал. — Сейчас хоть иногда выходить можно, еду на кострах готовить, а то и, если повезёт, добраться до тех мест, где гуманитарку дают. Оккупация — страшная штука, это да, но сейчас хотя бы есть надежда, что выживем и переживём этих гадов. Ты ж помнишь, что ещё недавно здесь на улицу было не высунуться, бомбили так, что и на минутку просвета не было. Где ты в это время был, кстати?

— Да я недавно сюда доехал из Европы с волонтерами, — чуть слышно ответил Сергей. — Девушку любимую ищу...

— А, из Европы, — присвистнул старик. — Так ты не видел, что тут было? Некоторые поднимались к себе в квартиры нужду справить — там и погибали. Одна семья еду готовила во дворе — их прямо там прилётом и накрыло. А хоронить как? У нас и лопат нет, да и могилу рыть

некогда — сам можешь за это время покойником стать. Сейчас, конечно, тоже прилетает, но хоть во двор можно высунуться, птиц из рогаatok посбивать, — вздыхал он.

Сергей тоскливо подумал о том, что представление о рае у старика было, мягко говоря, специфическим. Первые несколько часов его физически лихорадило, и в бессвязном полубреду Серёжа видел перед глазами то валяющийся на пепелище зелёный стул, опрокинутый своей засаленной обивкой к почерневшему от копоти потолку, то труп светловолосой женщины, то несущийся по лестницам диван. Внезапно ему подумалось, что этот диван обязательно нужно выставить в Военном музее наряду с другими смертоносными орудиями, и нужно не забыть сообщить об этой идее Саше.

В какой-то момент он вдруг обнаружил, что сидит в наспех сооружённом на ветвях дерева домике, а рядом на дощатый пол к нему подсаживается Лиля, такая тёплая и родная. Серёжа улыбнулся ей, почувствовав, что теперь он не один, и больше никогда не будет один. Он вспомнил, как Олег неуклюже влез к нему через чердачное окно, с каким волнением и заботой искал его по всему музею дядя Егор, и мир вокруг вновь стал счастливым и мирным. Улыбаясь, Сергей попытался взглянуть в промежуток между досками, но почему-то увидел в них только убийственно серый бетон...

Его часто тошнило и, похоже, рвало в спешно подносимые другими обитателями подвала мешки.

— Наглотался пыли да химии при обрушении дома, вот и траванулся, — вздыхал дед. — Тебе бы на свежий воздух, да только там ещё не безопасно, линия фронта близко...

Постепенно он начал приходить в себя. Уснуть в подвале не получалось — на руках у «Мадонны» постоянно надрывно плакал младенец. Он кричал взахлёб, словно надеясь докричаться до каких-то неведомых небесных сил, способных остановить этот ад. Все вокруг, казалось, привыкли к его крикам, и даже мать укачивала его скорее машинально, по привычке, уже не надеясь успокоить.

— Нас тут вначале двадцать пять человек было, ещё псина и две кошки, — пояснил словоохотливый дед. — Места не было вообще: кто на стуле спал, кто на ящике сидя, постели были только для мамочек с детьми. А сейчас, сам видишь, места хоть отбавляй. Человек семь погибло, некоторые уже в свои квартиры возвращаются, часть выехала, когда первые коридоры стали открываться. Ну а кто-то побоялся ехать, и правильно — многие машины тогда разбомбили. Вот тебе и «кори-

доры!»! Ну а нам уже некуда ехать, и не на чем: машин нет, бензина нет. До недавнего времени вообще из подвала лучше было не высываться, — повторил он.

Сергей быстро понял, что электричества, связи, воды и газа в этой части города всё ещё не было. Взрывы раздирали небо без предупреждений, без тягучего воя воздушной тревоги, отдаваясь в подвале глухим эхом. Постепенно он стал различать, близко или далеко стреляли, и мог примерно предугадать, прилетит ли снаряд в их район. Детский плач и давящие бетонные стены наваливались со всех сторон чувством полной беспросветности. Вдобавок ко всему добавился голод.

Обычно он, как это часто бывало с трудоголиками, понимал, что голоден, достаточно поздно, на стадии, когда от слабости уже кружилась голова, а в животе начинало назойливо свербеть. Сейчас это свербящее чувство стало по-настоящему невыносимым, и могло соперничать разве что с жаждой. Из-за пересохшего горла постоянно хотелось кашлять, а глоток воды стал самой заветной мечтой. Сергей вновь и вновь облизывал пересохшие губы, чувствуя, как от сухости становится трудно дышать.

Ребёнок всхлипывал и голосил. Младенец, видимо, чем-то болел и потому не замолкал ни на минуту. Измученная мать нагнулась к нему ещё ниже, коснувшись вспотевшим лбом грязных пелёнок, и простонала:

— Не могу, я больше не могу...

«Я больше не могу». Эти слова всколыхнулись в памяти Сергея, и перед глазами возник образ Анжелики. Она сидела в тот день за компьютером и ожесточённо раскладывала на экране какой-то пасьянс. Анжелика всегда так делала, когда злилась, а злилась она часто.

— Я не могу так больше! — приветствовала она появившегося на пороге Сергея. — Этот урод из Лос-Анджелеса мне ещё полгода назад обещал, что, если будет что-то ставить на нашем побережье, обязательно позовёт меня участвовать. А позвал в итоге эту клушу родом из Челябинска, которая вообще не актриса, ни дня этому не училась, и опыта у неё никакого нет! И знаешь, как он мне это объяснил? — она возмущённо вонзила вилку в лежащих на тарелке омаров. — Говорит, у нас же постановка благотворительная, а ты всегда хотела на этом зарабатывать. Ну вот, говорит, я и решил, что тебе будет неинтересно. Это он за меня решил, понимаешь? Мог хотя бы предложить, я вообще-то сама в состоянии за себя решать!..

Чувство голода и жажды сводило с ума. Сергей провёл пальцами по бетонной стене. Она казалась влажной, но эту влагу невозможно было вычленить никакими силами, и он со стоном откинулся на постель. Внезапно понял, что не осуждает Анжелику. С каким-то странным философским спокойствием осознал, насколько ощущение невыносимости свойственно человеческой природе. Ему казалось, что даже в райском саду наверняка в какой-то момент становится невозможно. Что-то просто ломается в душе, и не хватает сил терпеть саму эту жизнь — какой бы она ни была.

Сергей знал и то, что не может позволить себе это чувство. Он должен набраться сил, встать, преодолевая боль и головокружение, он должен выйти наружу, пусть даже под обстрелы, чтобы найти Лилу. Пошатываясь, Сергей поднялся и увидел, что в подвале осталось совсем немного людей. Сверху раздались шаги, и на лестнице показался уже знакомый дедушка, торжественно неся за лапы мёртвого голубя.

— Словил! — радостно крикнул он. — Вот прям своими руками камнем зашиб! Машка, сготовишь?

Бессонов двинулся в его сторону, и в глазах у старика появился страх.

— Эй, тебе не дадим! — сварливо крикнул он. — Ты вон уже окреп, сам ходишь — значит, всё. Здесь не больница. Вон, мать с ребёнком надо кормить, а ты своих налови.

— Ты ж сготовить попросил, — тихо ответил Сергей, чувствуя, что не может оторвать взгляда от мёртвой птицы и готов разорвать её на части прямо сейчас. — Давай я поднимусь и приготовлю, зачем вам рисковать?

— Ничего, мы люди привыкшие. — Дед выкатил грудь вперёд, пряча добычу за спину. — Своих налови, их и готовь, — упрямо повторил он. Сергею стало больно оттого, что его приняли за мародёра. Конечно, он планировал отщипнуть от голубя хотя бы кусок, но не менее искренне хотел поделиться им и с другими. Неизвестно, чем закончилась бы эта перепалка, но в небе вновь раздался рёв самолёта и оглушительный свист. Судя по звуку, бомбили где-то совсем близко. И точно — в следующий миг над головой раздался оглушительный грохот. Даже бетонные стены дрогнули, стряхивая себя мелкие камушки.

Что-то стало рушиться над головой, гремя и глухо ударяясь о землю. Вспомнив обвал подъезда, в котором он чудом уцелел, Сергей решил, что сейчас наверху происходило что-то подобное, только уже с домом, который возвышался прямо над ними. Удары не прекращались, а ста-

рик, вытаращив глаза, лишь пятился к стене, обеими руками впившись в голубя.

— Да подавитесь вы этими своими птицами! — выдохнул Сергей. — Вы что, не понимаете, что вас сейчас завалит здесь? — Он остановился у лестницы, прислушиваясь, и дождавшись затишья, бросился наверх. Мысль оказаться заживо погребённым в этом подвале казалась страшнее гибели от снарядов. Выбравшись во двор, он увидел огромную, размером со всю детскую площадку, воронку. Дом, как ни странно, ещё стоял и, судя по разрушениям, по нему попало не ракетой, а выстрелом из танка, пробив его навывлет.

Обогнув воронку, Сергей выбежал на улицу. В другом её конце шла женщина с хозяйственной сумкой. Внезапно он услышал знакомый рокот и, не найдя ничего лучше, просто присел на корточки у начавшего зеленеть куста на обочине тротуара. Удар пришёлся в дальний конец автомобильной дороги, взметнув уже привычный столб огня и земли. Похоже, беспилотник. Переждав какое-то время, Сергей бросился к месту прилёта и увидел распластавшийся прямо на дороге труп женщины.

Через дорогу на тротуаре валялась хозяйственная сумка с выкатившимися из неё картофелинами. Судя по всему, картофель был прошлогодний — дряблый, подвявший и довольно большой. Сергей не представлял, где она смогла его раздобыть, но времени думать об этом не было. Он схватил сумку, закидывая в неё выпавшие картофелины, и, забыв о страхе смерти, бросился прямо к месту прилёта. Как и следовало ожидать, там возник небольшой пожар.

Сергей затоптал пару языков пламени и вывалил картошку на горячий асфальт. У него не было времени ждать, пока образуются полноценные угли. Он совал мягкие клубни прямо в огонь, обжигаясь бьющим в лицо жгучим воздухом, и молил про себя хотя бы о нескольких минутах тишины. Время шло слишком медленно, огонь горел слишком неторопливо, а кожура картошки, непривычная к открытому пламени, обугливалась и лопалась. Сергей, ругаясь, откатывал её в сторону и заново раскладывал на свежих углях. Наконец, не в силах больше ждать, он хватал её, обожжённую, но так и не пропёкшуюся, и жадно грыз вместе с кожурой. Это было невероятно, но картошка казалась ему вкусной — необыкновенно вкусной, словно никогда в жизни он не ел ничего прекраснее.

— Эй, ты что там делаешь? — окликнули его по-украински. Он обернулся, готовый насмерть драться за еду. На него смотрела девушка с длинными и, очевидно, очень давно не мытыми волосами.

— У тебя картошка? — она жадно облизнулась. — А чего ж ты там сидишь, мишенью работаешь? Пошли во двор, тут костёр хороший под навесом, волонтёры тушёнку привезли и воду. Пошли к нашему столу, и картошку свою не забудь!

Сергей недоверчиво пошёл за ней. Во дворе под изрядно потрёпанной и местами пробитой снарядами крышей веранды были квадратом выложены серые кирпичи, а сверху на них лежала металлическая решётка.

— Видишь, какая у нас кухня? — гордо спросила девушка, доставая из сумки банку с тушёнкой. — Высыпай свою картошку, сейчас поделимся по-братски.

Они сидели на корточках у огня — не разрушительного, сметающего всё на своём пути пожара, а тихого, покорного человеческой воле костра. Мясо казалось сказочно мягким и просто таяло во рту, и Сергей вдруг услышал, как над головой беспечно свистели птицы, по-своему празднуя весну.

— Ты сам откуда? — спросила его девушка и, перебивая себя, тут же встала: — Меня Катериной зовут.

— Я — Сергей. Из Америки, — не вдаваясь в подробности, ответил он. — Жену свою ищу. Лилия Бессонова — не слышала о такой?

— Как же ты из самой Америки сюда попал? — Катерина уставилась на него со смесью недоверия и любопытства и, не дождавшись ответа, спросила:

— Так значит, ты новости последние знаешь? Это правда, что Украина почти сдалась? Моя подруга с оккупантами разговаривала, они говорят, что Харьков взят, Киев окружён, что Украине вот-вот конец придёт. Это так?

— Нет, не так. Наоборот, Россия отступает, — ответил Сергей, внутренне напрягаясь, чтобы не проронить предательское «наши». — В начале месяца они ушли из-под Киева. Буча, Бородянка, Ирпень и Гостомель теперь свободны.

— Ой, как здорово! — Катерина совсем по-детски захлопала в ладоши. — У меня же вся семья в Гостомеле! Им там хорошо, наверное, теперь. А эти, значит, врут нам, сволочи, что Украина сдалась. Ха! Не дождутся!

— Но Мариуполь они, скорее всего, весь захватят, — предупредил Сергей.

— Да я понимаю, — понуро кивнула Катерина. — Они уже тут шастают, я недавно танк на улице видела с этой их Z.

— Зюзей, — зачем-то подсказал Сергей. Катерина удивлённо посмотрела на него, а затем слабо улыбнулась:

— Ну да, зюзей. Я слышала, они вчера на пляж высадились. Говорят, еду дают и даже разрешают позвонить, а я всё равно не пойду. Мы уж как-нибудь сами. Хотя все говорят, уезжать надо, особенно мне.

— А тебе почему? — спросил Сергей.

— Ну я ж волонтерила активно, а они над волонтерами издеваются хуже, чем над военными, — пояснила Катерина будничным тоном. — Надо ехать, конечно, пока ещё есть хоть какая-то возможность выбраться в Украину.

— А раньше ты почему не уехала? — поинтересовался Серёжа.

— Так говорю же, волонтерила, — Катерина недоуменно посмотрела на него, удивляясь, как он может не понимать очевидного. — У меня родители в Гостомеле, я одна, что мне терять, чего бояться? Я сюда по работе приехала — компания открыла филиал. Ну вот и попала. Решила сделать хоть что-то... Кстати, завтра будет организованный выезд. Поехали с нами, тебе ведь здесь тем более небезопасно, если ты из Америки. Они же совсем большие на голову, решат, что ты шпион, — по тону Катерины было понятно, что она физически не способна представить Сергея шпионом.

— Не могу, я же говорю, должен одну женщину найти, — и, протянув Кате бумажку с адресом, спросил: — Ты не знаешь, где это?

— Далековато отсюда, — она на минуту задумалась. — Это ближе к центру, а мы на западе. Между нашими районами сейчас как раз стрельба, пешком туда лучше не ходить. Можно попробовать объехать на машине... Слушай, приходи завтра к месту эвакуации, — вдруг предложила она. — Поговоришь с волонтерами, может, они помогут. Одному теперь вернее не соваться.

— А где это место, во сколько? — отрывисто спросил Сергей, боясь поверить ещё одной надежде.

— У тебя есть где ночевать? — вместо этого спросила Катерина. — Если нет, пошли к нам в волонтерский хаб, и завтра утром пойдём на пункт сбора.

Волонтерский хаб оказался ещё одним полуподвальным помещением с разложенными на земле постелями, но здесь, в отличие от других мест, была хоть какая-то еда и медикаменты. Людей здесь было больше, чем в его предыдущем жилище, но свободные места оставались, и Сергей вскоре забылся рваным сном в ожидании утра.

Утро обдало весенней свежестью и, вопреки всему, надеждой. Местом эвакуации был обычный двор у стандартной панельной девятиэтажки — как и другие, ей подобные, — обрамлённой рваными чёрными выбоинами. Во двор стягивались люди. Они появлялись из подвалов, словно привидения из могил: измученные, исхудавшие, грязные и почти отчаявшиеся. Рядом стоял небольшой микроавтобус с большой надписью «Дети» и, несмотря на надпись, он весь был изрешечён пулями. Перед автобусом стояла девушка: высокая, длинноволосая, в больших круглых очках и широких брезентовых штанах со множеством карманов. Поверх тёмно-зелёной водолазки у неё было надето что-то вроде бронезилета. Подождав, пока все соберутся, девушка объявила:

— Дорогие друзья, к сожалению, сегодня эвакуации не будет. — По рядам пробежал разочарованный вздох. — Орки снова нас кинули, — буднично сообщила девушка. — Ведут обстрелы, никаких коридоров нам не дали. Кроют все пути выезда сплошным огнём. Без жертв мы не выберемся. Надо ждать, пока согласуют выезд.

— Но раньше же как-то вывозили! — вмешалась пожилая женщина в домашнем халате и с всклокоченными волосами. — Окольными тропами ехали, хотя обстрелы были очень интенсивные. У меня соседку так вывезли.

— Нам слишком долго придётся ехать по оккупированной территории, — втолковывала девушка. — Сейчас оккупанты принялись всё очень активно зачищать, так что лучше ждать согласованного выезда. На прорыв с таким количеством гражданских людей идти слишком рискованно.

Сергей смотрел на лица и видел, как на каждом из них по-своему отображается разочарование. Это была словно выставка человеческой боли — отчаявшихся глаз, едва заметных жестов и неизменной для каждого печати страдания. Желая каким-то образом скрасить грустные известия, девушка провозгласила:

— Но зато мы смогли вам добыть с большой земли инсулин, бинты и детские смеси. — Часть собравшихся заметно оживилась. — Поэтому разбираем всё, кому что нужно, и забираем с собой, у кого соседи нуждаются. — Девушка выразительно посмотрела на окружающих. — Я надеюсь, у всех с совестью всё в порядке, и вы не будете сами есть детские смеси — они для самых маленьких.

— Молодец, Оля, — приснула Катерина.

— Ты её знаешь? — спросил Сергей.

— Это Оля Мещанинова, — шёпотом пояснила Катерина. — Её все знают, она ж местная, здесь выросла. В 14-м году уехала в Киев, а теперь гуманитарку возит. А мы уже здесь помогаем её распределять.

— Странно, что девчонка занимается эвакуацией, — тихо произнёс Сергей.

— Оля уже приновилась возить, — склонившись к нему, ответила Катерина. — Мужчин же за границу не выпускают. Ну вот, она из Польши взад-вперёд фуры гоняла, а дальше должны были парни везти. У кого-то не получилось, и она поехала прямо сюда, говорит: я же город как свои пять пальцев знаю. Несколько раз под обстрел попадала. Ну вот так и ездит с тех пор...

Сергей подошёл к девушке, оборудовавшей прямо около фургона пункт раздачи гуманитарки.

— Ольга, я понял, выезда сегодня не будет, — начал он. — А есть ли свободная машина, чтобы в другой район города съездить, человека одного найти?

— Это не ко мне, — отозвалась она, не задавая лишних вопросов. — Вон, к ребятам подойдите, они всё расскажут.

Сергей кивнул и направился в сторону парней, разгружавших гуманитарную помощь. Они были не просто в бронезиловках, но и с автоматами наперевес, что явно доказывало: быть волонтёром в этих краях — дело небезопасное. Направившись к ним, Сергей замер на полдороге, увидев Олега. Тот был занят делом и ни на кого не обращал внимания. Сергей сделал шаг ему навстречу. Он понимал, что просить помощи у Олега сейчас означало полностью признать своё поражение. Впрочем, его уже давно следовало признать. Наконец, Олег увидел его и тоже застыл.

Солнце скользило через огромную неровную дыру в соседнем доме. Оно ласкало её обгоревшие края, соскальзывало на выкрошившуюся стену, сбегало по обугленным балкам и растекалось по горам стекла и бетона. Его блики хулигански метнулись в лицо Олегу, разрисовав его тенями и пятнами света. Тот чуть прищурился, и из-за этого его фигура казалась ещё более картинной. Олег первым нарушил молчание.

— Ты всё-таки сюда добрался... — произнёс он, шагнув навстречу Сергею. Это звучало как утверждение, а не как вопрос, но по его тону Сергей понял, что Олег не настроен конфликтовать. Он запоздало догадался, что причиной миролюбивого настроения Глыбовского, возможно, был его внешний вид. Долгие дни скитаний по подвалам, видимо,

дали о себе знать, поскольку бывший друг рассматривал его теперь с удивлением и примесью жалости.

— Я не нашёл её, — глухо сказал Сергей и присел на поваленный здесь же, во дворе, ствол дерева.

— Я знаю, — отозвался Олег и сел рядом с ним.

— Откуда? Ты был у неё? Ты знаешь, где она? — Сергей повернулся к нему, едва удерживаясь, чтобы не вцепиться в Олега мёртвой хваткой. — Ну скажи, ты нашёл её?!

Олег молчал, и это становилось невыносимым. Сергей вскочил и навис над ним скалой. Наверное, он выглядел жутко: с воспалёнными голодными глазами, всё ещё не смытой золой, цементной пылью и разившим от него запахом подвальной сырости.

— Её больше нет, Серёжа, — Олег опустил глаза.

— Что ты несёшь?! — Сергей схватил его за плечи и резко потянул на себя. Олег встал, стряхивая его руки, и ещё раз повторил: — Это точно, мы уже всё выяснили.

— Да мало ли кто что говорит! — не сдавался Сергей. — Ничему нельзя верить, пока не увидел тело!

— Серёжа, это правда. Я понимаю, что в это трудно поверить, но это правда, — начал Олег мягко, словно надеясь его успокоить. — Она погибла недели три назад. Тогда обещали, что откроют гуманитарный коридор. Она была за рулём, вывозила не только себя, но и соседскую семью с детьми. Их колонну обстреляли в районе Токмака, когда они ехали в сторону Запорожья. Какой-то урод стоял на блокпосте под флагом ДНР и дал автоматной очередью прямо по машине, в лобовое стекло. Она погибла мгновенно. Семье, которая ехала с ней, предложили эвакуацию в Россию. Они отказались. Тогда им сказали, что вернут их обратно в Мариуполь. Они похоронили её у дороги и вернулись назад, потому что поняли, что дальше им не прорваться... Серёжа, я разговаривал с этой семьёй. Они своими руками её похоронили. Ты приехал слишком поздно. И я тоже...

Сергей снова сел на ствол дерева. То, что он чувствовал, нельзя было просто назвать болью. Мир навалился на него всем адом своего существования. Он не должен был существовать без Лили, этот мир! Именно в ней была сосредоточена та непостижимая жизненная сила, которая питала собой всё вокруг. Это ради неё вставало солнце, это в её глазах отражалось даже не небо, а первозданная материя, из которой возникла Вселенная. Это её дыхание задавало пульс планеты, её

смех придавал смысл всему живому, а её грусть была страшнее любого стихийного бедствия.

Он не знал сейчас, как он мог столько лет не понимать, что жил лишь потому, что где-то жила она. Он радовался солнцу и ветру, потому что она тоже где-то им радовалась, он дышал этим воздухом только потому, что она тоже им дышала. Этот мир умирал без неё, и Мариуполь был идеальным тому доказательством. Город-призрак, пропитавшийся смертью до основания, он звал Сергея в свои глубины, приглашая слиться с разрушительной стихией гибели, чтобы где-то на самом её дне отыскать Лилю. И Сергей действительно готов был броситься за ней в пучину ада, в пропасть небытия, чтобы вырвать её у смерти. Это его, Сергея, жизнь заключалась в ней, и без неё не только Мариуполь, но и вся планета превращалась в одно безлюдное пепелище...

— Ну тихо, тихо, ты чего? — услышал он словно издалека голос Олега. Тревожные нотки в этом голосе показались ему странными, ведь он даже не плакал. Только тут Сергей заметил тонкую струйку крови, бегущую по руке. Оказалось, что он машинально закусил тыльную сторону ладони, чтобы не закричать от боли, и прокусил её до крови. Он ненавидел себя за эту кровь — горячую, живую; за то, что не может наполнить ею обескровленные вены Лили, за то, что его сердце глупо колотится в груди, не способное разбудить её сердечко. Зачем она поехала в тот день, зачем ей понадобилось кого-то спасти? Неужели она не могла дождаться его, неужели не могла догадаться, что он обязательно приедет её спасти?!

— Серёжа... — Олег присел на корточки возле него. Сергей поднял на него глаза и тихо спросил: — Как у тебя получается жить в мире, где её нет?

Олег положил руку ему на плечо и ничего не сказал. Сергей почувствовал, как в его глазах против воли всё же проступают слезы. Бессмысленные, бесцельные, они побежали по щекам, размывая тонкий слой пыли и копоти. Воцарилась напряжённая тишина — такая же мёртвая, как окружавший их город.

— Так ты всё же поехал за ней? — первым нарушил молчание Сергей. — Продал телеканал, чтобы стать простым волонтером? Но зачем?

— Ну ведь ты сам понимаешь, зачем, — отозвался Олег. — Я любил её.

— В смысле? — Сергей взглянул на него исподлобья, пытаясь понять. — Ты что, разыграл всё это? В смысле, что ты гей? Она тебе на самом деле нравилась?

— Дурак ты, — тихо, даже как-то примирительно ответил Олег. — Это тебе она нравилась. И трахать её тебе нравилось — а потом надоело. А я её любил. По-настоящему любил, как самого близкого мне человека и надёжного друга.

В другой момент Сергей, пожалуй, вспылит бы, но сейчас он понимал, что слова Олега были сколь безжалостны, столь же и точны. Он почти физически почувствовал, как они пощёчиной хлестнули его, и машинально отвернулся, но защищаться не стал, жалея лишь о том, что слова, к сожалению, не способны убивать. Он хотел одного — смерти как единственной возможности добраться до Лили, и потому готов был вынести любые, даже самые жёсткие удары... Они снова замолчали, и наконец Олег осторожно спросил:

— Я вижу, ты уже довольно давно здесь скитаешься. Непохоже, что-бы ты только что приехал из России. Ты знаешь, где сейчас твои?

— Нет, — ответил Сергей, не глядя на него.

— Слушай, — продолжил Олег, пытаясь скрыть неловкость. — Понимаешь, в чём дело. В Россию мы не вывозим. Но если нам дадут согласованный маршрут, скорее всего, в Запорожье мы поедем через Бердянск. Там достаточно спокойно, и оттуда ты сможешь добраться... — он сделал паузу, — до своих. В Украине, как я понимаю, тебе делать нечего. Но ты, наверное, уже слышал — сегодня выезда не будет. Если хочешь, можешь помочь нашим ребятам разгрузить гуманитарку. И нам ещё нужно обойти подвалы — здесь список адресов, где есть тяжёлые больные. Ты извини, что я тебя в таком состоянии дёргаю, но у диабетиков без инсулина счёт идёт на часы. Нам нужно успеть, а то ещё кто-нибудь умрёт...

Сергей кивнул и, всё ещё глядя в пустоту, спросил:

— Я понимаю. Что нужно делать?

— Сейчас тебе Паша всё объяснит. Поможешь ему пройти по подвалам? — предложил Олег и кивнул в сторону своего напарника. Сергей обернулся и увидел паренька, чьё лицо показалось ему до боли знакомым. Ну конечно, именно его он видел на «Экспат-ТВ», когда только нашёл этот канал.

— Подожди, это ты давал интервью на французском телевидении о том, как в плен попал? — уточнил Сергей, уже не доверяя собственной памяти.

— Ну, я, — Паше было явно неприятно вспоминать этот эпизод.

— Почему же ты вернулся? — спросил Сергей с лёгким, едва пробивающимся сквозь боль удивлением.

— Потому что не позволю каким-то подонкам меня сломать! — зло ответил Паша, вскинул автомат. — Но теперь — теперь я им живым уже не дамся! Так что, ты нам поможешь или нет? — и он выжидательно взглянул на Сергея.

АПРЕЛЬ 2022 ГОДА, МАРИУПОЛЬ, УКРАИНА

Сергей помогал волонтерам уже несколько дней, и, к своему удивлению, обнаружил, что сквозь всепоглощающую, залившую душу до основания пустоту непостижимым образом пробиваются ростки жизни, отблески эмоций и даже едва заметный налёт впечатлений. Ему до сих пор везде мерещилась Лиля. Казалось, что её образ пропитал этот город, и Сергей не мог отделаться от мысли, что в городе-призраке её призраку, пожалуй, было бы даже по-своему уютно.

Смерть настолько пропитала Мариуполь, что стала неизменной его частью. Город слился с нею, наполнился её зловонным запахом, словно превратился в живой монумент гибели. И, может быть, поэтому Сергея не отпускало чувство, что Лиля всё ещё должна быть где-то здесь. Каждый раз, когда он заходил в новый подвал, ему казалось, что он обязательно увидит её там. Когда кое-где на улицах ему попадались фигуры людей, уже начавших понемногу выходить из укрытий и возвращаться к подобию жизни, в этих фигурах ему мерещилась она. И потому его перестали пугать и виды развалин, и трупы горожан, и могилы во дворах. Всё это словно приближало его к стихии смерти — её стихии.

Он видел, что многие люди, потерявшие близких, чувствовали то же самое. В них пропала жажда жизни, и они выживали машинально, механически поддерживая существование опустевших оболочек в нечеловеческих условиях. Но их души, казалось, погибли вместе с городом. Самым страшным олицетворением такой гибели стала для Сергея Мария Николаевна — женщина, рыдавшая в углу одного из почти опустевших подвалов.

— Ты просто оставь еду, и пойдём, — посоветовал Паша. — Она потом возьмёт.

— Что с ней? — спросил Сергей, хотя подобный вопрос в таких условиях звучал довольно глупо.

— Ну как, — попробовал объяснить Паша. — Она из Донецка. Сын погиб ещё в 14-м году, она с невесткой и внуками переехала сюда. У невестки родители родом отсюда. Невестку и одного из внуков убило насмерть, когда они готовили еду во дворе. Второго внука тяжело ранило. Вывезти его тогда не получилось. Самое поразительное, нашли врача,

почти выходили мальчишку. А потом он отравился технической водой. Её нельзя пить, но многие пили — другой-то не было. После этого старушка тронулась умом... Полгорода в таком состоянии.

Сергей с ужасом узнал, что в Мариуполе распространяется холера. Работы было много, но в редкие свободные минуты он стал чаще разговаривать с Олегом — непринуждённо, как когда-то давно, правда, старательно избегая в разговорах упоминания Лили.

Они сидели вместе на куче мусора в одном из дворов и наблюдали закат через выбоину в соседнем доме. Огненные сполохи с неба окрашивали город-призрак причудливым свечением, и Олег вдруг сказал:

— Если не дадут коридор, будем прорываться сами. Тут очень многие люди готовы скорее на смерть, чем на жизнь в оккупации.

— Оружия хватит? — спросил Сергей, косясь на его автомат.

— Ну, тут военные подкинули кое-чего, — и с этими словами Олег провёл его в угловую закрытую комнатку волонтёрского хаба. Там лежали автоматы, ленты патронов и даже ручные гранаты.

— Как сказал Пашка, живыми не дадимся, — серьёзно произнёс Олег.

— Тебе не страшно умирать? — спросил его Сергей. — Я имею в виду, у тебя кто-нибудь есть там, во Франции? Ну, друг... — он смущённо замолчал.

— Да, есть супруг, — просто отозвался Олег.

— Француз?

— Француз, — кивнул тот.

— И как оно? — Сергей замылся. — Я имею в виду разницу менталитетов.

— Какие-то трудности бывают, — пожал плечами Олег. — Но знаешь, не такие уж мы и разные.

— Как же он отпустил тебя сюда? — удивился Сергей.

— Ну вот я про это и говорю, — отозвался Олег. — Мы не такие уж и разные. Он сумел понять. И телевидение я решил продать ещё в самом начале войны, к моменту нашей встречи в Париже сделка уже была завершена. Потому и я успел так быстро. И муж меня поддержал.

На следующий день Сергей во время одного из подобных разговоров тоже решился на признание.

— Послушай, — он запнулся, не зная, как продолжить. — Ты же знаешь множество французов. Может быть, кто-то из них сможет выйти на их соотечественника — французский учёный, известный изобрета-

тель Николая Бернар. Он сейчас живёт в Москве, ему нужно передать кое-что.

— Что именно? — напрягся Олег.

— В общем, такое дело. — Сергей отвернулся, почувствовав, как его заливают волна стыда. — Этот парень думает, что он убил двоих. Это было специально подстроено, чтобы он так думал. Первая смерть вообще была постановочной, в ней никто не погиб. Вторую жертву убили другие люди. Он боится вернуться на родину, потому что считает себя убийцей. Нужно, чтобы ему обязательно передали, что он не виноват.

Олег внимательно посмотрел на него и протянул:

— Какой же ты мерзостью там занимался, Серёжа! И как тебя угроздавило докатиться до такой жизни?

— Так ты передашь? — спросил Сергей, желая поскорее свернуть тяжёлый разговор.

— Постараюсь, если выберемся отсюда, — кивнул Олег.

Вечером того же дня, когда они снова встретились, Олег неожиданно обратился к нему с какой-то юношеской пылкостью, как бывало в их ранней молодости. — Поехали с нами! Что тебе делать в этой проклятой России, да ещё после всего, что было? Да, ты во многом прав, в Украине тебя никто не ждёт, но ты же понимаешь, что на самом деле происходит. Иногда нужно уйти не куда-то, а откуда-то. Во Франции есть правозащитники, они могут помочь с убежищем. Мы тут вышли на связь с украинской администрацией, и нам передали, что в городе бесчинствует 64-я мотострелковая бригада 35-й армии. Это те же самые, что отличились зверствами в Буче. Их главный, некий Каргапольцев — это просто зверь. Поехали, Серёжа. Начнёшь новую жизнь, ты её заслужишь. Лиля бы тобой гордилась.

ОБ АВТОРЕ

Ксения Кириллова родилась в 1984 году в г. Каменск-Уральском Свердловской области. В 2006 году окончила юридический факультет Гуманитарного университета по специальности «юриспруденция» с красным дипломом. За время обучения принимала активное участие во многих, в том числе международных конференциях, про-

ходивших также в Уральской государственной юридической академии. С 2008-го года работала журналистом в газете «Уральский рабочий» (старейшее региональное издание), затем с 2011 года — в «Новой газете на Урале» (региональной вкладке в «Новую газету»).

Выпускник базового и универсального курсов Школы прав человека Московской Хельсинской группы. Участник молодёжного правозащитного движения. С 2009-го года тесно сотрудничает с ЕО «Мемориал», ассоциацией «Голос», «Правовая основа», Межрегиональный центр прав человека и иными правозащитными организациями.

Замужем, на данный момент проживает в США.

С 2015 года публикуется на сайтах российской, крымской и украинской редакций «Радио Свобода», сайтах украинского телеканала ТСН и российского диссидентского портала «Каспаров.ру».

С июня 2015 года — эксперт Центра изучения армии, конверсии и разоружения (Украина). С августа 2015 года — эксперт некоммерческой американской организации «Free Russia Foundation».

Борис КАМЯНОВ
СТАРИКОВСКИЕ СТИХИ

ЕВРЕЙСКИЕ ВНУКИ

Не вынесли вы со Святою землёю разлуки
И едете к нам из России, еврейские внуки.

Там плохо и страшно. Там в воздухе запах беды.
Теперь вас спасают забытые вами деды́.

Вы едете к нам — иноверцы и просто неверцы,
С крестами на шее, со Сталиным в трепетном сердце,

Летите, забрав всех своих домочадцев с собой,
Чтоб вас не коснулся извечный российский разбой.

Летите к морям из гриппозных российских сугробов —
Пополнить ряды леваков и жидов-юдофобов,

Которые здесь возрождают библейский Содом, —
Туда, где вы вскоре уютный построите дом,

Где множество благ, где всё есть, медицина бесплатна,
Где только на досов противных смотреть неприятно,

Где русский язык можно слышать на каждом шагу,
Где множество клоунов в кнесете — ржунимагу!

Сохнут зазывает в Израиль всё новые орды.
К нам едут эсавы. Подвиньтесь, жидовские морды!

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Черты, справочку мне заверьте,
Дьявол, шлёпни свою печать:
Зарекаюсь писать о смерти,
Чтобы близких не огорчать.

Я уже не пишу о горе,
На мажор поменял настрой,
Не талдычу: «Мemento мори», —
Вспоминая кошмар ночной.

Их суровой вняв укоризне,
На минор наложив запрет,
Я пишу лишь о вечной жизни,
Повторяя, что смерти нет.

Всё! Я сдался на вашу милость,
Дорогие мои ханжи!
Что ж ты, смерть, надо мной склонилась?
Я о жизни пишу, о жи...

БЛОКОВСКИЕ МОТИВЫ

Перцовка, пиво, «Солнцедар» —
И мужичок идёт под газом.
Ночь, улица, фонарь... Удар —
И вот фонарь теперь под глазом.

Повязку надо б наложить —
Ведь жалко всё же человека!..
А он давно привык так жить:
Ночь, улица, фонарь, аптека...

РОВЕСНИКУ

Григорию Трестману

Доживаем последние годы.
Может, месяцы, может быть, дни.
В предвкушенье великой свободы
Остаёмся мы в мире одни.

Не понять нас ни детям, ни внукам.
Но за это ты их не стыди:
Время — близости, время — разлукам...
Одиночества их — впереди.

В ожиданье ухода, Исхода
Рабский ужас в себе подави:
Всё равно неизбежна свобода —
От семьи, от друзей, от любви.

* * *

Я старше папы. Разница в семь лет.
Как брата младшего, теперь люблю отца я.
Он умер молодым. Я — старый дед.
Звезда моя горит ещё, мерцающая.

Я брата на три года пережил,
Хотя на двадцать лет моложе Вити.
Я вешу центнер. Он был весь из жил.
Не знал, что на Руси веселье — пити.

Пускай всё ближе встреча наших душ,
Не вижу в смерти я особой драмы.
И я скриплю — отец и дед, и муж.
Я всё ещё пока моложе мамы.

ПРОЩАНИЕ С КЛАССИКАМИ

Перед уходом мне открылись снова —
И захватили надо мною власть —
Ахматовское царственное слово
И нервная цветаевская страсть.

Но, вновь не даровав мне откровений,
Не разожгли в душе моей пожар
Ни Мандельштама запылённый гений,
Ни Пастернака конформистский дар.

И перед тем, как распахнётся дверца
В просторы тайных наднебесных сфер,
В последний раз моё согреют сердце
Блок, Заболоцкий, Кедрин, Искандер.

Когда же неизбежное случится
И брошу я назад прощальный взор,
В глазах моих навеки отразится:
Роняет лес багряный свой убор...

МАМА

Когда внезапно вспыхнет боль
В полуразрушенном суставе,
Я, седовласый старый пень,
Как в детстве, вскрикиваю: «Мама!» —
И слышу тихие слова:
— Мой мальчик, ты уже большой,
Тебе уж восемьдесят скоро,
А ты всё мамочку зовёшь.
Я не могу тебе помочь.
Терпи, малыш, и будь мужчиной.

О ВЕРЕ

Я в Бога не верю. Ведь это же просто смешно:
«Я верю, что жив. Верю в солнце, и хлеб, и вино.

Я верю и в то, что я мамой и папой зачат.
В любимых детей своих верю и сладких внучат».

Нет, это — не вера. Я знаю, что всё это есть.
Не верю, а знаю: любовь существует и честь,

И верность жене и друзьям, и заветам отцов,
И необходимость давить, как клопов, подлецов...

А Бог — Он во всём. Эту истину свято храня,
Я в Бога не верю. Я знаю: Он верит в меня.

ПАВШИМ РОССИЙСКИМ МУЖЧИНАМ

Напрасно вы погибли, жмурики:
Ведь хану, как и вам, — хана.
Увы, ханыги и ханурики, —
Вы не спасёте пахана.

Обмануты наполеончиком,
Сгорели вы в огне войны.
И он, как вы, холодным пончиком
Скользнёт в утробу Сатаны.

Вы б лучше мяли бабам сиськи
В своём родном Ханты-Мансийске
Или мечтали о посылке
На астраханской пересылке.

ОБ АВТОРЕ

Борис Камянов (Барух Авни) — израильский поэт, переводчик, публицист. С 1976 года живёт в Иерусалиме.

В СССР практически не печатался, переводил с языков народов СССР, был слесарем, грузчиком, рабочим сцены и т.п.

Автор восемнадцати книг, среди которых сборники стихотворений, юмористических произведений и др., воспоминания «Продолжение следует...», выпущенные в 2021 году бостонским издательством M-Graphics. Ему также принадлежит комментированный перевод «Песни песней» в соавторстве с р. Н.-З. Рапопортом (2000), а также первый перевод Пятикнижия на современный русский язык, который ещё ждёт своего издателя. Стихотворения и переводы опубликованы в российских антологиях «Строфы века» и «Строфы века-2».

Основатель Содружества русскоязычных писателей Израиля, издающего литературный альманах-ежегодник «Огни столицы». Лауреат четырёх израильских литературных премий.

Марианна РЕЙБО

ТРАНЗИШН

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ РОМАН

ЛИНДА

— Теперь я переживаю, Мур. Вдруг трёх косарей не хватит, и мне придётся ещё работать. А ты знаешь, мне этого совсем не хочется, Мур.

Две женщины быстро шли по весенней питерской улице. Шаг задавала девица гренадерского роста, летя в красном облаке плотных кудрей, прыгавших на ветру, словно огненные пружины. Её невзрачная подруга, ниже на целую голову, еле попевала следом, то и дело путаясь ногами в двух тяжёлых пакетах с книгами, которые занимали обе руки. Догоняя свою приятельницу почти бегом, она заглядывала ей в лицо снизу вверх с выражением глубокого участия, даже с некоторым подобострастием, пока та, почти не оборачиваясь и щедро жестикулируя свободными от груза руками, продолжала эмоционально говорить:

— Хочу, чтобы подарок был не хуже, чем она мне подарила. И был именно от меня, за мои деньги! Брать их из бюджета студии или видеоблога было бы нечестно, ведь тогда они будут наши общие с тобой. Получилось бы, что половина подарка от тебя, Мур. А я хочу отдариться сама.

Линда шла и говорила так быстро, что запыхалась и была вынуждена сделать паузу, чтобы перевести дух. Воспользовавшись её кратким молчанием, Камила попробовала возразить:

— Мур, ну подумай, как это будет выглядеть. Малышка сделала тебе подарок, желая загладить вину и подружиться. Она ведь тысячу раз извинилась за тот вечер в пабе, но ты продолжаешь её избегать. Вот она и решила в знак примирения подарить тебе это кольцо. А ты отда-

Продолжение. Начало — в №1 (25) 2023

риваешься, да ещё через меня, заочно, возвращая ей жест её доброй воли. Дескать, спасибо, заберите назад. Нехорошо, Мур...

— Да она не имеет права делать мне подарки, Мур, — резко ответила Линда и снова продолжила свою речь громко и торопливо, так, чтобы подруга не могла её перебить. — Этим подарком она ещё больше унизила меня! Да, Мур, унизила, указала мне моё место. Показала, что ей выбросить два косаря ничего не стоит. А я нищеврод, для меня это дорого. И теперь, чтобы не чувствовать себя чмом, я просто обязана ей ответить, да ещё с лихвой. А для этого мне снова пришлось на панель идти. Как-то не очень, не правда ли, Мур?

Камила виновато опустила взгляд и вздохнула:

— Ох, Мур, если бы я знала...

— В общем, прошу впредь для меня подарки ни от кого не брать. Я принимаю их только от тебя, моя красота. От тебя, и ни от кого другого!

— Если тебе так принципиально отдариться, вполне могла бы взять деньги из тех, что перевели последние музыканты. Ты ведь имеешь на них полное право. Но ты, наверное, хочешь распоряжаться всем, Мур? Ты давно намекаешь на наши общие финансы — тебе нужно всё или ничего. Так я же не против, все деньги и так твои. Ты же знаешь, я живу, чтобы служить тебе, Мур. — Камила явно волновалась, но старалась говорить ровно и вкрадчиво. — Ты же знаешь, я люблю тебя, и ты всегда для меня на первом месте!

— Я не про то, Мур. Я уже час отработала, и три косаря теперь есть. Просто она не имела права делать мне подарок. Я хочу, чтобы ты на будущее это знала, Мур.

— Да почему она не имела права? Это её попытка сделать шаг навстречу, раз ты её демонстративно избегаешь. А ты снова отступаешь. И видеть её не хочешь, будто она чумная какая-то.

— Да, Мур, после первого знакомства у меня нет желания снова её видеть. Мы же сто раз говорили с тобой об этом. Я до сих пор чувствую себя полным чмом, когда вспоминаю, как она тогда унизила меня взглядом. — Пока Линда говорила, они с Камиллой уже дошли до её дома и поднялись в квартиру. Раздеваясь в маленькой чистой прихожей, Линда продолжала: — В её взгляде я увидела такую невыносимую жалость к себе, что мне сразу захотелось выпилиться, понимаешь? Впервые с момента перехода мне захотелось в петлю залезть от того, какая я убогая! Ей оставалось разве что в лицо мне плюнуть, чтобы мне хватило!

— Да она тогда вообще ничего ещё не понимала. — Камила занесла пакеты с книгами в комнату и прошла за Линдой на кухню, где та уже успела поставить чайник. — Тогда малышка ещё не была в теме, а теперь всё совершенно по-другому...

— Ну конечно! — Линда зычно расхохоталась. — Теперь, когда она знает, что сама влюбилась в транс, она скажет что угодно! А тогда... Правда была тогда...

— Хорошо, — мрачно ответила Камила, устроившись на маленьком кухонном диване у стола и приняв защитную позу со скрещёнными на груди руками. — Вручу ей твой ответный подарок и скажу, что ты не хочешь её видеть. Так велика твоя обида за её необдуманное поведение при знакомстве.

— Да просто скажи, что я её стесняюсь. — Линда присела напротив подруги, облокотившись о стол, и внушительно посмотрела на Камилу сквозь очки. — Скажи, что она красивая гешка из Москвы, а мне дала понять, что я убогое, никому не нужное транс-чмо из белорусской деревни. Я и сама понимаю, что транс из меня не очень, так что не её вина, что она меня презирает. Но пусть учится на моем примере, что трансы тоже люди, что у них есть сердце!

— Не верю, что ты серьёзно так о себе говоришь, Мур. — Встав из-за стола, Камила подошла к кухонному ящику и достала початую бутылку коньяка. — Будешь? — Линда отрицательно покачала головой. — Ну, как всегда, мне придётся одной. Я немного, с твоего позволения. — Налив полрюмки, Камила вернулась за стол. — Не верю, — повторила она, не глядя на Линду. — Если кто и чмо, то это я. Жалкое и никому не нужное. А ты... ты звезда!

— Не смей так о себе говорить, Мур. — Линда нетерпеливо постучала длинными чёрными ногтями по столу. — Ты же знаешь, для меня ты лучше всех. Мнение других вообще не должно волновать тебя, слышишь? Тебе только моё мнение должно быть важно! Запомни, Мур, только моё. — Линда снисходительно улыбнулась подруге и, поднявшись, взяла её за руку, заставляя тоже встать. Одобрительно оглядев Камилу сверху донизу, Линда продолжила: — Эта юбка на тебе сидит просто идеально! Особенно хорошо было на улице с новыми полусапожками. Вы ведь их вместе с твоей малышкой купунали?

Камила неохотно кивнула. Линда продолжала:

— Всё же она, и правда, чему-то учится... — Она снова одарила подругу ободряющей улыбкой. — И слышать больше не хочу, что моя Мур снова на себя наговаривает! Это из меня с моим ростом и широ-

кими плечами транс не очень. А ты миниатюрная, с тонкой костью, да и движения все, как с завода... Ты же знаешь, моя Кэт просто помешана на трансax, и, когда впервые тебя увидела, только и твердила потом: какая у Камилы потрясающая фигура!.. Так что начинай настраиваться — ты женщина! Причём очень красивая!

— Это с твоих слов Кэт так говорила, — недоверчиво возразила Камила. — Да и главное не фигура. Подумаешь, высокая. Сколько раз мы на таких же, как ты, крупных гешек обращали внимание. Нет, главное — это лицо. Когда рожа мужская, ничто больше не имеет значения. Не спасает ни юбка, ни фигура — ничто!

— Вот уж нет, — запротестовала Линда, — всё имеет значение. Всё в нас да или нет! И ты гешка, всегда ею была, и сейчас становишься собой, как и я. Тридцать пять лет играла из себя мальчика, а теперь просто стала собой.

— Но я про морду, Мур! Когда я села на гормоны, всё ждала, что лицо погэшнеет. Но время идёт, а я не вижу в зеркале ни одной женской черты, понимаешь? Ни одной!

— Ох, — Линда снова опустилась на стул и с пониманием кивнула. — Ты знаешь, это твоё внутреннее. Я тоже до года ЗГТ* видела в зеркале всегда только мальчика. И только повторяя себе каждый день: «Я девочка! я девочка! я девочка!», я стала хотя бы иногда видеть в себе гешку. — Линда глубоко вздохнула. — Хотя порой даже сейчас... Вчера проснулась у Кэт, подошла в ванной к зеркалу и думаю: ну что, мужик, кого ты, нахрен, пытаешься обмануть?..

— Да ты что, все давно уже видят в тебе только женщину! Только посмотри, сколько у тебя поклонниц и поклонников — ты звезда! И если даже у тебя бывают подобные мысли, то что уж говорить обо мне... Сама знаешь, рождённый ползать летать не может... Так что я ползаю, пока ты летаешь! — Камила, усевшись обратно на диванчик, снова принялась вертеть в руках нетронутую рюмку. Потом выдохнула, залпом опустошила содержимое и поморщилась. — Даже твоя Кэт, когда мы вместе сидели, унижала меня постоянным мужским родом! Что видит, то и поёт...

— Не могло быть такого! — воскликнула Линда и с новой силой гневно застучала пальцами по столу. — Я её пытала на этот счёт, она со слезами клялась, что такого не было! Хотя я всё равно верю тебе, а не ей. — Запустив пятерню в огненно-рыжие пряди, Линда стала нервно

* Заместительной гормонотерапии.

перебирать их одну за другой. — Вообще я всё же думаю послать её. Дрянь! Вчера опять чуть не довела меня до приступа, в боку как ножом закололо. Ты же знаешь, у меня больное сердце, Мур! С детства всё в дырах, а она мне ещё добавляет! Дрянь паршивая!

— Что, Кэт опять что-то ляпнула, не подумав?

— Не то, чтобы что-то конкретно. Просто ей нравится во мне именно транс. Да она и не скрывает этого. И говорит, стоит мне переодеться и украшения снять, как уже снова мальчик. И очки, говорит, пятьдесят процентов девочки прибавляют — снимешь, и всё...

— Глупость какая, ничто давно не делает из тебя мальчика...

— Когда она так ведёт себя, Мур, я сразу думаю, что пора ехать домой и бросать переход. И в боку сразу колет, будто ножом. А ей хоть бы что! Плевать на мои чувства, ей транс нравится! Дрянь! Она и в загсе на меня так смотрела... Я вынуждена была мальчика из себя корчить, меня тошнило от лицемерия, от всей этой фальши, а у неё от счастья аж лучи из глаз, как прожекторы! Прекрасно же осознавала, что брак фиктивный. Сама и предложила, типа, мне так легче гражданство дадут, но нет — светилась вся, будто ей в жопу фонарь засунули! Дрянь, дрянь!

— Не знаю, Мур, если Кэт тебя расстраивает, может быть, тебе расстаться с ней? Или хотя бы сократить её присутствие. Только бы брак от этого не пострадал...

— Да я уже не уверена, что брак поможет с гражданством. В какую инстанцию ни приду, первый вопрос: сколько времени браку. И я такая: два месяца! Ну, здорово! И как доказать, что брак с гражданкой РФ у моего мальчика не фиктивный?.. Так что черт с ним, с браком — если захочет, хоть завтра дам ей развод! Важнее, что она даёт в постели. Ты же знаешь, я не могу без бучек.* Сейчас ещё ничего, припирает два-три раза в неделю. И то Кэт, хоть и терпит, но уже, чувствую, напрягается. Интересно, что бы она раньше сказала... До ЗГТ ведь по несколько раз на дню надо было. Юлька, жена моя, потому и закрывала глаза, что я бучусь на стороне. Не могла сама столько... В общем, если дать отставку Кэт, придётся искать ей замену. А это не так просто в моем положении.

— Но у тебя ведь ещё очередь из нескольких выстроилась.

* Бучки (жарг.) — лесбийский секс; производное от слова «буч» (англ. *Butch*) — на ЛГБТ-сленге обозначает мужеподобную лесбиянку. Хотя Линда биологический мужчина, она считает себя женщиной, отчего употребляет этот термин для обозначения своих половых сношений как до, так и после гендерного перехода.

— Ага. Только они же не знают, что я транс. Принимают за обычную лесбу, и мне приходится с ними просто так общаться, без бучек.

— Без бучек они сами долго не выдержат, у них на тебя зудит в одном месте.

— Пойми, не каждой лесбиянке решишься признаться, что ты транс. Что у тебя внизу не то, что она думает. Вовсе не каждой это понравится. А тут ещё эта штука подводить стала. Таблетки два дня подержат, потом снова падает.

— Пф! — Камила фыркнула. — Ну и пусть падает, что за беда! Это как раз нормально. Зато ты гэшнеешь на глазах!

— Да, но пока он со мной, не хочу, чтобы он меня подводил. Пусть не покидает меня раньше времени! И гэшнуть хочу, и рабочий агрегат хочу, и с Кэт не знаю, что делать — пипец какой-то...

— Странно, что тебе не удаётся воспитать Кэт под себя, как тебе надо. Она же без тебя жить не может. Припугни её, что уйдёшь, и она всё для тебя сделает.

— Я только и делаю, что воспитываю её, понимаешь? — Линда пришла в сильное возбуждение и, отпустив себя, заговорила на низком регистре, утрачивая мягкость женственных интонаций. Камила знала, что голос — слабое место Линды и временами её подводит, но не делала замечаний лишний раз, чтобы её не расстраивать. — Я воспитываю её, — продолжала Линда, — но я готова возиться только до тех пор, пока хочу оставлять её рядом с собой. Если она не будет такой, как мне надо, вычеркну в один день! Раз тесаком — и всё! А она, похоже, неисправима. Неделю назад, когда опять ссорились, всё ей высказала. Сказала, что, наверное, будем расходиться. Так она сразу в рёв ударилась: на всё согласна, говорит, только не бросай, а то жить не буду, говорит, вены себе вскрою! Ну а мне что, подохнуть тут ради неё от сердечного приступа, раз она без меня не может...

— Ну, вот видишь, Мур, куда она без тебя, — успокаивающе сказала Камила, ласково погладив подругу по нервно сжатой руке. — Относись к Кэт более снисходительно. Делай скидку на то, что она баба. Ты же сама говорила, бабы по природе дуры. А ты и умнее её, и красивее, и женственнее... Ты превосходишь Кэт во всех отношениях!

— Да, я знаю, — миролюбиво закивала Линда. — Знаю. Но эта дрянь должна вести себя так, чтобы у меня не возникало и тени мысли об откате! Вести себя как ты, моя Мур. — Линда на мгновение опустила глаза и в голосе её вдруг прорезалась горечь. — Понимаешь... Она ведь гешка, а я транс... Вот тебе «и умнее, и красивее»...

Снова вскочив со стула, Линда отвернулась к окну, упёршись ладонями в стылый подоконник. Внизу, на чёрной полосе дороги, грязные машины устраивали свои муравьиные бега, разбрызгивая вокруг растаявшую весеннюю слякоть. Нахохлившись в паутине чёрных веток, стайка тощих ворон раскатисто каркала, призывая скорый дождь, и их жуткие голоса эхом отражались от стен панельных многоэтажек.

Линда прикрыла глаза. Серый город за окном поплыл, затуманился и исчез. Осталось лишь это протяжное воронье карканье. Оно раздавалось там, за хлопающей от ветра, перекосившейся дверью, до которой оставалось добежать каких-то полтора метра.

— А ну-ка стой, мелкий ублюдок! Стой, б...дь!!!

Здоровенная красная клешня больно вцепилась Виталику в плечо, когда он споткнулся о резиновый коврик, пытаясь выскочить из их лачуги на улицу. Отчаянно взыв и дёрнувшись изо всех сил, он инстинктивно протянул беспомощную руку к проржавевшей дверной ручке, но резкий рывок с силой отшвырнул его в угол грязных сеней. Словно футбольный мяч в ворота, его маленькое тельце влетело в пустое жестяное ведро, которое с грохотом покатило след за свалившейся у стены шваброй. Подняв залитые слезами глаза, Виталик увидел прямо над собой разъярённую пунцовую физиономию чудовища, которое по ошибке природы было его отцом. Но ещё раньше, чем слезы позволили что-либо разглядеть, он почувствовал запах. Невыносимый, тошнотворный запах его дыхания. От папаши, как обычно, нестерпимо несло перегаром. Он до сих пор пошатывался после вчерашней пьянки, его грубые красные руки мелко тряслись, и поэтому ему не сразу удалось поймать своего младшего сына, так что тот до последнего надеялся спастись.

— Ну что, попался, щенок?.. — Голос отца зловеще-радостно задрожал от предвкушения расправы. — Ну, давай. Снимай штаны и на колени, ублюдок.

Виталик, утирая слезы, весь задрожал в своём углу, но не сдвинулся с места, тщетно пытаясь скрыть сжимавший его сердце ужас.

— Снимай штаны и на колени, я сказал!!!

Мозолистая лапища опять грубо дёрнула мальчика за плечо и швырнула на четвереньки. Виталик почувствовал, как его голову, словно в тисках, крепко зажали отцовские колени. В нос ударил не свежий запах его потёртых брюк, показалось, что кислород перестаёт

поступать в лёгкие. В паническом приступе клаустрофобии тельце мальчика задёргалось, руки забили по полу и по отцовским ногам, но жестокие колени только крепче сжались, и Виталик перестал дёргаться. Он испугался, что, если батя надавит ещё сильнее, голова треснет, как арбуз.

— Вань, а, Вань! — раздался из комнаты не по возрасту старческий, булькающий голос матери. В тяжёлом похмелье, она с утра не поднималась с кровати, то и дело протирая мокрым полотенцем одутловатое, отяжелевшее лицо. Язык её заплетался. — Не лупи ты его... И так у него жопа уже вся в синяках. Подумаешь, тушёнка...

— Заткнись, сука! — Виталик слышал, как, выкрикивая это, отец начал расстёгивать ремень. — Лучше скажи, с кем ты мне этого огрызка нагуляла?! Вора вырастили... это ещё ладно! Не за то сядет, что украл, а за то, что попался! И кому — старухе дряхлой попался! Теперь по всей деревне разнесёт, что сын наш — вор, позору не оберёмся!

Не молить о пощаде. Не рыдать. Только не рыдать. Пацаны не плачут. Нельзя плакать, только хуже будет. Господи... Господи... Ну почему ты не слышишь? Почему тебя не существует, господи?..

Виталик почувствовал, как с его бёдер грубо срывают штаны, обнажая торчащие кверху ягодички. Неизвестно, что было хуже. То, что случится несколько секунд спустя, или вот эти унижительные мгновения, когда взрослый и сильный человек, скрутив его, как котёнка, стоит и сверху смотрит на его голую задницу.

Не плакать. Не плак...

Глухой детский вопль утонул в складках отцовских брюк. Короткий, мощный ожог, словно укус змеи, свёл все тело конвульсией. Потом ещё раз, и ещё, и ещё... Папаша пошёл дальше обычного и с размаху бил концом с металлической пряжкой. Боль снова и снова прожигала насквозь, так что сознание стало улетать, рваться прочь из ненавистного, вечно голодного и как будто не родного тела, которое каждый день заставляло своего маленького владельца страдать...

— Вань!.. — снова донёсся вялый женский голос из комнаты. — Ну, хорош уже, хорош. От воплей голова раскалывается.

— Ничего, зато поумнеет! Жопа в шрамах мужика из него сделает. Вон, разнылся весь, смотри, в рёв ударился... Горе-воришка... Первые два нормальные пацаны, а этот — девка сопливая! Нет, не моё это семя! Дурное семя!..

Уже почти сквозь обморок Виталик ощутил, как тиски на его ушах разжались и обмякшее тело мешком картошки свободно повалилось на истоптанный дощатый пол.

Он действительно был вором. Вором-рецидивистом, если так можно сказать о ребёнке восьми лет. Он крал булки с прилавка в местном сельпо, пока продавщица тётя Клава поворачивалась спиной, доставая товар с полок. Он воровал яблоки и сливу у соседки бабы Тони, когда под осень плодовые деревья в её саду ломились от урожая, а на их собственном заброшенном участке рос один бурьян. Бывало, он даже залезал в соседский курятник и воровал там яйца буквально из-под наседок — ещё тёплые, пахнущие сеном и куриным помётом. И часто ему удавалось остаться незамеченным, или же взрослые только делали вид, что ничего не замечали. Все знали, что это за семья и что все деньги уходят на водку, в то время как трое мальчишек бегают вечно голодные. Младшего Виталика жалели в особенности и сами иногда отдавали ему буханку хлеба или остатки обеда. Баба Тоня, как-то услышав хруст веток в своём саду, не стала ругаться, а позвала Виталика в дом и вручила целый пакет наливных яблочек. Но старшие братья их быстро отобрали, он только парочку съесть успел...

В этот же раз всё было гораздо хуже. Виталик забрался в чужой дом. Старшие братья, как и он, изнывавшие от пустого желудка, почти силой заставили его влезть в форточку на кухню к старухе, что жила на другой улице, и там в шкафчике он обнаружил целый стратегический запас отборной тушёнки. Он хватал банку за банкой и быстро выкидывал их в окно — одну, вторую, третью... Услышав хлопнувшую входную дверь, он кинулся обратно к окну и уже почти успел вылезти наружу, как старушенция, вбежав в кухню на шум и увидев его, подняла крик с матерщиной. Старуха была вредная, на следующее же утро выяснила, чей мальчишка форточничает, и пришла к родителям жаловаться. И именно тогда, когда оба были с попойки. Отец, как всегда в таком состоянии, злой был, как черт...

Виталик, всё так же в спущенных штанах, с рассечёнными голыми ягодицами, лежал на полу в сенях и мутящимися от слез глазами смотрел, как гуляет на петлях входная дверь, за которой тоскливо и протяжно, будто по мёртвому, рыдали деревенские вороны...

Парни не плачут... парни не плачут...

Линда выдохнула и быстро встряхнула львиной гривой, отгоняя далёкое воспоминание.

— Давай я тебе сырники сделаю? — наигранно-бодро обратилась она к Камиле. — Мне-то нельзя есть, я худею, а тебе надо, Мур. Ты уже на скелет похожа, а тебе нужна жировая прослойка для распределения. Для гешки нужны бедра, а у тебя низ вообще не растёт.

Линда, не дожидаясь ответа, засуетилась, захлопала дверцей холодильника.

— Ты же знаешь, я люблю готовить, — продолжала она, замешивая творог с мукой и яйцами. — С детства тяга была. Только дома за это по рукам били — как это, мужик и на кухне. Папаша мой сразу на крик: «Не позволю в семье пидораса растить!» — Линда расхохоталась. — Сейчас бы меня увидел, в гробу перевернулся. Хотя Кэт всё равно наезжает, что из меня хозяйка плохая и в холодильнике мышь повесилась. Плевать ей, что я на диете, ей жратву подавай в любое время.

— Ну, она ж из себя бучика строит, — усмехнулась Камиле. — Воину нужно мясо.

— Ага, а ещё чтобы с ней нянчились. Бросай, говорит, работу, она слишком много времени у тебя отнимает. Я отвечаю: не вопрос! Зарабатывай тогда вдвое больше, чтобы на двоих. Так нет, ни фиги! Не воин, а капризная принцесса... Жалуетса, что у неё, видите ли, детство было сложное. А у меня лёгкое было? С протянутой рукой под соседским забором кусок хлеба выпрашивать! До сих пор хлеб не выбрасываю никогда, хоть голубям скрошу, но не выброшу! И папаша с мамашей бухие каждый день... Удобно на детство ссылаться и ныть всё время! То хозяйка я плохая, то времени у меня на неё нет... Две недели, пока у меня Вовка гостил, достала меня истериками, что с ней ночи не провожу. Пришлось сына на кухне запирать, пока мы с ней в комнате... Зато как скандал, так она сразу в запале кричит, что я чмо, жену и детей бросила... Пипец! — Линда сняла очки и отёрла повлажневшие глаза.

— Ты их не бросила, это было ваше с Юлей общее решение. Она сама тебя отпустила.

— Да Кэт-то что в этом понимает? Дрянь! Так и знала, не надо ей было вообще ничего рассказывать. Я реву потом, домой звоню — а там уже не до меня. Как будто фильм со мной для них уже закончился, и только титры бегут по экрану. Титры, которые никто не читает, потому что никому это уже не нужно... Видишь, Мур, я опять начинаю реветь!.. — Линда сняла очки и всхлипнула. — Юля только и делает, что жалуетса. Денег нет, младший болеет, старший, Вовка,

стал неуправляемым — считает, это мать виновата, что отец уехал... Юля говорит, себе его забирай, он с тобой жить хочет. А куда мне с ним сейчас?..

— Ну, Вовке десять, у него пубертатный период, перебесится и всё поймёт. Он, кстати, вопросов никаких не задаёт?.. Ну... про тебя?

— Нет. Это маленький, когда мои фотки из Питера смотрит, Юльку спрашивает, почему папа одет как мама. А Вовка вроде видит всё, но молчит, и мы с ним не обсуждаем ничего. Только несколько раз, пока гостил, меня вместо папы мамой назвал. Я не стала поправлять...

Линда замолчала, Камила, ничего не говоря, подошла к окну, приоткрыла форточку и закурила. Тишину нарушало только скворчание пухлых сырников на сковородке да доносившийся снаружи приглушённый шум дороги.

— Совсем забыла, мне тут Василий звонил, тебя разыскивал, — нарушила молчание Камила, меняя тему разговора.

— Какой Василий?

— Ну как какой, ФТМ* наш. Ты же знаешь, он без тебя не может. В прошлый раз на встрече «Т-Движения» весь мозг мне вынес, что хочет быть только с тобой, но вынужден терпеть и меня, потому что ты меня везде за собой таскаешь.

— А, Василий... Почему он тебе-то звонил?

— Не знаю, говорит, ты трубку не берёшь.

— А, ну да, пропустила я от него несколько звонков, не до него было. И что ему надо?

— Я не очень поняла. Что-то плёл про юриста, про документы...

— Да, он тут взялся мне с получением гражданства помочь. Говорит, юрист у него по этому делу знакомый, и деньги обещает достать. Вот, кстати, — Линда улыбнулась и помахала перед лицом Камилы свежим маникюром. — Васенька наш мне оплатил.

— Да ты что, зачем? Есть же от музыкантов деньги, взяла бы на ногти. Марина тебе подарок сделать не может, а Василий может, значит? Зачем тебе у него одолжаться по такой мелочи?

— Ну а что, он же у нас мужик, вот пусть и будет мужиком, — отмахнулась Линда. — Раз надеется меня получить, пусть отработывает. А там посмотрим.

— Ты что, с ним готова..?

* От англ. «female-to-male» — биологическая женщина, которая меняет пол; трансгендерный мужчина.

— Ну а почему нет? Операцию внизу он ещё не делал. А если бы и да... Интим с мальчиком иногда доставляет удовольствие. Вот только в быту мальчики фу... Жить с мальчиком — фу... — Линда поморщилась. — Ходят вечно мятые, вещи раскидывают... Кстати, — она вскинула на Камилу озорной взгляд. — Ты мальчика не хочешь?

— Чего?.. — От неожиданности Камила поперхнулась сигаретным дымом и закашлялась.

— Я имею в виду, твоя малышка гешка. С красивой гешкой, конечно, ничто не сравнится. Мммм... — Линда на мгновение мечтательно прикрыла глаза. — Ну а мальчика как партнёра не хочешь попробовать?

Камила устремила взгляд в окно, не торопясь с ответом.

— Зачем вообще сейчас об этом думать? Сначала хочу выглядеть как женщина, это для меня самое главное.

— Да причём тут внешность? Я ведь про внутреннее ощущение спрашиваю!

— Для меня лицо самое главное. Мы уже говорили об этом. У меня к сексу отношение совершенно другое, чем у тебя. Я асексуал.

— Да-да, я помню, но всё же. Мне впервые интима с мальчиком захотелось как раз на твоём этапе. А ты ведь мой проект, я всё сверяю! — Линда игриво подняла вверх указательный палец. — Кстати, сырники уже остывают...

— Ах, Мур, — продолжала без остановки говорить Линда, пока Камила доедала свою порцию, — если бы ты знала, как тебе повезло! — Словно охваченная негой, Линда упала на стул, запрокинув локти за голову. — Ты в своей стране, при всех правах. Хоть завтра иди меняй паспорт на женский... Ни фиктивных тебе браков с истеричками, ни работы в эскорте... Ничего...

— Что толку от потенциальных возможностей, если скорее всего никогда ими не придётся воспользоваться? — мрачно ответила Камила, неохотно, из вежливости дожёвывая положенные ей на тарелку сырники. — Ты выглядишь как гешка — это самое главное. Остальное приложится.

— Ах, Мур, Мур моя... — Линда мечтательно улыбнулась. — Мне знак сегодня был, слышь? Ага, знак. Я в метро утром ехала, от Кэт возвращалась. И напротив женщина сидела. Я сразу поняла — онкология. Прочитала по ней, Мур. Это её последняя весна... И моя последняя весна в этом теле!..

— Ого, моя красота готова к операции?..

— Да... Да, я чувствую... Хочу начать сдавать все анализы. Наши с тобой последние анализы были очень хорошие, помнишь? И у тебя баланс гормонов идеальный, и у меня эстрадиола столько, что в пору рожать... Ах, Мур! — Линда вскочила и закружилась посреди маленькой кухни, вскинув руки к потолку. — Если бы ты знала, как мне хочется самой родить ребёнка!.. Может, медицина дойдёт до того, чтобы вживлять нам матку и яйцеклетку подсаживать...

— Да, я помню, ты уже говорила, — сдержанно кивнула Камила.

— Ах, Мур, только бы дожить! — Линда плюхнулась рядом с подругой на маленький кухонный диван и, ластясь, положила голову ей на плечо. — Врачи мне с моим сердцем предрекали недолгую жизнь... А тут ещё и почка шалить стала. Мне сказали, гормонотерапию надо на время прекратить. А как, если мне через несколько дней без гормонов уже совсем плохо?

— Ну, плохо потому, что у тебя правильно всё идёт, Мур, — Камила ласково гладила Линду по рыжим волосам. — Это я ничего не чувствую — что пью, что не пью... Но вот здоровье моей Мур нужно подправить.

— Мур, ты же понимаешь, на всё никаких денег не хватит. Сначала ОП,* а потом уж буду думать об остальном. И ещё ты, моя Мур. Надо тебя отвести к косметологу, чтобы он помог с феминизацией лица.

— Ну, обо мне надо думать в самую последнюю очередь, — с грустью усмехнулась Камила. — Для меня моя Мур на первом месте — всегда и во всем.

— Нет! — вяло возразила Линда. — Твой переход накрепко связан с моим. Так что у нас все общее. — Она покровительственно приобняла Камилу за плечо. — Завидую моей Мур — попасть в тему с таким отменным здоровьем... Мммм... Не то, что я. Приступы каждую ночь, сердце так и колотится, чувствую, вот-вот задохнусь... Думаю, это последствия зимы. Для трансов зима плохое время, все болезни обостряются...

— Видно, я транс не настоящий. Мне зима и лето одним цветом...

— Значит, у тебя сопротивляемость выше, Мур. Радоваться надо...

Подруги с кухни перешли в комнату. Взявшись за принесённые Камиллой набитые пакеты, они стали расставлять книги на свободных полках. Все они были о популярной музыке. Издания по истории оте-

* ОП — операция по смене пола.

чественной и зарубежной эстрады, биографии известных музыкантов, сборники статей и интервью... Линда расставляла свою библиотеку деловито, озабоченно, запоминая название каждой книги.

— Ты правда будешь всё это читать, Мур? — поинтересовалась Камила.

— Разумеется. Ты же знаешь, я люблю книги, Мур, — ответила Линда, открывая наугад одну из брошюр и вприщур глядя в текст случайно открытой страницы. — И мне надо входить в суть нашего с тобой рабочего процесса. Не хочу, чтобы музыканты на меня смотрели, как на бесполезное чмо, которое само ничего не знает и не умеет. Я уже несколько раз получала анонимные комментарии под роликами, что, видать, сосу у Сергея Волкова, раз он меня такую при себе держит. Хотя это ещё ничего, куда больнее, когда пишут, что я транс. Но таких проницательных, к счастью, немного. Я уже всех по никам* запомнила, всех их...

— Я как раз хотела поговорить с тобой, Мур... — Камила замялась, подбирая слова. — Я рада, что ты осваиваешься со съёмками и звукозаписью, теперь ты у нас главная скрипка... Но мне бы хотелось знать, каково теперь моё место... То есть, я имею в виду, какие у меня теперь обязанности и когда я тебе нужна, а когда нет.

— Ты же знаешь, моя Мур, ты мне всегда нужна. — Линда улыбнулась. — Но я хочу как можно больше освоить сама. Чтобы на меня косо не смотрели из-за того, что ты, а вернее Сергей Волков, всё делает сам, а я сижу рядом для мебели. Хочу научиться самостоятельно снимать, монтировать, записывать. Ты должна помогать мне в этом, Мур, учить меня тому, с чем я пока не справляюсь. Скажем, вопросы для интервью составлять, за техникой следить, когда я сама буду в кадре, монтировать сложные видео, делать аранжировки, когда заказывают. А там, где я могу работать одна, хочу быть одна.

— Я поняла тебя, Мур. — Глаза Камилы потупились и снова потемнели. — Я поняла тебя...

МАРИНА

Ожила река Мойка. Разрослась, напрягла остекленевшую спину. Лопнул ледяной панцирь. Жидкий свинец побежал по набухшим венам мёртвого города. В синеватой рассветной дымке на фоне камен-

* Никнейм (от англ. «nickname») — имя или псевдоним пользователя в Интернете.

ной пустыни бледнела хрупкая фигура в светлом плаще. Медленно, словно во сне, она брела вдоль безлюдной набережной, ёжась от свежести ветра и звука собственных шагов. Марина остановилась у парапета и замерла, всматриваясь в рябь тёмного пятна, в которое равнодушные глаза реки превратили её лицо. Бронза длинных волос свесилась вниз, пальцы судорожно сжали холод металлической резной решётки. Наблюдая за ней, хищная река билась в тахикардии, плотоядно облизывая жёлтой пузырящейся слюной узкие тиски гранита. Перекинуть ногу через невысокий бордюр, за ней вторую... Застыть на самом краю и вытянуться на прямых руках вперёд, чтобы в последний раз встретиться взглядом с собственным отражением...

Марина видела, как её тело под прозрачным слоем воды быстро уносит вниз по течению. Надувшиеся полы светлого плаща запарусились, взмыв к устремлённому в небо лицу, и спеленали её словно младенца, которому самое время уснуть. Могила — та же колыбель. Мы ниоткуда приходим и в никуда возвращаемся, оказываясь в акте рождения и смерти беспомощно, безысходно одинокими. Дитя взрывает криком жестоко вторгшееся в него существование, мертвецу покойно улыбается, возвратив миру дар, которого не просил.

Марина совсем не умела плавать. Оказавшись в ледяном потоке, она едва ли промучается дольше трех-пяти минут. Если вода окажется достаточно холодной, сердце остановится быстрее, чем наступит удушье, а тело, не имея сил сопротивляться, послушно уйдёт на дно...

Отряхнув пробравшую её дрожь, она отпрянула от кованой решётки парапета обратно на мостовую, спрятав замёрзшие руки подмышки, будто обнимая себя. Нет, она никогда этого не сделает, никогда. Она по-прежнему крепко держалась за жизнь и до умопомрачения боялась смерти. Даже не смерти как таковой, а самого момента умирания. Той секунды, когда разум, прежде чем навсегда погаснуть, вспыхивает отчаянной жадной бытия, наполняя сердце леденящим, животным ужасом. Не умереть, а остановить существование. Нет, это совсем не одно и то же, хоть последнее без первого и невозможно. Неисполнимое желание нажать на кнопку «стоп», чтобы перестать быть, избежав нечеловеческого усилия самоубийства...

Тогда, увозя в тряском вагоне поезда свалившуюся на неё страшную тайну, Марина убеждала себя, что ей незачем больше возвращаться в этот коварный северный город... Она вернулась через неделю. Неделю, проведённую в бреду одиноких московских комнат. Неделю,

в которую она так же бесцельно гуляла по набережной Москвы-реки, вглядываясь в разноцветный поток вечерних столичных огней, отражённых чернотой разлившихся речных проталин. Соединяясь окольными водными путями, реки словно сближали два разбросанных города, не давая Марине утратить связь с её похищенной душой, погребённой под глыбой трехсотлетнего каменного цветка.

— Если непустишь меня, я буду сидеть у тебя под дверью весь день, слышишь?

Марина чувствовала движение за дверным глазком, но замок всё не поворачивался. Наконец из-за двери раздалось негромкое:

— Зачем ты приехала?

— Поговорить.

— ...Подожди.

Она услышала удаляющиеся шаги и на несколько минут осталась стоять на лестнице одна. Наконец ключ повернулся, Сергей без улыбки, не здороваясь, впустил её. Взглянув на него, она сразу поняла, что он уходил переодеваться в мужское, хотя нравиться в этом обличье он явно не стремился. Первая попавшаяся мятая майка и поношенные тренировочные штаны заметно контрастировали с прозрачным френчем на ухоженных ногтях, мгновенно отсылавших Марину «на другую сторону Луны».

— Я не совсем понимаю, чего ты хочешь? — Сергей приоткрыл форточку, достал сигарету и закурил. — Если хотела поговорить, позвонила бы. Зачем опять ехала в такую даль?

— Ты прекрасно понимаешь, что это не телефонный разговор. Нам нужно решить, что делать дальше.

— Дальше делать с чем?..

— С нами. Я всё время думаю о тебе. Не могу выбросить тебя из головы.

— Не меня, а Сергея Волкова. Это, наверное, очень неприятно сознавать, но ты влюблена в выдуманный образ, пойми это наконец.

— Неправда! — Марина сделала протестующий жест рукой. — Нет никакого выдуманного образа. Я люблю тебя!

— А я кто?

— Серёжа, послушай...

— Ну вот, — невесело засмеялся он, — вот ты и ответила на мой вопрос. «Я люблю тебя, Серёжа»... М-да... — Он присел на стул, потом сразу вскочил и, дымя сигаретой в потолок, заходил из угла в угол.

— ...Послушай, — упорно продолжала Марина, — ты — это ты. В любом гендере, под любым именем ты всё равно останешься собой. Не род, не пол определяют человеческое естество. Наше «я» гораздо больше и глубже этого.

— Для тебя возможно, но не для меня. Для меня важнее нет ничего, и ничто не имеет значения, пока я не избавлюсь от своей мужской роли.

— А любовь?..

— Для меня любовь — это прежде всего принятие. Я принимаю тебя такой, какая ты есть. А ты меня — нет. Но в твоих руках обезоруживающий аргумент: твоё восприятие мира единственно нормально и правильно, а моё — извращённо. И сдвинуть эту скалу не в моей власти. — Сергей перестал ходить по комнате и присел напротив Марины, взяв её руку в свою. — Я тоже всё время о тебе думаю. Но понимаю, что если мы будем продолжать, то в какой-то момент неизбежно зайдём в тупик. Ведь мы хотим несовместимых, противоположных вещей. Я буду рваться в одну сторону, ты будешь тянуть меня в другую. Тебе нужен мужчина, а мне — чтобы ты поддержала мой переход и изменила своё восприятие. И то, и другое вряд ли возможно.

Марина ответила не сразу.

— Всю неделю я думала об этом. О том, что не всё в мире доступно моему пониманию. Но человеческое в нас выше пола. Должно быть выше. И если это так важно для тебя, я постараюсь не мешать тебе. Увижу, что тебе от твоего преобразования становится лучше, сделаю всё возможное, чтобы принять... Хотя радоваться тому, что ты делаешь с собой, мне очень трудно.

— А мне, думаешь, легко радоваться?.. — подавленно спросил Сергей. — Тому, что делаю тебя несчастной... Тому, что главное моё стремление — трагедия для тебя... Ведь ты очень дорога мне. А в твоём голосе такая обречённость... Но я не могу, понимаешь? Не могу взять и стать нормальным мужчиной ради тебя. Я даже не знаю, как заставить себя захотеть этого. Наверное, если бы знал, это был бы уже не я...

Две одинокие тени на выцветших обоях склонились друг к другу и замерли, прижавшись щекой к щеке.

— Хочешь, с сегодняшнего дня начну называть тебя Камиллой? — прошептала Марина тихо. — Буду обращаться в женском роде?..

— Нет. Ты ведь видишь во мне мужчину. Это будет насилие над собой и ложь, мне это не нужно. Может быть, настанет момент, когда

тебе самой захочется обратиться ко мне по-новому. Пусть всё происходит естественно...

Солнце взошло и солнце ушло, и ветры сделали полный круг. Небесный хула-хуп ускорился, огибая божественное светило: лето, осень, зима... и вот снова весна. И тонкая девичья фигура в светлом плаще движется в бледном зареве рассвета по спящей питерской набережной, заглядывает в мутную воду, будто ищет в ней ответ на свои вопросы.

«Хочешь, я буду называть тебя женским именем?..» В первый момент казалось, это так просто. На деле же сложнее этого не было ничего. «Серёжа...», «он...». Думая так о человеке, которого любила, Марина яростно оберегала то, что было ей необычайно дорого.словно через язык, через родовую принадлежность окончаний она оберегала призрак своего мужчины от исчезновения, не давала ему полностью затеряться в странном бесполом существе, которое на её глазах искусственно создавали убойные дозы эстрадиола и пролактина.

— Ну и зачем так долго было молчать? Что ты мне сейчас сказала такого, что я должна немедленно выбросить тебя со своей кухни в окно? — Лариса смотрела на подругу спокойно, участливо и не выразила особого удивления тому, что только что услышала. По Марине давно было видно, что в её жизни происходит что-то необычайное.

— Боялась, ты не поймёшь меня. Подумаешь, что я рехнулась.

— Да ну. — Лариса пожала плечами. — Ты влюбилась в мужчину, он оказался вот таким. Уж кто-кто, а ты точно в этом не виновата.

— Да, но ведь я остаюсь с ним. Таким...

Лариса философски приподняла брови.

— Когда любишь, уйти очень сложно. Что бы человек ни вытворял... Сколько женщин терпят банальное «пьёт, бьёт, изменяет» в надежде, что однажды всё изменится. Вот и у вас с ним всё та же классическая созависимость: он себя гробит, ты его спасаешь, и этим одним ваш союз и держится. — Она печально вздохнула. — Что ж с человечеством-то делается, боже ты мой... Где мужики-то нормальные? Я вон тоже сколько пыталась. Один, второй, третий... Никакой тебе гендерной дисфории, а всё равно — каждый из них имел такое же отношение к мужчине, как шпиц — к собаке...

Марина, хоть и была в расстроенных чувствах, невольно засмеялась.

— Ну а что, не так? Чувствую, рожу к тридцати пяти без мужа, чисто для себя, и пошли они все... — Лариса усмехнулась. — А то у нас с женщинами как?.. До сорока тебя воспринимают как кусок мяса, а после сорока пяти — добро пожаловать на свалку... Не хочу играть по этим правилам.

Марина понимающе вздохнула:

— Ну, видишь, кому-то женская роль кажется манной небесной... Ты вот, например, часто задумываешься, что ты — женщина?

— Ага. — Лариса саркастически фыркнула. — Когда на работе ёжик квакнул, а прокладку дома забыла. Жаль, что трансам твоим нельзя хоть на время месячные подключить. Может, поумнели бы...

— Вряд ли, — Марина грустно улыбнулась.

Лариса помолчала в задумчивости, потом спросила:

— Ты-то сама как думаешь, за что ты любишь своё чудо в перьях?

Марина пожала плечами.

— Не знаю...Если любят за что-то, разве это любовь? Красивых, здоровых, сильных, уверенных в себе любить несложно. Но только в горе любовь проверяется по-настоящему... Он отвергает сам себя, он совсем один... Мне кажется, я нужна ему. Хоть он и старается этого не показывать. Я прощаю ему всё, зная, что он погибнет без меня...

Марина буквально поселилась в этих поездах. Ночных плацкартах и купе, где она чувствовала себя неприкаемым членом огромной случайной семьи из незнакомцев, которые вместе с ней мчались из одной столицы в другую и обратно.

Несколько суток, неделя или десять дней — дольше Марине с Сергеем не удавалось ужитья под одной крышей, и они оба зависли в тягостном состоянии неопределённости, когда вместе быть мучительно, а врозь — невыносимо.

Всегда и везде их было трое. Она, Сергей и Камила. Треугольник этот был, конечно, условен. Отделить Сергея от его внутренней сущности было практически невозможно. Лишь изредка, увлечённый новой мимолётной идеей, Сергей мог ненадолго стать таким, каким Марина мечтала его видеть всегда: вдумчивым, незаурядно мыслящим, способным к жёсткой, но остроумной критике, а иногда, наоборот, очень мягким, доверчивым, очаровательно наивным. Но эти передышки, свободные от навязчивого присутствия Камилы, были короткими и становились всё реже. В остальное время у них была только одна тема. Идея фикс, ломавшая сознание как тяжёлый наркотик. «Пере-

ход». Это жуткое слово, нависавшее над Мариной дамочковым мечом, занимало всё их жизненное пространство, вытесняя собой любые интересы, чувства, устремления...

Каждая новая встреча неизменно повторяла предыдущую. Стараясь угодить Марине, Сергей в начале каждого её приезда держался и выглядел по-мужски, хотя она об этом не просила, потом не выдерживал и начинал срываться, обвиняя её в неприятии Камилы и нежелании ему помочь.

Желая пойти навстречу Сергею и облегчить неотступно терзавшее его страдание, Марина приучала себя к мысли о смирении, и сама стала инициировать выходы Камилы в свет. Но такие прогулки, походы в театр, на выставку или по магазинам обычно не приносили удовлетворения и вели только к новым ссорам. Как бы Марина ни старалась, она всё время делала всё не так. Ни один её взгляд или жест, ни единое слово не ускользали от всевидящего ока Камилы, которая неизменно чувствовала её истинное отношение к себе.

— Давай я подержу твою сумку.

— Да не надо, спасибо, я уже оделась...

— Ну да, конечно. Недопустимо же, чтобы мужик подержал дамскую сумку. Всегда ты видишь во мне мужика, какой маскарад ни устраивай... Зачем только ты опять меня заставила согласиться на это...

Этот диалог с Камилой в театре был каплей в море бесконечных упрёков, сыпавшихся на Марину градом мелких, болезненных уколов, взращивавших в ней непрестанное чувство вины.

«Всё, что мне нужно, чтобы ты воспринимала меня как женщину...»

Воспринимать мужчину как женщину. Только и всего. Сойти с ума и изменить восприятие реальности. Увидеть чёрное белым. Поверить, что это не наваждение, не болезнь, не навязчивая идея, а истинная необходимость и благо для любимого человека. Научиться радоваться тому, что отнимает у тебя собственную надежду на счастье.

— Знаешь, Лар, я была бы готова смириться. Я бы отказалась от последних иллюзий и пожертвовала своими желаниями ради него. Но я не вижу, чтобы от этого «перехода» ему становилось лучше. Никаких улучшений в его психическом состоянии не происходит. Ладно бы он только переодевался. Пусть бы везде ходил в этих женских тряпках, к этому можно привыкнуть. В конце концов, одежда — это лишь соци-

альная условность. Но он гормонами убивает в себе мужчину, калечит себя, разрушает своё здоровье, а его депрессия становится только глубже. Он как наркоман, сидящий на героине, думает только о своём припадке, которое, между короткими вспышками эйфории, даёт лишь длительные и глубокие провалы, лишает всякой воли к жизни. И знаешь, что хуже всего...

— Знаешь, что я делала всю эту неделю без тебя?.. — Две тени на старых пожелтевших обоях всё так же склоняли головы на плечи друг другу, Марина продолжала говорить Сергею на ухо шёпотом. — Я слушала твои альбомы. И вот что скажу тебе... Они замечательные.

Сергей засмеялся и мягко отстранил её, чтобы увидеть её лицо.

— Смешная ты, малышка. И судишь необъективно.

— Нет. Уж в музыке я разбираюсь. Ты ведь сам писал эти песни? У тебя явный талант. И исполняешь ты их хорошо. Голос не обработан и недостаточно развит, но ты поешь с большим чувством, а это главное.

Сергей помолчал, с грустью улыбаясь.

— Приятно слышать, что тебе понравилось. Но для меня это уже перевёрнутая страница.

— Но почему?..

— Ну, начнём с того, что это оказалось никому не нужно.

— В первую очередь важно, что нужно тебе. А ты ведь любишь музыку. По-настоящему.

— Любил по-настоящему, да. Возможно, отчасти люблю её до сих пор. Но заниматься ею в мужском обличье больше не хочу. А после перехода вернуться к ней будет невозможно. Музыкальный мир маленький, все друг друга знают. А я не из тех, кто готов перед всеми сделать каминг-аут.* Сергей Волков должен полностью исчезнуть, а Камила... Понятия не имею, что в новой женской роли я буду делать. Умом понимаю, что надо уезжать в другой город, рвать все прежние связи, начинать жизнь с чистого листа. Но мне трудно представить, чтобы я оказался на такое способен. Так что пока я стараюсь не думать о будущем. Феминизация лица — вот всё, что меня на данный момент интересует. Это — самое главное...

* Каминг-аут (от англ. «*coming out*» — «раскрытие, выход») — обнародование своей принадлежности к сексуальному или гендерному меньшинству.

— Знаешь, Лар, что хуже всего? Ведь он не просто разбирается в музыке как критик, но он сам талантливый музыкант! Это такая редкость. А он разменивается непонятно на что... Становясь при этом только несчастнее...

Лариса понимающе кивнула.

— Трудно понять, что у таких людей в голове. Он ведь как-то справлялся раньше со своими девиациями, а тут вдруг в кризис среднего возраста заболел навязчивой идеей. Возможно, он вытесняет ею что-то другое. Возвращает новую субличность на обломках неудавшейся жизни. Только ведь от себя не уйдёшь, и старые комплексы никуда не деваются ни в каком гендере.

Марина кивнула.

— Да, наверное, ты права. Я тоже думала об этом. В нем какое-то патологическое неприятие себя. Уверенность, что он хуже других всегда и во всем. Он даже в музыкальный талант свой не верит. Думает, я намеренно льщу ему, чтобы отговорить от перехода. Но в то же время он полностью зациклен на себе. Я чувствую себя зеркалом рядом с ним. Зеркалом, которое он то и дело хочет разбить, потому что оно даёт не то отражение, которое он хочет видеть.

— Ну а что, ты должна ему врать? — Лариса осуждающе покачала головой. — Что это за близость такая, если нельзя говорить правду? — Она вздохнула и через минуту продолжила: — Знаешь, что мне не нравится больше всего? Ты только и говоришь о том, что для него лучше, что хуже, как можно с ним себя вести, а как нельзя. Но вот тебя саму я совершенно не вижу в этой истории. Уж прости. Похоже, он изрядно манипулирует тобой. И если ты чувствуешь себя зеркалом при нем, да ещё вдобавок всё время испытываешь чувство вины, то он самый настоящий абьюзер под удобной маской жертвы. — Ноздри Ларисы воинственно раздулись, она, сцепив руки на груди, сурово глядела на подругу из-под сведённых густых бровей.

Марина слушала, сгорбившись над столом, и под взглядом подруги словно становилась меньше ростом.

— Ты вот всё мотаешься к нему, — продолжала между тем Лариса, — а он сам хоть раз к тебе приехал?..

— Ну... Я приглашала его как-нибудь приехать в Москву. Но он объясняет, что с его болезнью даже выход из дома уже стресс, не то, что поездка в другой город...

— Всё-то ему тяжело. Как это удобно!

— Я понимаю, ты осуждаешь меня...

— Я не тебя, я его осуждаю!

Марина покачала головой.

— Не надо. Он ведь не виноват. Его заикленность на себе — это не эгоизм, это невроз. Я всё надеюсь, может быть, в какой-то момент он удостоверится, что его «переход» — тупиковая идея... Достигнет дна, оттолкнётся и начнёт выплывать обратно в нормальную жизнь...

Лариса недоверчиво поморщилась.

— А я надеюсь, — повторила Марина. — Не могу не надеяться. Мне так бесконечно жаль его...

— Жалость — скверное чувство, — прицокнула языком Лариса. — Э-эх, Шулепова-Шулепова... нет, ты не Шулепова, ты Ушлёпова. Уж вляпалась так вляпалась! Нужно-то оно тебе было... Ты ведь при желании в один день можешь охмурить любого мужика. А вместо этого сидишь и девствуешь возле евнуха, который добровольно себя кастрировал химическим способом, и надеешься спасти его от самого себя...

— Я люблю его, — подавленно возразила Марина. — Остальное не имеет значения...

— Ладно, романтичная ты моя, — усмехнулась Лариса, — я же не осуждаю. Но упаси тебя боже окончательно посадить его себе на голову. Слышишь, Марин? Я серьёзно. Не гробь себе жизнь.

Апрельская северная столица постепенно просыпалась. По очнувшимся улицам заторопились пешеходы, машины шуршали шинами по дорогам, маринуясь в утренних пробках. Солнце, выгнав с неба блеклый полумесяц, разрежало тучи жёсткими белыми лучами.

Уйдя с набережной, Марина слонялась по городу одна, как сомнамбула, не замечая, как переходит улицы и куда поворачивает. В своём бессмысленном кружении она подняла задумчивый взгляд и замерла. Величавой колоннадой перед ней растянулся фасад Казанского собора, будто обнимая немногочисленную площадь исполинскими каменными крылами. Быстро, почти бегом Марина взлетела по ступеням галереи. Рука безо всякой надежды подёрнула медную ручку двери. К её удивлению, тяжёлая створка с ворчанием поддалась. Было так странно, что храм в столь ранний час не заперт. Марина в нерешительности остановилась на пороге, не зная, стоит ли заходить внутрь.

Пожилая смотрительница в чёрном платке встретила её молчаливым кивком, приложив палец к губам: после всеобщего бдения готовились к ранней литургии. С непокрытой головой, крадучись, словно преступница, Марина заскользила по мозаичному полу меж гранит-

ных колонн, ощущая себя муравьём в царстве камня, золота и ладана. Византийские очи Казанской Божьей Матери полыхнули под светом свечей, обжигая лицо Марины сквозь молчаливый сумрак огромного зала. Уже не в первый раз она, неверующая, вот так же тихо, по-воровски прокрадывалась под сень старинных церквей, заглядывая в грустные лики потемневших от времени икон.

«Любовь долго терпит... любовь не превозносится... не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине...»

В чем эта истина? Где она? Возможно ли, что она ошибается?.. Что всё, что ей нужно сделать, это только смириться и отступить?..

Она смотрела в раскосые глаза немых рукотворных святых, бросая им вызов и одновременно взывая о помощи.

«...всё покрывает, всему верит, всего надеется...»

Излечись Сергей от своего странного недуга, она, неверующая, хоть сейчас бы взяла его за руку и вот так, под пристальным взглядом тёмных византийских глаз дала клятву вечной любви и верности. Да, в первый раз она не справилась, развалила брак. Она виновата. Но теперь она непременно справилась бы. Она чувствовала это, да, чувствовала.

Но... на что она могла надеяться?.. На кого?..

Великомученик Пантелеймон Целитель, поднимающий людей из мёртвых...

Святитель Николай, именуемый Чудотворцем...

Многоликие образы сострадательной Пречистой Девы, денно и ночью молящей Спасителя о нас...

Расписанные кистью доски с поблекшей позолотой, освящённые ореолом несломимой человеческой жажды чуда, а над ними — слепое око высоченного купола, преграждающего выход в безучастное, пустое небо.

«Любовь никогда не перестаёт...».

— Где ты была?

Старавшаяся бесшумно прокрасться обратно в комнату, Марина вздрогнула от резкого тона, которым был задан вопрос.

— Ты уже не спишь? Проснулась ещё до рассвета. Вдруг стало душно, вышла подышать.

— Ты телефон не взяла. Что это за фокусы опять? Просыпаюсь, тебя нет, ты специально заставляешь меня волноваться?

Марина пристыженно забралась в угол разложенного дивана и ничего не ответила.

— Тут новость печальная пришла, — сказал Сергей спустя некоторое время. — Алина Болотова погибла.

— Алина? Кто это?

— Одна из наших. Активистка «Т-Движения». Сегодня на рассвете. Выбросилась в окно.

Сергей протянул Марине телефон и показал черно-белую фотографию. Юное лицо, прикрытое длинными чёрными волосами, прижалось к согнутым голым коленям и казалось вполне девичьим. Только сложенные на коленях руки были очевидно мужскими.

— Такая молодая?

— Да, девятнадцать лет.

— Вроде бы и на девушку похожа...

— Я видел её всего пару раз. Исходные данные хорошие.

— Так что же не жилось спокойно?

— Вопрос «что спокойно не жилось» в отношении трансов неуместен. Жилось бы спокойно, на переход никто бы не шёл.

Марина с досадой покачала головой.

— По-моему, поступать так сущий эгоизм. Можно хотя бы подумать о близких. Бедные родители...

— Родителям наверняка была нужна не она, а «он».

— Какая чушь! — вспыхнула Марина. — Своего ребёнка любишь не за то, какого он пола!

Порывшись в телефоне, Сергей снова показал Марине экран:

«...Не знаю, что могу сказать, кроме того... что я транс-женщина... Осознание приходит не сразу... оно растянуто во времени... В какой-то момент начала говорить о себе в женском роде... Долго думала, что это такая маленькая особенность и всё... ни с чем не связанная...»

Бледное юное существо с тёмными кругами под глазами раскачивалось на видео из стороны в сторону, затравленно глядя в камеру из-под ливня длинных чёрных прядей, ниспадавших на угловатые плечи...

— Бедный мальчик... — вырвалось у Марины. — Нет... нет, он не похож на женщину.

— Ну вот, видишь, — Сергей резко забрал у неё телефон и, отвернувшись, проговорил со злостью, не глядя на неё: — Сразу же «он». Поэтому они и выходят в окно.

«Невозможно рассматривать самоубийство транс-девушки вне контекста, в котором она жила, — говорилось в маленькой заметке в соц-сетях. — Принятие друзей и поддержка родителей ещё не гарант того, что человек захочет дальше жить. Алина говорила, что боится выходить из дома, потому что на улице и в метро она не раз сталкивалась с угрозами от посторонних, когда те не могли определить, какого она пола. Непонятно только, какое им было до этого дело... Мы уверены, что Алину убила глобальная несправедливость социального устройства. Этого не должно случаться с людьми, но повторяется снова и снова. От трагического конца не застрахован ни один из нас. Мы будем добиваться, чтобы на её могиле стоял памятник с её настоящим именем. Тем, которым она сама себя называла, — Алина Болотова».

ЛИНДА

Она появилась неожиданно. Без предупреждения и каких-либо объяснений. Отныне она только так и будет появляться — когда и где ей удобно, нисколько не заботясь о том, кстати ли её появление для других.

Ничего не подозревавшая Марина заприметила львиную гриву Линды ещё издали, спускаясь по паучьей лапке эскалатора в «Галерее» на Лиговском. Естественный уличный свет, заливая сквозь остеклённую крышу просторный белый вестибюль торгового центра, выхватил огненно-рыжую копну как запретительный сигнал семафора, уведомляющий, что на тебя на всех парах несётся бронепоезд.

Линда поджидала их, заняв очередь за кофе на первом этаже, и приветственно подняла руку, привлекая к себе внимание. В прозрачных стёклах хищных очков перевернулись ломаные линии четырехъярусного молла, изнутри напоминавшего диковинное разлапистое насекомое.

— Ну, что тут есть интересного? — вместо приветствия бросила она, с любопытством озираясь по сторонам, и, не дождавшись ответа от Марины, которая, казалось, в её присутствии немедленно превратилась в камень, тут же заговорила о делах.

Теперь и при Марине Линда обращалась к Сергею исключительно в женском роде, называя его «Мур». Впрочем, кем он сам себя чувствовал в тот или иной момент на людях и кого видели в нем окружающие, Марине от месяца к месяцу понимать становилось всё труднее. Его волосы быстро отрастали и уже достигали плеч, и он покрасил их, полностью избавившись от седины, так что парик для создания женского

образа был ему больше не нужен. От яркой косметики и подчеркнута женских вещей, производивших на Марину в начале их отношений тяжёлое, травматическое впечатление, Камила, или Сергей в её образе (как его всегда и воспринимала Марина), перешёл к большей естественности и нейтральной одежде. И хотя вещи он покупал исключительно в женском отделе, повторяя, что его тошнит от всего мужского, простые джинсы со свитером, которые были на нем в момент неожиданного налёта Линды на «Галерею», вполне могли проходить под знаком «уни-секс». Марина воспринимала эти перемены как хороший знак и думала, что это даёт надежду на его скорое излечение от непонятной ей, пугающей аномалии. Оттого женский род и кокетливое «Мур» из уст Линды казалось ей чем-то нарочито искусственным. Деланным, как и сама Линда, как и всё в ней, будто эти пухлые, покрытые кроваво-красной помадой губы были созданы лишь для того, чтобы извергать ложь.

Слушая со стороны их странный разговор, Марина словно отстранилась, стараясь взглянуть в этих двух загадочных людей глазами незнакомки. Нет, сколько она ни старалась, в своём Сергее она по-прежнему не видела ничего женского. Невысокий, subtilный мужчина средних лет, разве что излишне моложавый для своего возраста.

А вот Линда... Линда вызывала совсем иные чувства. Чувства, которым тогда, стоя в «Галерее», Марина ещё не могла подобрать название. Чувства, которые она окончательно распознает чуть позже — после того, как Сергей во время очередной ссоры бросит ей:

— Вас, цисгендеров, от нас триггерит!

Что такое цисгендер, Марина, постепенно познававшая этот новый, неведомый ей прежде язык, к тому времени уже знала. Так трансыв называли людей, которые не испытывают дискомфорта от своего биологического пола. Иными словами, обычные люди — это и есть цисгендеры. А вот непонятное, режущее, как бритва, слово «триггер» Марине тогда ещё не было знакомо. Но долгое, мучительное присутствие Линды, после «Галереи» повторявшееся ещё не раз, заставило Марину познать весь его глубинный смысл.

Её триггерило. Да ещё как... Каких-нибудь четверть часа рядом с Линдой — и ей хотелось схватить за волосы это неприятное, фальшивое существо, встряхнуть как следует, оттащить к раковине и смыть, соскоблить эту искусственную личину, воплощавшую собой всё то, против чего Марина уже несколько месяцев вела тихую партизанскую войну в надежде отстоять их с Сергеем призрачное будущее.

«Что же ты такое?.. — думала Марина, вглядываясь в еле уловимые маскулинные черты, которые то бесследно исчезали, то вновь предательски проступали в наглом, самоуверенном лице Линды под ярким солнечным светом, лившемся сквозь прозрачную крышу универмага. — Кто ты на самом деле? Чего ты хочешь от нас?.. Почему не оставишь нас в покое?..»

Внезапный инцидент ошарашил Марину, заставив выйти из состояния задумчивого созерцания.

— Да что, этот пидорас уснул там, за прилавком своим? — внезапно громко спросила Линда, недобро глянув в сторону юного паренька, принимавшего заказы у кассы кофейни.

Мальчик, похоже, был новенький и обслуживал медленно.

— Какой вы будете кофе? — вкрадчиво спрашивал он, несколько манерничая, и его тонкие руки, двигавшиеся слишком грациозно и плавно для того, чтобы быть быстрыми, красивым росчерком подписывали на бумажных стаканчиках имена посетителей.

— Спасибо за заказ. Подскажите, как вас зовут?

— Линда меня зовут. Молодой человек, вы можете как-то побыстрее шевелиться? — Она скривилась в неприятной ухмылке и, переводя выразивший презрение взгляд с паренька за стойкой на своих спутников, повторила, не считая нужным говорить тише: — Вы только посмотрите на него, ну сразу же видно, что пидорас...

Опустив глаза, парень продолжал рабочую суету и делал вид, что ничего не слышит.

— Я лучше за столиком вас подожду. Мне расхотелось пить кофе, — бросила сквозь зубы Марина и быстро отошла.

— Как она смеет так обращаться с людьми?! — клокотала Марина от гнева, когда они с Сергеем снова остались вдвоём и уже возвращались домой. — Оскорблять человека буквально в лицо?! Человека, который ничего плохого тебе не сделал и, находясь на работе, даже не может ответить?!

Сергей пожал плечами:

— Ну... не любит она геев.

— Не любит геев?! Извини... в её-то положении?! Трансгендер, обзывающий другого пидорасом, — восхитительное зрелище! А подруга твоя не боится, что как аукнется, так и откликнется?..

— Она исходит из того, что никто не видит, кто она.

— Да что ты?.. А может, просто не считают нужным на неё бросаться, как она на этого бедного мальчика? Смешно рассчитывать на толерантность к себе, если сам элементарно не уважаешь других!

— Линде плевать на других, — со вздохом ответил Сергей. — Она занята собой. Кроме того, она не относится к ЛГБТ-активистам и не пытается, как они, переделать мир и сломить его негативное отношение к меньшинствам. Наоборот, она считает, что традиционные стереотипы на самом деле правильные, и она их разделяет. Поэтому не любит геев и считает, что женщины по природе глупее и беспомощнее мужчин. Просто она считает себя ошибкой природы и пытается эту ошибку исправить. И, похоже, у неё это получается.

«Самое удивительное, что ЛГБТ-сообщество — это сообщество, в котором дискриминация развита на самом высшем уровне. Никто никому не помогает, все друг к другу очень плохо относятся. Когда я, уже будучи успешной бизнес-леди, сделала каминг-аут и появилась на обложке модного журнала, чтобы показать всем: „Смотрите, я трансгендер, и всё о’кей, я не пью кровь христианских младенцев“, поздравивших меня трансгендеров, ради которых я и пошла на такой риск, было перечесать по пальцам одной руки! В среде ЛГБТ каждый думает только о себе, пребывая в уверенности, что изначально заслуживает снисходительного отношения окружающих только потому, что он вот такой, отличный от других. Среди моего круга друзей — тех, кто меня поддерживал, — нет ни трансгендеров, ни сексуальных меньшинств. Более того — они меня ненавидят! Наверное, за то, что мне повезло с внешностью, что у меня получилось, а у многих из них — нет. Мне часто кажется, что среди этих психов я единственный нормальный человек!» — эта тирада лилась на Марину с экрана монитора из уст транс-женщины, добившейся места помощника известной актрисы и звания светской львицы в тусовке шоу-бизнеса. Никогда прежде её не видевшая, Марина задержалась на этом интервью лишь потому, что с первых звуков её голоса уловила хриплые мужские нотки, заставившие насторожиться. А когда гостя передачи улыбнулась и повернула лицо в другом ракурсе, у Марины не осталось сомнений, кто перед ней, ещё задолго до того, как это стало ясно из беседы. Чтобы разглядеть бывшего мужчину, Марине потребовалось двадцать секунд. Над своей женской внешностью и манерой держаться транс-дива с экрана после операции по смене пола работала уже двадцать лет. Среди десяти тысяч комментариев под видеозаписью в Интернете одни бурно излива-

ли комплименты «удивительной, смелой, прекрасной женщине, которая в тысячу раз женственнее многих обычных женщин», в то время как другие писали: «Видно же, что мужик! Никогда мужику не стать женщиной!»; «Неприятное бесполое нечто...»; «Куда катится мир! Бог отвернулся от нас!»; «Несчастный человек, сам себя обманувший и так и не сумевший разобраться, кто он...».

За время интервью транс-дива плавно перешла от рассказов о своих успехах и превосходстве над другими представителями меньшинств к признаниям в том, что зарабатывала на операцию проституцией, и при этом несколько раз обмолвилась о себе в мужском роде.

После неожиданной встречи в «Галерее» Линда, прежде выражавшая категорическое нежелание встречаться с Мариной во время её визитов к Сергею, вдруг резко переменяла своё поведение и стала то и дело мазать ей глаза беспардонными визитами, предсказать которые было так же невозможно, как извержение вулкана. Она могла внезапно, без предупреждения завалиться к ним домой или нарушить их планы сиюминутным звонком с требованием встретиться там-то и там-то, а потом так же стремительно, без объяснений убежать по своим делам или просто даже, не прощаясь, отстать от них в транспорте или на улице.

— Она говорит, при тебе ей становится плохо, — неохотно пояснил Сергей, когда такое внезапное растворение в метро случилось в первый раз.

— Плохо? — раздражённо переспросила Марина. — И что же я ей сделала такого плохого?

— Да ничего ты не сделала. Просто ты — предел феминности, дальше стена. Понятно, что любой транс будет чувствовать себя плохо рядом с тобой.

— И ты?..

— Я все время и с кем угодно чувствую себя плохо. Мой случай настолько безнадежен, что пытаться конкурировать было бы просто смешно. Линда другое дело. Она привыкла быть звездой. И не готова мириться с тем, что кто-то рядом может её затмить. Круг общения она формирует, исходя из принципа своего превосходства.

Во время своих налётов Линда практически не обращалась к Марине, разговаривая только со «своей Мур», что в контексте обстоятельств было Марине скорее на руку: так легче было скрывать неприязнь, нараставшую в ней от встречи к встрече всё сильнее.

Уже на второй раз Линда явилась не одна. За ней пружинистой, косолапой походкой следовала её девушка Кэт (по паспорту — Екатерина). Угрюмая, коренастая девица с выбритым затылком и коротким белобрысым ёжиком на голове, она, казалось, делала всё, чтобы её от природы грубые, некрасивые черты казались ещё менее привлекательными. Висевшая на ней мешковатая одежда была подобрана кое-как. Излишнее внимание к короткой шее привлекала выбитая сзади татуировка в виде орлиных крыльев. Обкусанные ногти с заусенцами выдавали натуру неряшливую и излишне нервную. Она, как и её пассия, подчёркнуто игнорировала Марину и не стеснялась демонстрировать скуку от такой вынужденной компании. Казалось, это унылое создание вообще не понимало, какой может быть интерес встречаться с человеком, если он не трансгендер. Лишь на своего рыжеволосого кумира Кэт взирала с неприкрытым обожанием и, пока они сидели в кафе, ревниво следила за каждым движением вокруг, чтобы никто Линду мимоходом не увёл.

Как Марина поняла из разговоров, Кэт была человеком травмированным, спасавшимся от реальности в своём вымышленном мире, где она являла собой выдающуюся личность, которой просто не повезло родиться не в том веке и не в той роли. Куда больше, по её мнению, ей подошла бы эпоха средневековья, где она видела себя рыцарем под стать Айвенго, способным совершить немало ратных подвигов. Также она любила рассказывать, будто её прапрабабушка была императорских кровей. Если бы не революция и проклятые большевики, говорила Кэт, она сейчас не работала бы оператором колл-центра, а ходила в шелках и ела на золоте. На любые попытки усомниться или пошутить по поводу её высокого происхождения Кэт реагировала болезненно и сразу замыкалась в себе, резко обрывая разговор.

Глядя на эту необычную пару, Марина так и не могла понять, кого Кэт в действительности видит в своём обожаемом партнёре — женщину или всё-таки мужчину. В глубине души она полагала, что, в отличие от мужчин-гомосексуалистов, природные лесбиянки — явление очень редкое. Часто наблюдая молодые лесбийские пары, гуляющие за ручку по свободолобивому Питеру, она видела в этом скорее временное прибежище одиноких душ, которые ещё только находятся в поисках настоящего чувства...

— Дай-ка руку. Ну, дай! — озорно прищурившись, Ларка удерживала Марину в школьном туалете и почти что силой засунула её руку себе под кофту. — Чувствуешь, как быстро они стали набухать?..

Сгорая от смущения, Марина ощутила под вспотевшей ладонью мягкий, округлый бугорок с затвердевшей изюминкой соска.

— Чувствуешь?..

— Угу, — Марина кивнула, конфузливо пряча взгляд от смеющихся голубых глаз лучшей школьной подруги, и попробовала быстро выдернуть руку. Но цепкие подростковые пальцы по-прежнему удерживали её за запястье, заставляя делать ладонью плавные круговые движения от одного тёплого, мягкого бугорка к другому. Вконец растерявшаяся, Марина дёрнула руку уже со всей силы и, вырвавшись, с повлажневшими от смущения глазами выскочила из туалета под залиvistый, звонкий хохот озорной черноволосяй девочки...

В тринадцать Лариса учила Марину целоваться. В пятнадцать она научила её мастурбировать. Когда они голышом валялись в Ларкиной комнате на разворошённой кровати, у Марины и мысли не возникало ни о какой влюблённости. Ей просто нравилось касаться маленькой, аккуратной груди своей лучшей подруги. Любоваться её тонкой, по-мальчишески поджарой спиной с выступавшими острыми лопатками. Смотреть, как золотится нежный, еле заметный пушок на её гладкой оливковой коже. А когда в семнадцать Лариса завела себе первого парня и стала пропадать с ним круглыми сутками, Марина взахлёб рыдала в ванной несколько дней напролёт, не в состоянии решить, кого она больше ревнует — лучшую подругу, утратившую к ней всякий интерес, или её новоявленного парня, который Марине тоже нравился. Чтобы отвлечься от внезапно навалившегося на неё горя, она тогда с головой ушла в учёбу, готовясь к выпускным экзаменам. А после того, как в институте Марина встретила Лёшу, за которого вскоре вышла замуж, они с Ларисой снова стали дружить не разлей вода, никогда более не вспоминая о своих подростковых забавах и не испытывая ни тени неловкости друг перед другом.

Думая о Кэт, которая демонстративно играла роль буча и позиционировала себя как стопроцентную лесбиянку, но из всех женщин на земле выбрала отчего-то именно Линду, Марина философски рассуждала о том, что всё живое на земле инстинктивно, на подсознательном уровне тянется к норме. Она рисовала в воображении тот момент, когда Кэт со своей пассивностью остаётся наедине и в комнате гаснет свет. Когда все социальные роли остаются там, за порогом ночи, в мире дневной городской суеты. Когда падают одежды и обнажаются тела.

И остаётся только одно — высшее, что сотворила природа на сей земле: мужчина и женщина.

— Согласна с тобой, — скептически поджала губы Лариса, выслушав рассказ Марины о взаимоотношениях Кэт и Линды. — Если тебе нужна девушка, ты и находишь себе девушку. А тут, как ни крути, но всё-таки мужик. Хоть он и баба, конечно. Видимо, этой Кэт только и остаётся, что быть лесбиянкой с такой-то внешностью. Только какое тебе до неё дело?..

— Ну, в каком-то смысле я в том же положении, что и она, — пожалала плечами Марина. — Только Кэт выбрала для себя эти игры сознательно и играет в них, похоже, с удовольствием. А я узнала обо всем, когда уже была влюблена в Серёжу, и теперь ума не приложу, как отговорить его от этого чудовищного «перехода»... — Марина нервно сжала пальцы в кулак. — Кроме того, ты ведь единственная, с кем я могу поделиться подобными мыслями. Стоило мне однажды заикнуться, кого Кэт, по-моему, видит в Линде в действительности, как Сергей устроил мне страшный разнос. А ведь он сам как-то проговорился, что Кэт очень не хочет, чтобы Линде делали операцию по смене пола. Видимо, она готова принимать «переход» объекта своей страсти только до той черты, которая её устраивает... Но мне — нет, мне нельзя открывать рот и говорить, что думаю! За это меня тут же называют трансфобкой, которая сама видит в Линде мужика, проецируя свой взгляд на других. Такое ощущение, будто для Серёжи моё восприятие Линды даже важнее, чем его самого — вернее, Камилы, в которую он так жаждет поскорее превратиться. Линда у нас — это святое! Икона, на которую он молится в надежде стать таким же. Впрочем, он ошибается: хотя умом я понимаю, кто такая Линда, но думаю о ней преимущественно в женском роде... Мужчину я не смогла бы так ненавидеть...

Интуитивно Марина понимала, что во внезапном возвращении Линды нет и намёка на дружественный жест по отношению к ней. Хотя Линда никогда не выражала открытой агрессии, но все время как будто молчаливо хотела что-то доказать, устроить демонстрацию своего верховенства в этом психологическом треугольнике, где между ней и Мариной шла негласная ожесточённая борьба за живую душу, застрявшую между двумя мирами. Не имея возможности быстро расправиться с противником, Линда заняла выжидательную позицию, стараясь не выпускать Марину из виду, чтобы при первой

же возможности от неё избавиться. Ту же надежду со своей стороны питала и Марина, втайне надеясь, что в конце концов ей удастся вырвать Сергея из-под пагубного влияния этого вампирического существа, которое, как она считала, высасывало из него деньги, отбирало дело его жизни и в своих корыстных целях отравляло его мозг безумными идеями.

В течение года, что они с Сергеем встречались, Марина капля по капле выуживала у него сведения о Линде с целью утвердиться в собственной правоте.

— Линда и раньше не скрывала от жены, что в душе чувствует себя женщиной и тяготеет мужской ролью, вынуждавшей её всю жизнь строить из себя мачо, — рассказывал Сергей Марине в приступе откровенности. — Но в какой-то момент у каждого из нас наступает предел... Семья осталась дома, а она приехала в Питер и начала транзишн. А через год мы с ней уже познакомились, и я помог ей не сорваться на сложном этапе, когда она подумывала всё бросить и вернуться домой. Впрочем, она бы и без меня наверняка справилась. Она всегда находит нужных людей, которые её поддержат. Мне ещё её уговаривать пришлось, чтобы она снизошла принять от меня помощь...

— Ты хочешь сказать, — возмущённо перебила Марина, — что Линда вот так, в безденежье, бросила двух маленьких детей на руках у жены и укатила налаживать собственную жизнь?..

— Не совсем так. Они с Юлей совместно приняли это решение. По плану, Линда должна была отправиться в Питер и, если переход удастся, со временем забрать семью к себе на новое место.

— Но ты же понимаешь, что этого никогда не будет? Не для того отец семейства бросает всё и едет в другую страну менять пол, чтобы потом забирать к себе старую семью! Бедные дети...

— Ты предвзято к ней относишься, потому что она транс.

— Нет, я справедливо к ней отношусь, потому что она ведёт себя как скотина!

— Можно подумать, обычные отцы и матери не бросают свои семьи каждый день! Почему-то это никого не беспокоит. А для Линды отъезд был необходимостью, ведь в провинции, да ещё в сельской местности, ни о каком переходе не могло быть и речи. Да и как мы с тобой можем судить о чужих семейных отношениях?.. Это не наше дело.

— Ошибаешься. Когда речь о малолетних детях, это уже дело общественное. Взрослый человек, конечно, что угодно может вытворять со своей жизнью, но дети страдать не должны!

— Дети, между прочим, в Линде души не чают. Особенно старший. Думаю, он понимает, что с папой происходят серьёзные изменения. Но он ни о чем не спрашивает и хочет только одного — чтобы Линда забрала его к себе жить. Его как-то раз отпустили к ней в Питер на три недели. И когда мы сажали его на автобус, чтобы отправить домой, он дважды выскакивал из него и с плачем бежал обратно к нам... Так он хотел уезжать...

— Бедный мальчик... Только представь, что творится у него в душе! Какой удар ждёт его, когда он поймёт, что в новой жизни любимого папы ему больше нет места... Честнее и милосерднее было бы вообще исчезнуть из жизни бывшей семьи, раз личные интересы перевесили всё остальное. А то очень уж всё это напоминает историю про доброго хозяина, который рубил собаке хвост по кусочкам...

— А ты думаешь, Линда не страдает?.. Не переживает, что оставила семью?.. Доктор Лысаков измерял ей уровень стресса и сказал, что она на грани. Что это напряжение может рвануть в любой момент...

— Охотно верю, что она переживает. — Марина зло усмехнулась. — Только за кого? не за себя ли? Прикрываться болезнью, чтобы оправдывать любые свои поступки — как это удобно! Уехать она была вынуждена... Ну, допустим. А эти её беспорядочные половые связи? А Кэт, с которой она встречается... сколько? Год уже? Это всё тоже — жизненная необходимость?!

— Я не говорю, что Линда — образец морали. Но какой бы она ни была, жизнь транса всегда мучительна, понимаешь? На переход решаешься только тогда, когда уже нет сил больше терпеть! А наше ретроградное общество только и делает, что стигматизирует трансов, лишая их элементарных человеческих прав!

— А я и не сужу её за то, что она трансгендер, — ответила Марина, упрямо скрестив руки на груди. — Но проблемы Линды, о которых ты говоришь, не дают ей морального права использовать других людей и рушить чужие жизни. А именно это она и делает. Так что повторяю: Линда — плохой человек!

В своём мнении Марина была непреклонна. Откуда в Линде такой талант — окружать себя исключительно теми людьми, которыми ей без труда удавалось манипулировать, внушая им нездоровую привязанность к себе? Обретя практически безграничную власть над Сергеем, она полностью прибрала к рукам звукозаписывающую студию и музыкальный видеоблог, забирая львиную долю и без того скромного дохода. Теперь именно она решала, с какими музыкантами работать

и чьё творчество освещать, хотя в музыке не смыслила ровным счётом ничего, ориентируясь только на тех, кто платит больше. Теперь только её лицо регулярно появлялось в кадре рядом с приглашёнными гостями. «Своей Мур» Линда отныне предоставляла заниматься лишь той частью работы, на которую сама была не способна: делать под заказ музыкальные аранжировки, готовить за кадром сценарии для интервью, монтировать видео... Авторские программы Сергея Волкова о настоящей музыке канули в небытие, и видеоблог из оригинального, осмысленного творческого проекта на глазах отчаивавшейся Марины превращался в помойное ведро.

— Знаешь, чем он теперь вынужден подрабатывать? — сетовала Марина подруге. — Он устроился разносчиком рекламы! Видите ли, расклеивать рекламные объявления можно и под видом женщины, а чтобы встречаться с артистами и вести свою передачу, нужно быть мужчиной. Но ведь это дело его жизни! Дело, которое теперь полностью подмяла под себя эта ненасытная тварь!

— Ну, он сам виноват, — пожала плечами Лариса. — Он же добровольно отдал всё этому... этой... как её?..

— Линде...

— Да-да, Линде. Ну и имена они себе выбирают! — засмеялась Лариса. — Как у дешёвых шлюх... У них там Ванессы нет часом? Ты предложи!

— Он всегда и во всем становится на сторону Линды, — не слушая, продолжала Марина. — Молится на неё, как на идола! Она всегда права, я всегда неправа.

— Ну да, ты портишь ему жизнь и поэтому он вцепился в тебя обеими руками и не намерен никуда отпускать, несмотря на те чудовищные мучения, которые ты, изверг такой, ему причиняешь, — иронично заметила Лариса. — Вроде не маленький уже, за ногу к тебе его никто не привязал. Значит, ему нужны такие два противовеса в жизни. Ты не задумывалась над этим?

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась Марина.

— Ты знаешь, что в психологии означает треугольник Карпмана? Это треугольник созависимостей: агрессор — жертва — спасатель. Ну, совсем как вы втроём: ты — агрессор, Линда — спасатель, ну а жертва — сама понимаешь, кто. Так вот, как ты думаешь, кто распределяет роли в этом треугольнике и задаёт правила игры? — Голубые глаза Ларисы прищурились, пристально глядя на подругу. Марина молчала. — Жертва! — подсказала Лариса. — Всегда именно жертва назначает себе спа-

сателя, на которого можно свалить решение всех проблем, и агрессора, которого можно обвинить во всех неудачах.

— Но ведь я искренне хочу только одного — помочь ему! — запротестовала Марина.

— В том-то и дело, дорогая моя, что тебя, боюсь, никто не спрашивает, чего ты хочешь. Разумеется, тебе в твоём стремлении любой ценой «причинить любимому добро» и сделать его нормальным куда органичнее пришлась бы роль спасателя, которым ты — признайся честно — в глубине души себя и считаешь. А эта Линда по складу — типичный агрессор, компенсирующий собственные комплексы за счёт других. Но повторюсь: роли назначает жертва. Она даже может, если захочет, переставлять роли агрессора и спасателя местами, когда того потребуют обстоятельства. Но правда в том, что на самом деле жертва не хочет менять своего пассивного положения и не позволит разрушить уютное гнёздышко своих страданий. Вот так-то, Шулепова...

В течение целого дня телефон Марины не подавал признаков жизни. Не находя себе места от беспокойства в своей московской квартире, она уже с полудня была полна нехороших предчувствий после того, как несколько её сообщений, которые она неизменно писала Сергею каждый день в периоды их разлуки, остались без ответа. Наконец уже поздним вечером раздался звонок:

— У нас тут чрезвычайное происшествие, — зазвучал голос Сергея, — прошлой ночью Кэт себе вены порезала.

— Что?.. Как это — вены порезала?!

— Бритвой. В ванну залезла и порезала.

Марина замерла в ужасе с телефоном в руке.

— Да жива она, жива! Глубоко резанула и от страха сама же скорую вызвала. Потом Линде сразу позвонила.

— Да что случилось-то? Почему?..

— Линда от неё ушла. К Василию, ФТМу* нашему знакомому. В общем, это давно уже назревало. Вася к ней подкатывал, за квартиру обещал платить, а главное, с гражданством помочь. А Кэт в очередной раз скандал ей закатила, две недели не разговаривала. Линде это надоело, и она её бросила. Кэт, конечно, начала тут же по телефону реветь, что вскрыется. Но она и раньше этим Линду шантажировала, так что та решила, что она просто гонит. А Кэт возьми и полосни себя. Кровищи

* ФТМ (от англ. *female-to-male*) — трансгендерный мужчина.

было!.. Теперь вот целый день в больнице проторчали, Линда там уже искрутилась вся, чтобы уговорить врачей Кэт на учёт в психдиспансер не ставить. Но говорит, теперь точно к ней не вернётся, раз эта дура на принцип такой пошла.

— Ужас какой... И что, правда не вернётся?..

— Да кто их знает! — раздражённо ответил голос в динамике. — Не всё, что говорит Линда, стоит принимать за чистую монету. В общем-то, с Кэт они хорошо друг другу подходят. Но это их дела, пусть сами разбираются...

КАМИЛА

— Мур, ты должна непременно расспросить свою малышку, что она думает о моем образе в эфирах нашего видеоблога, — быстро и напористо тараторила Линда, когда они с Камиллой прогуливались по Невскому по случаю жаркого летнего дня. — Выпытай аккуратно всё до деталей. Как причёска, как одежда, хорошо ли подобраны очки, украшения и так далее. Ну и, конечно, манера держаться, голос, интонации... Меня интересует всё, что она скажет. Если где-то вылезает транс-чмо, пусть говорит, не стесняясь. Мне важно знать свои косяки, чтобы не отпустить себя, Мур. Тут важен взгляд со стороны...

— Угу, — промычала Камила, недовольно поглядывая на свои слишком бледные, неграциозные ноги, так невыигрышно смотревшиеся под прямыми лучами палящего июльского солнца. Зачем только она надела эти короткие шорты, они ведь уже ей не по возрасту. А с такими мужицкими ногами с квадратными коленками... Пойманый Камиллой насторожённый взгляд прохожего окончательно убил в ней остатки бодрости. — Я спрошу её, Мур, раз ты хочешь. Но ты же знаешь, ты лучше всех. Малышка уже и не задумывается над тем, кто ты...

— Правда? Она так сказала? — оживилась Линда. — Наша малышка такая няшка... Если так и дальше пойдёт, может, сумею не морозиться с ней при встречах, а то мне до сих пор перед ней стыдно, что я транс... Когда она снова приедет, надо непременно сводить её с нами на «Т-Движение». Представляешь, как это там поднимет наш статус! Ты же знаешь, гешки обычно нас за людей не считают. А тут у моей Мур в роли верного оруженосца такая красивая, умная гешка, и при этом уже полностью в теме!..

Камила слушала молча, не торопясь с ответом. Потом, подбирая слова, неохотно процедила:

— Не знаю, Мур, когда она снова приедет... Пока не договаривались...

— Что такое, вы поссорились?— Линда с интересом взглянула на подругу, уловив недовольство в её голосе.

— Не то, чтобы... нет... Но вообще я подумываю потихоньку избавляться от неё...

— Да ты что?.. Я думала, у вас всё хорошо, что малышка любит мою Мур.

— Любит. Мальчика.

— Ну, вот ещё. Мальчика... А должна любить мою Мур! — воскликнула Линда, потрепав Камилу за плечо, обтянутое лайкровой тканью белой майки-поло. — И везде ходить с моей Мур только как с Мур, и никаких мальчиков. Иначе я расскажу ей, что у тебя в крови эстрадиола больше, чем у неё самой!

— Да брось шутить, Мур, — огрызнулась Камила без улыбки. — Это не смешно. Я для неё мужик, и никогда это не изменится. От таких отношений толку чуть, а время, силы, расходы...

Камила говорила так с досады, сама зная, что всё это пустое сотрясение воздуха. Где ей было совершить столь решительный шаг и расстаться с Мариной?.. Но разочарование, копившееся в ней день ото дня долгие месяцы, достигло пика и, похоже, подводило роковую черту под всеми несбывшимися надеждами.

Избавляться от иллюзий... Как это трудно, как болезненно... Камила так долго убеждала себя, что однажды Марина сумеет её принять, поймёт наконец, как ей жизненно необходимо, чтобы на неё смотрели как на женщину, признали её право быть тем, кем она себя ощущает...

«Прошу, не ломай меня через колено, у меня же нет тумблера, чтобы переключить своё восприятие с одного на другое!» — взмолилась Марина вскоре после того, как Камила раскрыла перед ней свою тайну. Конечно, Камила понимала, что Марина познакомилась с ней как с женщиной и именно мужчину желала тогда обрести. Но она надеялась, что, раз Марина осталась с ней после того, как узнала про переход, то рано или поздно сдвиг в её сознании всё же произойдёт. И Камила была с ней необычайно терпелива. Снова и снова шла на бесконечные компромиссы, надевала ненавистную мужскую одежду, откликалась на мужской род и, сжав зубы, терпела, когда из Марининых уст звучало с придыханием это треклятое: «Серёжа...» Она тратила мегачасы переписки, долгие дни и ночи личных бесед, чтобы донести до Марины, как ей казалось, совсем несложные вещи: только

женщиной она сможет жить нормально — без этого ничто не имеет значения!

Но время шло, а подвижек в принятии перехода у Марины не было. Она словно не слышала, что говорила Камила, и отказывала ей в самой возможности её существования. А при каждой попытке Камилы явить ей себя настоящую, Марина огорчалась так сильно, что даже толком не могла этого скрыть — вся сникала, сходила с лица, будто нарочно пробуждая в Камиле чувство вины за то, что не соответствует возложенным на неё ожиданиям...

Каждый раз, когда Марина приезжала, Камила видела на себе один и тот же её взгляд. Взгляд, который был так хорошо ей знаком по прежним отношениям с женщинами, когда она ещё пыталась быть тем мужчиной, которого они хотели. Пристальный, выжидательный, с лёгкой поволокой — взгляд женщины, которая требует от своего мужчины проявления чувств и их главного, с её точки зрения, выражения — физического желания...

Сколько ночей было потрачено в прежние годы для ублажения этого похотливого взгляда самок, для удовлетворения ненасытного чужого нутра. Только секс, только — гениталии! Постоянный страх облажаться, не смочь, утратить потенцию в самый ответственный момент — вечный крест мужчины, который Камила тащила на себе до сорока пяти лет под ненавистным именем, вылетающим с придыханием из жадных женских уст: «Серёжа... Серёжа... » Чтобы не разочаровать своих дам, она в их объятиях распяляла воображение, представляя себя женщиной, и такая визуализация заветной мечты возбуждала не хуже афродизиака. Но теперь, когда она отважилась на переход и была на заместительной гормонотерапии, физическая близость стала попросту невозможна. И в отношениях с Мариной это был ещё один камень преткновения. Камила терпеливо объясняла Марине, что это нормально, что при гормонотерапии так и должно быть и утрата мужской функции её совершенно не волнует — для неё это всё в прошлом! На словах Марина вроде бы соглашалась — да, это неважно. Но всё её поведение доказывало обратное. Она впивалась в губы Камилы как голодная кошка, прижималась телом к её бёдрам, закидывала её на себя сверху, как мужика, когда они целовались. А главное, она то и дело аккуратно, вкрадчиво капала на мозги, что, мол, гормоны вредны и наносят непоправимый вред здоровью. «Будто я не понимаю, что за этим „беспокойством“ кроется на самом деле... Будто держит меня за идиота... за идиотку...»

Думая про себя, Камила то и дело сбивалась с женского рода снова на мужской, так что даже в мыслях приходилось поправляться: «я сказал... сказала... я сделал... сделала». Конечно же, от интуиции Марины не ускользнула эта её слабость.

— Скажи мне, — как обычно, мягко, вкрадчиво спросила она при случае, — ты о себе думаешь в каком роде — мужском или женском?..

— Сказать честно, ловлю себя на том, что бывает и так, и так. Но это привычка, понимаешь? Привычка и ничего более!..

Разумеется, Марина спросила только, чтобы и это использовать против неё. Лишь бы самой и дальше избегать женского рода в обращении к ней. Лишний раз доказать, что переход невозможен. Что это лишь блажь, и, раз родился мужиком, то им и умрёшь, и ничего с этим поделаться невозможно... Да, женщины умеют защищать свою территорию от инородного вторжения, это у них в крови. И каждому, кто осмелится посягнуть на их природную привилегию, они тут же напомнят: рождённый ползать летать не может... Да и как тут не чувствовать себя мужиком, когда дорогой тебе человек всё время напоминает, кто ты на самом деле!

Камила то отчаянно злилась, думая, что Марина издевается над ней намеренно; то приходила к мысли, что нет, она не виновата: её восприятие заложено природой, растворено в крови, и её поведение — поведение женщины подле мужчины — порождено инстинктом. Так что вряд ли она даже понимает, насколько болезненно для её «возлюбленного» всё то, что она говорит и делает. Каждый раз, ожидая очередного приезда Марины, Камила терзалась бурей противоречивых чувств. Скучала, надеялась, потом страшилась этой встречи и, наконец, перед самым приходом поезда её поражали чувство безнадежности и полная апатия.

— Ты что, не рад меня видеть?.. — расстроено спрашивала Марина в ответ на встречавшую её сдержанную молчаливость. — А писал, что скучаешь, спрашивал, как скоро я приеду...

И Камиле невероятными усилиями приходилось скрывать своё раздражение, что её опять заставляют быть весёлым мужиком, который должен развлекать и говорить приятные вещи.

А ведь всё могло быть по-другому, если бы Марина просто приняла переход! Тогда бы Камила с радостью и нетерпением ждала каждой новой встречи с ней, мечтая о том, как они будут проводить время вместе...

Июнь. Самое начало лета. Второго лета после их с Мариной знакомства. Второго лета с начала перехода. Из того последнего приезда Марины Камила помнила теперь только один день. Один день, в котором была эйфория. Удивительное ощущение яркости бытия. Так же, как теперь, яростно светило солнце. Нева казалась невероятно синей. Они шли, взявшись за руки, неспешно направляясь к причалу. Подол воздушного темно-синего платья в мелкий горох приятно шелестел на её коленях, нежно касаясь кожи, а открытые босоножки, чуть натиравшие стопы с непривычки, тихо перестукивали — шлеп-шлеп!.. К тому времени шесть недель подряд Камиле удалось, наконец, побыть на фулл-тайме. Это очень важно при переходе — быть женщиной на фулл-тайме, непрерывно, без необходимости снова косить под мужика под давлением обстоятельств — только так можно выработать в себе уверенность и готовность идти до конца. Не признаваясь Марине до поры до времени, она даже решилась весной посетить косметолога и оставила в его кабинете последние тридцать тысяч накоплений — в её теперешнем финансовом положении сумма огромная! Видимо, только благодаря этому у неё и хватило духу на этот раз не прерывать фулл-тайм и с приездом Марины. Почему-то именно тогда показалось, что и у той, наконец, наметился некоторый прогресс, что её яростное сопротивление стало ослабевать. Она шла рядом без прежнего напряжения, не дёргаясь и не озираясь с тревогой по сторонам, а выглядела спокойной и глядела рассеянно, как будто не вовне, а внутрь себя самой.

Две женщины в лёгких летних платьях ступили на борт белого прогулочного катера. Палуба качнулась под ногами, мотор взревел. Белая стрела пены, прорезая блестящую на солнце беспокойную рябь, потянула по реке длинный след от их шустрого судёнышка, нёсшего отдыхающих пассажиров по водным артериям имперского города, словно по коридорам старинного заколдованного замка.

Эта прогулка на кораблике запомнилась Камиле чем-то особенным, не похожим на все их прежние подобные выходы, когда она неизменно чувствовала себя рядом с Мариной больным переодетым мужиком. Тот тёплый июньский день лёг в копилку тех редких мгновений, когда Камила остро ощутила себя в моменте, поймала ту самую волну, ради которой и решилась на переход. Проплывая под гулкими каменными мостами, радостно шурясь от прямых солнечных лучей под затемнёнными стёклами очков, она наслаждалась мыслью о том, что всё, о чём она мечтала, может стать реальностью. Быть женщиной... Просто быть женщиной... Какое же это счастье!..

— Скажи мне... — спросила Марина тем вечером. — Кем мы теперь будем с тобой, подружками, что ли?

— Что значит «теперь»?

— Всё ты понимаешь. Переход твой, очевидно, уже состоялся. Так что же будет с нами теперь?..

— Во-первых, ещё не состоялся. До желаемого результата ещё как до луны. Сейчас только-только что-то стало получаться, вот и всё. Во-вторых, не понимаю, что между нами меняет переход, зачем что-то придумывать?

— Да кем я буду при тебе? — Голос изменил Марине и прозвучал слишком высоко. — Я теперь должна стать лесбиянкой, что ли?..

— Послушай, — Камила глубоко вздохнула. — В конце концов, раз тебе нужен мужчина, ты можешь найти себе кого-нибудь параллельно, а наши отношения останутся прежними и будут продолжаться.

— Что??? Найти мужчину?.. Да ты о чём вообще?! Что это за отношения такие? Ты что же, ревновать не будешь?..

— Думаю, я сумею с этим справиться. В конце концов, я не имею права тебя ограничивать, раз не даю тебе желаемого. И не имею права на ревность.

— То есть ты вот так согласишься, чтобы я... — Марина смотрела потрясённо. — Чтобы мы... Подожди, так ты тоже?.. Ты в этом случае что, тоже будешь иметь такое право?!

— Какое право, на мужчину?

— Что?.. На мужчину?!.. Опомнись, ты что несёшь, какого мужчину?.. — Марина говорила через силу, как будто ей не хватало воздуха. — То есть ты допускаешь, что теперь... Тебе завести мужчину, ты серьёзно?..

— Я просто гипотетически сказала. Для транс мужчины рядом — это высшее признание женственности, прямое доказательство, что переход удался. Некоторые и замуж выходят.

— Так ты ведь меня клятвенно уверял, что мужчины тебя не привлекают!

— Да, не привлекают. Мне вообще сложно понять, что в мужчинах может нравиться. Но ведь женщина — она лишь принимает мужское внимание. Ей ничего не надо делать самой.

— Разумеется — ровно до того момента, пока он не расстегнёт ширинку! — Марина глядела округлившимися, полными ужаса глазами. — Нет, Серёжа... — (о боже, опять это «Сёрежа»!) — Я не верю, что это твои собственные мысли. Это всё Линда, она вбивает тебе в голову

этот бред. Она растлеивает тебя! Нет, не смейся! Я этого не допущу, ты слышишь? Только не педерастия! Что угодно, только не это! Иначе я сразу уйду, ты слышишь?! Навсегда, в тот же день!

— Да успокойся. — Камила помрачнела, от прежнего душевного подъёма не осталось и следа. — Это же я так сказала, не про свой слу- чай, а вообще. Кому я нужна...

После того разговора Марина вскоре уехала в Москву и не приез- жала до конца лета, ограничиваясь перепиской, которая становилась всё напряжённей, всё чаще перерастала в ссоры. «Что угодно, только не педерастия!» — эхом отзывались теперь Маринины слова в памяти Камилы. Ну конечно, она пришла в ужас от одной только мимолётной фантазии о возможности замужества после перехода — хотя и сама отлично понимала, что в реальности с Камилой этого никогда не слу- чится. Ещё бы, мужик собрался жить с мужиком — вот как Марина это воспринимает. Так и никак иначе... Нет, это совершенно безнадежно! Она никогда и на толику не примет в ней женщину, даже если все во- круг уже не будут воспринимать её иначе. А ведь против Камилы была не только Марина — против неё ополчился весь мир...

— Мур, ты слышала новость? — не переставая жевать, стала расска- зывать Линда, когда они как-то зашли с Камилой пообедать в блин- ную. — Наша Аня-кадык опять отличилась и оказалась в центре скан- дала. Причём сама же всё сняла на видео и выложила в сеть.

— Нет, не слышала, а что случилось-то?

— Да она в магазин зашла, — Линда сказала название известного продуктового супермаркета, — а кассирша отказалась её обслуживать. Стала кричать: «Ты кто, мужик или баба вообще? Первый раз вижу, чтобы мужик в бабу вырядился!» Заявила, что не будет ничего ей про- бивать, потому что «извращенцы ей не нравятся». Так Аня-кадык всю эту тираду на телефон записала, и себя засняла заодно, а видео слила в сеть. Такой скандал поднялся. Администрация магазина извине- ния официальные принесла, кассиршу обещали уволить. Но осадочек у всех наших остался...

— М-да... — протянула Камила невесело. — Вот и я этого всё время боюсь. Бывает, заметишь, что кто-то подозрительно косится, или об- ратятся вдруг в мужском роде, и сразу жить не хочется...

...Весь мир был против неё. Пластический хирург, к которому она ещё в начале перехода пришла на консультацию, прямо заявил, что

ничего не получится. Среди косметологов дело обстояло не лучше. С три короба наобещал только один, к которому она в итоге и пошла, но после нескольких дорогостоящих процедур, которые лишь немного улучшили ситуацию, он вдруг перестал отвечать на звонки, а его секретарша принялась отговариваться, что записи пока нет. Камила отчаялась даже как-то подловить его на входе в клинику. Он тогда очень резко ответил, что его не нужно преследовать, и отправил записываться через приёмную. Стало очевидно, что он попросту ретировался. Наконец, последней каплей ближе к концу августа стали поплывшие результаты анализов. Эстрадиол падал, тестостерон неумолимо рос. Она пила лошадиные дозы женских гормонов, но организм как будто взбунтовался и перестал их воспринимать, самовольно возвращая эндокринную систему к её прежним показателям.

Подойдя к большому зеркалу в углу комнаты, Камила безжалостно уставилась на себя, чувствуя, как в ней нарастает отвращение. Ну какой переход, кого она обманывает?.. Да какая она — нет никакой «её»! — кого он, он обманывает?! Марина не зря так непримиримо была настроена против перехода, не зря опасалась, что в какой-нибудь подворотне им однажды заедут по морде. Она не видела перед собой женщины, потому что её не было. Ничего не получилось...

— Ой, нет, Мур!!! Нет, это уже пипец! — Размахивая руками, Линда металась по комнате своей съёмной квартиры, пока Камила виновато скукожилась в уголке дивана. — Мур, я и слушать об этом не хочу! Убить себя?! Ты всерьёз говоришь мне о самоубийстве?!

— Да ведь это только мои тревоги, Мур! — оправдывалась Камила. — Возможный выход, если я окажусь в тупике. Понимаешь, я не вижу сколько-нибудь утешительных результатов своего перехода. А ведь времени прошло уже достаточно. Ты сама тоже часто повторяешь, что неудачники — это мусор. Я именно так себя и чувствую.

— Это потому, что ты себя не ценишь, моя Мур, — Линда перестала метаться из угла в угол и опустилась на диван рядом с Камилой. — Ты же прекрасно понимаешь, что только благодаря тебе я совершаю переход. Только благодаря тебе у меня теперь есть деньги, есть нормальная работа. И меня очень пугают твои дурные мысли, понимаешь? Нет тебя, нет и меня, мы — единое целое. Поэтому назад тебе никак нельзя, Мур, ты слышишь? Если у тебя случится откат, скорее всего это будет конец и для меня. Придётся всё бросать и везти себя мальчиком на родину.

— Да почему ты так думаешь? — запротестовала Камила. — Я ведь много раз повторяла, что не оставлю тебя, пока ты во мне нуждаешься!

— Это ты сейчас так говоришь, Мур, — грустно ответила Линда, сжимая руку подруги. — Мы обе знаем, что знакомство со мной стало началом твоего транзишна. А если вернётся Сергей Волков, я уже не буду ему нужна — ни в жизни, ни в бизнесе. А на панель я больше не вернусь, Мур. Ни за что не вернусь. У меня только на тебе всё и завязано. Если ты мной наиграешься, я даже не буду пробовать остаться. Так что раз ты считаешь свой переход проваленным, давай и я прямо сейчас начну откатываться, можно? Тогда и уезжать будет не жаль, зачем мне здесь мой мальчик? Я и Кэт так сказала — если случится у меня откат, сразу же её брошу и домой уеду!

— А вы что, с Кэт снова вместе? После того, что она выкинула?

— Ну-у, — уклончиво протянула Линда, — мы встречаемся иногда у неё. Она говорит, я единственное, что несёт ей радость. Ты же знаешь, Мур, я стараюсь жить для других. И для Кэт стараюсь, хоть и дрянная она. А Вася меня бесит, не могу. Мальчики — это фу! Пошлю его скоро. Как гражданство получу, сразу же пусть дорогу ко мне забудет. Хорошо хоть с юристом, которого он подогнал, все вопросы решили.

Камила слушала вполуха, думая о своём. Потом резко вернулась к прежней теме:

— Я ведь всего-то поделилась с тобой своими переживаниями, что женщина из меня не получается. Что я боюсь оказаться в безвыходном положении, когда невозможно ни продвинуться в транзишне, ни вернуться назад. А в итоге я чувствую себя виноватой, что открыла рот и заговорила о себе. И теперь тебя же успокаиваю, в то время как моя проблема не решается, а загоняется всё глубже... — Камила снова ненадолго задумалась, затем продолжила: — Из твоих слов выходит, что успех моего перехода только потому тебя волнует, что ты боишься возвращения Сергея Волкова, который может обратно забрать себе бизнес. Зато Камила уже никогда не сможет работать с прежними людьми и заниматься музыкальными проектами. А значит, уже не сможет тебе помешать и будет вынуждена отправиться в свободное плавание в неизвестном направлении.

Линда смотрела на подругу, поджав губы, выражение её лица из участливого стало каменным:

— Не нравится мне этот шантаж, Мур. Все эти разговоры, что я отнимаю у тебя твоё дело. Что если неудачный переход — тогда ты в окно.

Я теперь ещё подумаю, может, и не выйдет у нас с тобой дальше ничего. Верну тебе всё, что приняла, и разбирайся сама как знаешь... Ничего, что я столько сил в наше дело вложила, лелеяла его, почти как своего ребёнка. Думала, теперь и бизнес, и переход, и жизнь — всё у нас общее. А выходит, что нет! Вот она, истинная цена твоей преданности, твоей дружбе. — Сняв очки, Линда демонстративно отёрла сухие глаза и отвернулась.

— Мур, прости меня, прости... — виновато пробормотала Камила, трогая Линду за плечо. — Я совсем не хотела тебя огорчить. Забыли о смерти — пока я тебе нужна, я с тобой, что бы со мной ни было! А студия и видеоблог уже и так твои. Хочешь, мы и договора все на тебя перепишем?

— Этого не нужно, Мур, — после выдержанной драматической паузы смягчилась Линда. — Бизнес всегда будет нашим общим. Мы ведь неразделимы, Мур, ты помнишь? — Она обняла подругу и прижалась макушкой к её щеке. — Просто я ведь знаю, что лишь две отдушины у моей Мур: переход и музыка. Вот и переживаю за тебя... Больше, чем за себя, переживаю...

* * *

— Знаешь, Лар, похоже, это конец. — Марина сидела напротив подруги, обхватив голову руками, и гипнотизировала стоявшую перед ней фарфоровую чашку. — Я больше этого не выдержу. Придётся с ним расстаться.

— Вот и правильно, давным-давно пора! — Лариса одобрительно кивнула, затем достала из пачки сигарету и удовлетворённо выдохнула в потолок первую струйку дыма. — Я-то как раз боялась, что это безобразие никогда не кончится. Сколько ты на него времени уже угробила, полтора года?

— Мне ведь казалось, что он идёт на поправку, — продолжала Марина, не останавливаясь, словно обращаясь к самой себе. — Исчез этот парик ужасный, эта боевая раскраска с лица. Он всё чаще одевался по-человечески, хотя бы при мне. Я даже стала иногда говорить с ним о возможности возвращения к нормальной жизни. Осторожно, не провоцируя, прощупывала почву: не хочет ли он, например, снова заняться видеоблогом или музыкой. Он даже иногда загорался, садился писать новый трек или сценарий для передачи. У него лежит уже несколько готовых сценариев не отснятых, я читала их, они замечательные! Думала, он в конце концов и до записи дозреет... Больше тебе скажу, он

мне сам несколько раз говорил, что понимает: женщины никакой из него не получится. Что это лишь его «прекрасная мечта», с которой он смертельно боится расстаться. Поэтому и пьёт эти гормоны, чтобы поддерживать иллюзию, будто что-то происходит. Я старалась не давить на него. Думала, если проявить терпение, минуты просветления будут только нарастать, и его навязчивая идея наконец отступит... — Быстро скользнув по Марининой щеке, одинокая слеза упала в чашку, на мгновение взбаламутив нетронутый остывший чай. — Я ведь даже не понимала, насколько он болен...

Пока Марина говорила, в её голове быстро, как поток сознания, прокручивались бессчётные сцены Серёжиных приступов. Он то замыкался в себе, отвечая односложно, сухо, через губу. То мог внезапно, на ровном месте вцепиться в какую-то неосторожную Маринину фразу и дальше уже ничего не слушать, накручивая себя до тех пор, пока не раздражался криком и бессвязными претензиями. Скандал мог длиться по нескольку часов, пока Марина, находясь рядом или на другом конце телефонного сигнала, не начинала буквально терять сознание от усталости и ощущения катастрофы. О, что за лицо становилось у него! Щёки бледнели, глаза, вспыхивая чернотой зрачков, безостановочно бегали из стороны в сторону; всё его тело превращалось в сжатую до предела, дрожащую от напряжения пружину. Сейчас, разговаривая с Ларисой, она удивлялась самой себе: неужели она и правда не видела, что состояние Сергея безнадежно?.. Да, она упорно отрицала происходящее, сбрасывала со счетов всё, что исходило от него в такие моменты, уговаривая себя, что за него говорит его болезнь. Страшная, разрушительная болезнь, которую она намеревалась во что бы то ни стало победить, вытеснив естественными человеческими чувствами, интересами и желаниями.

Она жарко обнимала его, стараясь своим теплом растопить сковавшую его изнутри ледяную глыбу. Не принимая всерьёз его холодные, порой до слёз обидные слова, она считала их только ширмой, за которой он, настоящий, прятался от неё, стесняясь истинных порывов своей души. Она жадно вслушивалась только в голос его истощённого, покалеченного чужеродным вмешательством тела — голос, который никогда не врёт. Когда она прикидала головой к его груди, её взвинченный слух улавливал, забьётся ли чаще его сердце, сорвётся ли с губ вздох нежности. Внимала прикосновениям его рук, от которых по спине бежала приятная волна мурашек, подсказывавшая, что в них ещё осталась былая мужская сила.

— Мне казалось, вот бросит он свои гормоны, тогда и его переодевания время от времени можно будет потерпеть. В конце концов, ну что такое одежда?... Так, социальная условность. Её можно надеть, потом снять, а человек-то остаётся... Но в последний раз... Когда я приехала в последний раз, это было постоянно, понимаешь, Лар, постоянно! Дома, на улице, днём, ночью... Эти платья, голые бритые ноги... даже женское нижнее бельё!.. Это ужасно, отвратительно, это невозможно передать словами!.. Смотришь и будто с ума сходишь, душу словно наизнанку выворачивает...

— Ну, ещё бы, — поморщилась Лариса, затягиваясь. — Я и представить себя не могу на твоём месте. Мой мужик и в женских тряпках. Бррр... — Лариса передёрнула плечами.

— Но не это главное, — продолжала Марина, не слушая, — только в тот раз я поняла, что это — навсегда! Что никогда это не кончится! Я, как с поезда сошла, так чуть там, на перроне, и не осталась, как его увидела... Пока меня не было, он, ничего не сказав, всё лицо себе гиарулонкой исколол! Губы, скулы, ямочки на щеках, всё! От этого он и в самом деле уже на себя не похож, а на страшную полубабу какую-то... А я ещё, дура, надеялась, что он бросит гормоны... Да какой там бросит! — Вторая слеза, сбжав по Марининой щеке по следу первой, также утонула в остывшей чашке. — Ты знаешь, я ведь считала этот его переход какой-то далёкой несбыточной перспективой. А тут вдруг осознала, что всё уже произошло. Что нет больше прежнего Серёжи моего, и не будет никогда. Я так ему и сказала, что совершился уже этот его переход.

— Ну, а он что?

— Да он ведь каждое моё слово наизнанку выворачивает! Подумал-подумал, да и заявил, что я его тем самым окончательно «приговорила». Дала понять, что лучше уже не будет... А дальше вечная пластинка: вот если бы ты приняла, всё было бы...

— Ну, видишь, я же предупреждала, что он так и будет болтаться ни туда, ни сюда. Вот подруженция его рыжая, она-то твёрдо знает, чего хочет. И, как танк, по головам прёт, оттого у неё всё и получается. А твой сам не знает, чего хочет. И ни в каком виде себя не принимает — ни мужиком, ни той полубабой, которая в результате его экспериментов получается. Сам себя не принимает, а на тебе, гад, отыгрывается!

— Я ему говорю, ты до перехода на человека был похож: девушки были, работа, любимое дело. А теперь ничего, ничего... одни страдания. А он мне: «Да кому нужна твоя правда!.. Ты убиваешь меня своей

правдой!..»– Марина ненадолго замолчала, переводя дыхание и собираясь с мыслями. — Всё время думаю, как же я это так опоздала... Почему раньше его не нашла. За год, за полгода до Линды. Может, и не было бы никакого перехода тогда...

— Сомневаюсь, — скептически усмехнулась Лариса.

— ...Тут поймала себя на том, что стала на улицах к возрастным женщинам присматриваться. Гляжу на них и думаю, вот смогла бы я в какую из них влюбиться... И сама себя корю за то, что нет, ни за что не смогла бы.

Лариса расхохоталась:

— Да уж, Маринка, фиговая из тебя лесбиянка получается!

— Думаешь, я сумасшедшая? — Марина подняла на подругу большие карие глаза, блестящие от застывшей влаги.

— Нет, Марин, ты не сумасшедшая. Ты задолбанная. Он своими играми с самим собой из тебя выпивает все соки. Мне такие отношения американские горки напоминают. На одном вираже жутко, на другом весело, на третьем дух захватывает... И вроде круто — адреналин и все дела, только вагончик этот никуда тебя не увезёт, а так по кругу катать и будет. Пока, наконец, тебя не стошнит, и ты из него не вылезешь.

— Да, да, ты права, — вдруг быстро затараторила Марина, — последний раз съезжу, чтобы в лицо ему всё сказать, и сразу же уеду обратно, и не вернусь больше, в жизни больше не вернусь! — Марина устало опустила голову на руки. — Ларис, я ведь умереть за него была готова... Умерла бы и всё, что есть, ему оставила... Пусть тогда хоть какие себе операции делает...

— Да ты что, подруга, головой стукнулась?! — вскрикнула Лариса испуганно. — Так тебя, и вправду, уже вязать пора и транквилизаторами с ложечки кормить, раз ты до такого бреда доходишь! И что ты вцепилась в этого уroda?!.. Ну, посмотри ты на себя! Ты ж красавица!

— Не понимаешь! Ты не понимаешь!!! — истерически закричала Марина, резко вскинув голову и обливаясь слезами. — Я брак свой развалила! Мужа прогнала! Мать видеть меня не хочет! Кроме него, у меня никого нет, понимаешь ты?! Никого!!!

— Да пошла ты, Шулепова! — воскликнула Лариса возмущённо, раздавливая дотлевший окурочек в пепельнице. — Вот дура, нет у неё ничего! А я? Я-то как же?!

— Ох, Ларка! — С громкими всхлипами Марина кинулась подруге на шею. — Ларка моя, Ларочка!..

* * *

— Алло!!! Чёрт бы побрал, не слышу ничего... — Лариса заткнула одно ухо, плотнее приживая к другому мобильник. — Шулепова, ты где там вообще? Сигнал пропадает... Алло!

— Ларис, я тебя слышу, привет! Я у Сергея, — зазвучал сквозь помехи далёкий голос Марины.

— Что? Ты у Сергея?.. Ну, вы там всё, расстаётесь, наконец?.. Ты с ним поговорила, я надеюсь?

— Нет... То есть, да... В смысле, поговорила, — доносилось из динамика. — Но нет, мы не расстаёмся... Ларис, я в Питер жить переезжаю! Серёжа бросает переход!

Окончание — в следующем номере

ОБ АВТОРЕ

Марианна РЕЙБО — прозаик, публицист, кандидат философских наук. Родилась в 1987 г. в Москве. Окончила факультет журналистики и аспирантуру философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор мистико-реалистического романа «Письмо с этого света» (2015), ставшего бестселлером издательства «Вест-Консалтинг». Вторая книга, фантастическая повесть «Нано» (2018), была отмечена Международной литературно-общественной премией «Литературный Олимп». Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2022», дважды лауреат журнала «Зинзивер» (проза) и газеты «Литературные известия» (литературная критика). Дипломант Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2019, 2021) и I ММЛК «Веское слово» (2020) в номинации «Проза». Публиковалась в журналах «Нева», «Знамя», «Причал», «Зинзивер», «Гостиная», «Дети Ра», «Российский колокол», «Литературный Иерусалим», «Наука и религия», в газетах «Литературные известия», «НГ-Exlibris», «Поэтоград», «Литературная Россия» и др. Главный редактор нескольких литературных альманахов, член нескольких творческих союзов.

Роман СОЛОДОВ ЛЕДИ ОКСАНА

Новая книга Романа Солодова «Леди Оксана» — большое историческое повествование о нелёгкой судьбе женщины, родившейся на смене веков в маленькой украинской деревне и пережившей ужасы и тяготы: революции и войны, голод и погромы, насилие и предательство, гибель близких людей... Несмотря на все испытания, выпавшие на долю Оксаны (Ксении), ей удалось не только выжить, но сохранить данные ей от природы качества, благодаря которым её можно назвать личностью, достойной того, чтобы стать героиней большого романа. Увлекательный, драматичный сюжет, думается, не оставит читателей равнодушными.

Мы публикуем фрагмент завершающей части романа.

30 декабря 1943 года бои развернулись непосредственно на ближних подступах к Житомиру, Бердичеву и Белой Церкви. Немцы намеревались упорно оборонять город, являющийся важным узлом коммуникаций. Командование 1-го Украинского фронта решило разгромить вражеские войска одновременным ударом с флангов и с фронта. Наши войска перерезали железную дорогу Житомир — Бердичев, изолировав житомирскую группировку немцев от бердичевской. В результате глубокого охвата флангов житомирской группировки противника его оборонительные усилия потеряли своё значение. Угроза окружения, нависшая над войсками, вынудила германское командование поспешно оставить этот крупный узел сопротивления. На следующий день город был очищен от противника.

В период с 2 по 5 января советские войска с тяжёлыми боями продвигались вперёд. 5 января части 18-й армии вместе с двумя танковыми армиями ворвались в Бердичев и освободили город. Дальнейшее

развитие военных событий к данной теме не относится. Важно то, что город не испытал судьбы Харькова или Ростова, которые отдавались и брались не один раз, и судьбы Сталинграда, где дрались, по словам писателя-фронтовика Василия Гроссмана (уроженца Бердичева), не за каждый лестничный пролёт, но за каждую ступеньку. Но даже при относительно небольших сражениях за Бердичев наша армия потеряла более тысячи только убитыми. Слабым утешением может послужить тот факт, что немцы потеряли более трёх тысяч. Количество жителей сократилось до восемнадцати тысяч, из них евреев, каким-то чудом уцелевших, осталось пятнадцать.

В число переживших оккупацию попала и наша героиня. Она ночевала в детдоме, успокаивая детей, испуганных взрывами и стрельбой. Вместе с ней была Марина. Женщины не спали, потому что кто-то из детей обязательно просыпался от близких разрывов гранат, грохота пушек и автоматных очередей... Только под утро стрельба стала удаляться и к позднему январскому рассвету совсем смолкла. Город был освобождён. Ксения была уверена, что это навсегда. По крайней мере, при её жизни ей не придётся больше переживать ужасы оккупации.

Дети, утомлённые бессонной ночью, спали в кроватках. За два с половиной года в детдоме многие из них вытянулись и уже с трудом вписывались в размеры коек, рассчитанных на совсем маленьких. Одеты они были относительно сносно благодаря Вере, которая мгновенно перешивала и наставляла брючки, рубашки, пальтишки по требованию текущего момента.

В первый день освобождения Ксения прежде всего думала о том, кому передать детей. Желания заниматься ими в дальнейшем у неё не было просто потому, что за два с половиной года оккупации она не имела хотя бы недельного отпуска. Да, это её дети, но пусть государство займётся ими, как это было до войны. Она свою часть работы сделала — спасла их от практически верной смерти или от того, что порой бывает даже хуже её. Сейчас надо детей накормить. Они начнут просыпаться, бежать в туалет — раньше садились на горшки, теперь по-взрослому. Умываться, чистить зубы. Для этого в общей умывальне уже стоит ведро нагретой воды, и каждый ребёнок зачерпывал из этого источника и полоскал рот. Изольда Ильинична говорила, что чистить зубы ледяной водой — значит подвергать их разрушению. Далеко не всегда выполнялось это условие — тем более летом. А потом они пойдут в столовую и возьмут свои мисочки, подойдут к раздаче и получат

маленький половник каши, краюху хлеба и тёплый чай с леденцом. А потом, после завтрака, пойдут во двор и будут находиться там — играть, качаться на качелях, сделанных по просьбе Ксении мастером на все руки Степаном Тимофеевичем. Уроки, даваемые Изольдой Ильичиной, закончились. А дети с удовольствием учились у неё. Да, много потерял детдом с её отъездом.

А сейчас надо идти домой. Взглянуть на дом — уцелел ли. Не превратили ли немцы его в крепость, чтобы держать в нём оборону. Но, если не дай Бог, это случилось, то русские раскатали его на брёвнышки своей артиллерией, либо сбросили на него пару-другую бомб. И осталась Ксения без дома. Надо пойти... Уже не стреляют, ничего её не ждёт неожиданного. Когда она вышла на Соборную улицу, то с радостью увидела водонапорную башню — не взорвали! По крайней мере одна из достопримечательностей города уцелела. Но что по-настоящему её удивило, так это армейская кухня, стоящая под этой башней. К ней тянулась очередь людей с мисками, кастрюльками, большими кружками и маленькими ведрышками. Армия кормит жителей, поняла Ксения. Это было неожиданно. Нельзя упустить момента. Она побежала назад к детдому.

Дети занимались утренним туалетом, когда она вбежала в помещение и приказала им схватить их миски и построиться на улице в колонну по двое. Им было не впервой. Вместе с Машей они повели детей на Соборную площадь. Только об одном просила судьбу: чтобы кухня никуда не исчезала. Нельзя упускать такой случай. Надо будет узнать, где находится начальство, и попытаться уговорить его или их — сколько их там — поставить детей на довольствие. В конце концов, наши не должны быть хуже немцев.

Она не опоздала. Очередь стала длиннее, но это её уже не пугало. Если закончится еда, она подойдёт к повару и поговорит с ним. Подведя детей к концу очереди, она выстроила их в колонну по одному и приготовилась к долгому стоянию. Но не прошло и минуты, как мужчина, за которым они встали, оглянулся, осмотрел очередь малышей и вдруг пошёл вдоль неё, пропуская их всех впереди себя и заняв место за последней девочкой, той самой, которую из лап насильника в своё время вырвала Ксения. Стоящая рядом с ним женщина тоже, как и он, оглядевшая очередь, присоединилась к нему, встав перед ним. Молодая пара, стоявшая перед этой женщиной, пошла за старшими, указавшим этой паре, куда надо встать. На глазах у потрясённой Ксении вся очередь начала передвигаться так, чтобы малышня оказалась у армей-

ской кухни первой. Боже мой, — подумала она, — два с половиной года бесчеловечной оккупации не выбили из нас человеческое. Мы остались людьми!

Она отпустила детей вместе с Мариной и осталась дожидаться конца раздачи пищи. Ложки у неё не было, поэтому свою долю она выпила из миски, и пальцами достала картошку и лук. Но уже второй раз в очередь не вставала — надо и честь знать.

На улице появился американский виллис. В нём помимо шофёра сидели два молодых офицера. Они подъехали к кухне, начали разговаривать с поваром, указавшим им на Ксению. Подозвали её. Когда женщина подошла, офицеры представились. Старший по званию, майор, обратился к ней.

— Как вас звать, гражданка?

— Ксения Петровна Вадимова.

— Ксения Петровна, какое отношение вы имеете к этим детям?

— Вообще-то никакого. Это не мои родные дети. Их в сорок первом привезли из соседнего города и бросили здесь. По словам детей, они детдомовские. И я, увидев эту малышню, решила позаботиться о них. Больше было некому, — Ксения замолчала, посчитав, что она всё объяснила.

— Как насчёт того, чтобы проехать с нами? — спросил майор.

— С удовольствием, если вы при этом освободите меня от обязанностей директора детдома. Ну, пусть не вы, а тот, кто имеет на это право. Уже есть какой-то орган власти, способный позаботиться о моих детях?

— Садитесь, — младший офицер приоткрыл дверцу виллиса.

Когда она уселась в машину, шофёр развернул её, и они быстро поехали по улицам города. Ксения смотрела на город, как будто впервые оказалась в нём. Она выискивала неповреждённые дома и особняки и с удовлетворением отмечала, что далеко не всё разрушено. Город будет жить. Его можно будет восстановить, и от этого ощущения ей становилось легче на сердце. Конечно, она будет сожалеть о гибели его стенового хребта — евреев. Но надежда всегда остаётся с человеком, а она надеялась на возрождение еврейской популяции города. Уж ей-то всегда будет что предложить новообразованной общине — как минимум старинную менору, которую ей удалось сохранить. Да и её опыт общения с другими общинами тоже был немаловажным фактором в процессе восстановления. Было бы кому и с кем связываться... Когда машина проезжала по привокзальной площади, она с удоволь-

ствием увидела, что здание вокзала уцелело, и ещё даже подумала, что надо будет навестить старого друга. Ему она обязана спасением Марии.

Машина остановилась перед зданием горсовета, почти не пострадавшим от ещё вчерашних боёв. Стояли часовые, но пропускали всех желающих. Система пропусков ещё не была налажена. Внутри здания толпились люди, перед какими-то дверями уже образовались пока что небольшие очереди. Ксению провели в достаточно большую комнату, где за столами сидели несколько офицеров. Подполковник сидел за отдельным столом. К нему и подвели женщину. После выполнения необходимых формальностей начался разговор по делу. Офицера заинтересовала история детдома. Как ему удалось продержаться при оккупационном режиме?

Ксения начала с того момента, когда она увидела детей, брошенных при отступлении. Как ей удалось спасти от разграбления мешки с разным зерном... И что в этом ей помогли немецкие солдаты.

— После того, — продолжала Ксения, — как наши соотечественники, которые стали сотрудничать с немцами, мне в помощи отказали, я пошла к немецкому коменданту. Совершенно не рассчитывала на успех.

— Минуточку, — прервал её офицер и подозвал майора, у которого были погоны с синими кантами. — Вам это может быть интересно.

Майор согласно кивнул, подсел к столу и достал из планшета блокнот, взял со стола ручку, обмакнул её в чернильницу и выразил готовность записывать.

— Он сначала не хотел и слушать. Но я привела ему довод, на который он обратил внимание. Дело в том, что среди моих знакомых была женщина, хорошо знающая немецкий. Она составила список детей на их языке, и я подкрепила его обещанием вырастить из детей верных слуг нового режима.

— А вот здесь поподробней, — майор обмакнул ручку в чернильницу и продолжил быстро записывать в блокнот.

— Подробности у этой женщины, но она вышла замуж за переводчика комендатуры, оказавшего, между прочим, неоценимые услуги нашим партизанам, и уехала с ним в Германию.

— А в чём выразились эти услуги? — спросил подполковник.

— Он несколько раз предупреждал их о карательных экспедициях, — Ксения через секунду добавила: — Через меня. Я кормила и детей, и партизан благодаря немцам. Они всё же взяли детдом на своё обеспечение. В отличие от них, я знала точно, что они ненадолго. Потому обещала им всё что угодно. Дошло даже до того, что мои дети умеют

считать по-немецки и по-русски. Их проверяющие комиссии оставались довольными.

В таких случаях пишут: майор исправно скрипел пером. Что он там писал, Ксению не интересовало. Она знала, что это не допрос по всей форме, и не чувствовала своей вины ни в чём. Она была не одинока в своём заблуждении. Таких, как она, было несчётное количество.

— У вас есть какие-либо пожелания? — спросил подполковник, когда майор отошёл.

— Да! — чуть было не вскрикнула Ксения. — Освободите меня от детдома. Больше двух лет я пахала как раб на галерах и не знала ни одного дня отдыха. На мне восемнадцать детей, а у меня только начальное образование царской школы.

В это время все услышали далёкие взрывы в районе железнодорожного вокзала.

— Бомбят. Скорее всего, вокзал, — сказал подполковник.

— Мало им того, что они натворили в моём городе, — проговорила Ксения.

— Будут организованы соответствующие комиссии. Они расследуют все преступления нацистов. Не беспокойтесь, они за всё ответят.

— Вот только мёртвых уже не вернуть. А их только в нашем городе тысячи. Страшно представить, что они натворили по стране.

Они помолчали, как бы отдавая дань памяти казнённых, а затем Ксения вернулась к своей теме.

— Так что насчёт меня? Я могу быть свободной?

Подполковник с улыбкой отрицательно покачал головой.

— Да где ж вы вам найдём замену? Потерпите хотя бы несколько дней. Могу только гарантировать, что без еды мы ваших детей не оставим. Давайте адрес и назовите количество детей. Помните их по именам?

— Ещё бы. Только у меня вопросы: я была не одна. Одна бы я не выдержала. Как насчёт моих женщин и мужчин? Им надо положить хоть какую-то зарплату. Немцы, кстати, платили. Но, боюсь, зарплатные листки они увезли с собой вместе со списками предателей.

— С этим мы разберёмся, — успокоил её подполковник. — А пока что вам вон за тот стол, — он указал на стол в углу комнаты, за которым сидели две женщины. У них толпилась кучка народа.

— Валя! — крикнул одной из них подполковник. — Надо обслужить гражданку Вадимову вне очереди. Заряди её на неделю, и всех с ней, кого она назовёт.

«Дура ты наивная», — подумала про себя Ксения. — «Надеялась сразу соскочить».

После надлежащего оформления она ощутила себя свободной и решила пойти домой. Но Валентина, смотревшая на Ксению с восхищением, пригласила её в столовую, куда и провела Ксению, показав пропуск охраннику. Усадила за стол и позвала официантку. Девушка подошла и с места в карьер начала перечислять меню. Ксения выбрала щи, картофельное пюре с куриной котлетой и компот. С удовольствием поглотила принесённое и решила, что пора и честь знать. Её всё равно найдут, когда подыщут замену. А если не найдут, она сама напомнит им о себе. Пошла было на выход, но та же Валя задержала её и предложила машину. Ксения не стала ломаться.

— Ты местный? — спросила она водителя, сев в машину.

— Нет, — ответил солдат.

— Поехали. Я покажу дорогу.

Когда они проезжали мимо вокзала, то к её потрясению Ксения увидела огромную грудку дымящихся обломков вместо хорошо знакомого ей здания. Оно просто исчезло. В таких случаях пишут, было сровнено с землёй. Как будто немцы, забыв уничтожить его в конце своего правления, вспомнили о своём упущении и решили напоследок напомнить жителям, кто есть кто. Неподдалёку лежало несколько погибших при воздушной атаке тел. Она попросила остановить машину возле убитых. Не выходя из машины, она стала рассматривать тела. У неё упало сердце! Она узнала Степана Тимофеевича, её старого друга, так помогшего ей с Марией, соорудившего для детей качели во дворе детдома и не взявшего за это ни гроша. До войны она привозила лекарства для его жены, которых было не достать в Бердичеве, и помнила благодарные глаза женщины за бескорыстную помощь и продление жизни. И вот теперь он ушёл в небытие из-за варварской и бессмысленной бомбардировки. Она вышла из машины, подошла к телу своего друга и перекрестила его.

Когда приехали к дому Веры, она отпустила машину.

У Ксении был ключ от квартиры Веры, как и у Веры — от дома Ксении. Она вошла в маленькую прихожую и на вешалке увидела полушубок с новенькими погонами младшего лейтенанта на нём. Из комнаты вышла Вера в домашнем халате. Улыбнулась при виде подруги. Ксения не дала ей слова сказать.

— Чей это? — спросила она свистящим шёпотом.

— Баруха, — машинально ответила Вера, и её лицо изменилось. Оно напомнило Ксении момент, когда Вера узнала, почему погиб её муж. Сейчас злость на её лице была не меньшей.

— Ты что? — просвистела она шёпотом. — Совсем с ума сошла без мужика? Да как ты могла подумать!.. Ты меня за блядь держишь?

— Прости, Вер, — искренне повинулась Ксения. — Тебя не было два дня, решила навестить. Где он?

— Спит после бессонной ночи, — отошла Вера. Улыбнулась. — С женщиной, между прочим. Изольдой зовут. Впервые папку за два года увидела. И теперь ещё не скоро увидит. Сегодня партизаны войдут в город как регулярная воинская часть. Он должен вечером вернуться в неё. Командир знает его историю, потому и отпустил на два дня.

— Я могу увидеть крестника?

— Конечно. Не узнаешь. Заматерел. Раздевайся пока, — Вера ушла в комнату.

Ксения начала снимать пальто и услышала мужской вскрик. Вскоре дверь распахнулась, и в проёме появился Барух, на босу ногу, одетый в ночную рубаху и галифе на подтяжках. Вера была права — заматерел, но, как и раньше, был худ. На партизанских харчах штабную грудь не нарастишь.

— Леди Оксана, родная! — он раскинул руки и пошёл обниматься.

Жизнь постепенно налаживалась. Начала работать почта. Пришло письмо от мужа, отправленное им в начале войны. Марина принесла его письмо, отправленное матери примерно в те же дни. Ксения вскрыла его не задумываясь. Всё равно это письмо переправлять некуда. Теперь оставалось только ждать подтверждения, что её Сергей жив сегодня. Оно пришло в виде телеграммы с кратким текстом: «ТОСКУЮ, ВСЕГДА ТВОЙ. СЕРГЕЙ. НАПИШИ ПО АДРЕСУ...» И вслед за телеграммой с двухдневной разницей пришло большое письмо от сына. Ксения глотала слёзы счастья, выхватывая из письма главное: жив, Герой Советского Союза, командует батальоном в ИПТАП. Это истребительный противотанковый полк. Женился на Вере — москвичке, родившей ей внука. Фото обоих прийдёт отдельным письмом. С отцом в постоянной переписке — у него всё в порядке. Он теперь сам напишет. И вопросы, вопросы, вопросы...

И потекла почтовая река в обе стороны — письма от мужа и сына, письма Вере, как жене его сына, письма от Марии и её дочери Тамар. В письме последней она разглядела чувство вины перед ней. Не сказа-

но было, в чём её вина — Ксения думала об этом и не могла найти причину. Она с Тамар, тем более со взрослой, практически не общалась. Попросила в письме к её матери объяснить причину. Мария объяснила, не вдаваясь в подробности, что причина в недоверии, высказанному ей, матери, по поводу её решения оставаться в Москве и никуда не уезжать. Дело в том, — писала Мария, — что ты, родная (теперь так буду тебя называть) сказала мне бежать до Москвы и не дальше. Так я и сделала, и дочь не пустила, и оказалась права — столицу не сдали. Ксения не помнила слов, только как на колени встала.

В ответ на это Ксения написала, чтобы дочь не валяла дурочку и что её гораздо больше расстраивает, что она не вернётся в Бердичев, хотя подругу она понимает. В этом городе ей больше нечего ловить. Изольда Ильинична как в воду смотрела, когда предрекла это. Кстати, с тех пор, как она уехала, ни я, ни Вера не получили ни одного письма от неё и теперь уже точно не получим, ибо она оказалась уже за линией фронта. Ты даже не представляешь, Мария, скольким я обязана моей свекрови. Сколько было у меня комиссий, когда скоты немецкие искали повод закрыть детдом, и она выходила им навстречу, и её безупречный немецкий обезоруживал любую комиссию. И, кстати, твой сын тоже в долгу перед И. И. — ведь это она нашла медсестру, которая вытащила из тела Баруха пулю. Сейчас на него любо-дорого посмотреть. Красавец-мужик, не мне тебе говорить. Он наверняка уже послал тебе своё фото. Вместе со своей женой и дочкой. Надеюсь, ты оставила свои предубеждения против такого брака. Повезло ему с Верой. Ты бы знала, как она выручала наш детдом своим шитьём. Руки у твоей невестки золотые. Она ещё и тебя, и Тамар обшивать будет. Подробности при личной встрече. Когда-либо, лучше рано, чем поздно, я приеду в твой город, и вот тогда вдоволь наболтаемся. Извини, не помню, выражала я тебе соболезнования по поводу гибели Фимы. Если нет, то прими их сейчас.

«Сергей, родной! Что я могла сделать, если твоя мать захотела уехать? Ты же знаешь, как она всё это любила — и город, в частности. Могу только сказать тебе, что Аполлинарий Модестович — человек в высшей степени порядочный и, кстати, оказавший услуги не только детдому, но и партизанам, зная при этом, что ничего, кроме проблем, на свою голову не получит. Серёжа, родной, я знала этого человека с восемнадцатого. И у меня тогда ещё не было к нему претензий. Ты, конечно, помнишь мою шаль! Он мог её забрать ещё тогда просто по праву сильного и вооружённого, как это делалось в восемнадцатом,

когда грабили и насиловали всех, кто не мог за себя постоять. Он не сделал этого, хотя восторга своего от шали не скрывал. Подробности, как я рассталась с ней, при встрече... Как я соскучилась по тебе, по твоим рукам, глазам, губам, по всему телу твоему!.. Когда же, чёрт возьми, начнут расформировывать ваши поезда? Неужели надо будет ждать конца войны? Не верю в это. Ты написал, что выбиваешь для меня аттестат. Пока что никаких бумаг по этому поводу не получала. Дима свой оформил на жену и правильно сделал — ей нужнее. Его жену и нашего с тобой внука обсудим при встрече. На фото она очень хороша, хотя, по его словам, она рыжая. И сын не уступает, но допускаю, что я не критична к нему как бабушка. Я уже бабушка!!! Захочешь ли ты лечь с бабушкой в одну кровать? На групповом фото я тебя нашла только по твоей подсказке. Лежишь такой значительный в окружении медсестёр, каждая из них моложе меня в два раза. Смотри у меня!!»

«Дима! Ты меня насмешил рассказом о своём ординарце. Надеюсь, кстати, ты это пресёк. Но я представляю себе ту картину, когда он вечером предлагает за еду свои сапоги, венгры хватают их с радостью, кормят его до отвала, он у них ночует, а утром как ни в чём не бывало спрашивает их: а где мои сапоги? И для убедительности поводит автоматом. И никаких угроз, только ствол автомата подрагивает. Хорошо ещё, он за эти же сапоги для полного своего удовольствия не требовал в постель молодую девчонку. Надеюсь, ты не допускаешь насилия над местными женщинами в своём полку. Я тебя ещё раз поздравляю с назначением на этот пост, хотя, конечно, мне по-человечески жаль твоего комполка, убитого уже через две недели после твоего назначения замом. Заодно уже поздравляю с награждением медалью „За взятие Будапешта“. Получила грустное письмо от твоей жены. Выразила Вере соболезнование в связи со смертью её тётки. По её письму поняла, что она любила Ольгу Сергеевну. Надеюсь скоро увидеть твоего отца. Его военно-санитарный поезд расформировывают, в частности, в связи с тем, что колея в Европе уже нашей, российской. Нет смысла в их использовании, тем более что, как он сказал мне, огромное по протяжённости железнодорожное полотно полностью разрушено немцами при отступлении. Не могу вдаваться в тонкости — абсолютно серая в этом вопросе, но, по его словам, они прикрепили к вагонной оси на колёсах плуг, который, когда его тащит паровоз, разламывает шпалы пополам, оставляя рельсы нетронутыми. Но дорогой пользоваться невозможно. Жду вас обоих целыми и невредимыми с победой... Хотя понимаю, что

ты вернёшься в Москву, там жена, там сын, а мать обождёт. Грустно, но такова жизнь. Скорее всего, я приеду к тебе в гости, заодно и Марию наведаю. Я тебе, кажется, писала, что она возвращаться в Бердичев не хочет, у неё там свой внук, не говорю уже о зяте, который уже какой-то значительный учёный в области какой-то секретной физики. По словам Марии, ему даже могут квартиру выделить. В подробности не вдаюсь — не знаю их. Понимаю, что забегая наперёд, но надеюсь, обе ваши семьи найдут общий язык и будут дружить. Ты бы написал Марии письмо, она будет только рада получить весточку от сына её подруги. Адрес я тебе уже сейчас дам...»

Хватит о письмах. Главное, что вернулся муж Ксении. Он не постучал в калитку, ни тем более в окно, просто открыл её, потому что Ксения ожидала его каждый день и держала не только калитку незамкнутой, но и входную дверь. Вера этого не понимала, выговаривала ей, говорила, что бандитов развелось в их городе более чем достаточно. Ксении было плевать на это. Она верила, что всё, связанное с её мужем, может принести только хорошее, такова была её вера в него. И всё же... Когда она увидела его, неторопливо шагающего по бетонной тропе к входной двери, хотела встать с кухонной табуретки и побежать ему навстречу, но вдруг ощутила, что ноги ей отказали, а сердце сейчас выпрыгнет из своей клетки. Он не стал стучать в окно, просто открыл дверь, как будто знал наверняка, что она не закрыта, как и калитка. И исчез с её глаз, войдя в сени. Она перевела взгляд на входную дверь, ведущую в кухню, и он не заставил себя ждать. Ксения ещё раз попыталась встать на ноги и с ужасом поняла, что просто падает на пол. Дальнейшее оставим нашим персонажам. Скажу только, что они не покидали её дом сутки, а ноги Ксении оказались в полном порядке. Когда она попыталась объяснить ему своё состояние, Сергей просто назвал её симулянткой в своей обычной манере безобидно подтрунивать. Когда он произнёс это слово, она ощутила в полной мере, что жизнь к ней вернулась и дальше будет счастье.

Один раз, уже на исходе суток, их уединение было прервано — пришла Вера с плохой новостью: Баруха ранило, он переправлен в киевский госпиталь.

— Есть деньги для поездки в Киев? — сразу спросил Сергей.

— Хватит, — ответила Вера.

— Тогда не теряй времени, — сказала Ксения. — Поезжай. Изольду нам отдашь.

— А я хотела с ней... — начала было Вера.

— Не говори глупостей, — оборвала её Ксения. — Перед дорогой завезёшь дочку. Она ко мне привыкла. Кстати, залогом будет.

— Каким залогом? — не поняла Вера.

— Что вернёшься.

— А куда я денусь?

— В Москву, родная. В Москву! Там у Баруха семья. Мать, сестра... Что тебе в этом городе? Твои в Сталино войну не пережили, царствие им небесное. Я сама хочу уехать, мне здесь больше ловить нечего.

— Ого! — сказал Сергей. — Впервые слышу. И куда?

— Туда же, в столицу. Тебя здесь что-то держит? Особенно после отъезда Изольды Ильиничны. Вот она уехала. У неё хватило ума.

Вера молчала, как бы взвешивая идею Ксении о переезде в Москву.

— Ксюш. А я об этом даже не думала.

— А почему?

— Дура потому что. Но тогда, — она помолчала, — я Изольду сейчас заберу.

Ксения покачала головой.

— Не торопись. Ты не знаешь, в каком состоянии Барух. Может, не дай бог, его склеивать надо по частям. Не до Изы тебе будет. А у нас с гарантией. После Москвы приедешь за ней и забереешь уже туда.

— Не спеши выдёргивать Баруха из госпиталя, — сказал Сергей. — Им там лучше знать, держать его или нет. Если надо задержаться, телеграфируй, деньги вышлем сразу. Не экономь. Подкармливай мужа. И помни, у тебя здесь друзья, они всегда выручат.

Вера легко нашла госпиталь Баруха, обратившись в первый попавшийся военкомат и показав его письмо с обратным адресом. Киевские трамваи уже ходили, и нужный ей доставил её прямо к воротам здания. Её провели в кабинет Главврача, и он, усадив Веру за стол напротив, сказал ей буквально следующее:

— Ваш муж идёт на поправку, но есть одно мешающее быстрому выздоровлению обстоятельство. Это его плохое психологическое состояние. (Слово «менталитет» было тогда незнакомо.) Дело в том, что он был ранен в спину, но не при отступлении, а во время атаки.

Вера побледнела. Она вспомнила своего первого мужа. Он тоже был ранен в спину во время атаки. И он тоже был евреем. Но промолчала, а врач ничего не заметил.

— Мы рассчитываем на ваше влияние, — продолжал он. — просто потому, что он ни на что не реагирует. Лежит, отвернувшись к стенке,

и медсестра порой с огромным трудом уговаривает, а чаще всего безуспешно, проделать ту или иную процедуру.

— А как он узнал?

— Врач извлёк пулю в тот момент, когда он пришёл в себя после наркоза.

— Что-то быстро он в себя пришёл.

— Это уже детали. Зависит от организма, — отмахнулся врач. — Кто-то спит, не добудишься, а другому двойная доза нужна. В общем, он услышал, как хирург сказал: «А пуля-то русская. Наверняка анти-семит стрелял».

Вера хотела рассказать, через что прошёл её второй муж. А потом решила не метать бисер.

— Где он сейчас?

— Сейчас он в парке. Одну минуточку, — остановил он Веру. — Буквально два слова. Не будь у него наград, то можно было бы подумать, что он отлынивает. Но война фактически закончилась. Мы у врат Берлина, Вену взяли почти месяц назад... За время реабилитации война уйдёт в историю. Это очень похоже на нежелание жить. Вся надежда на вас.

Она нашла его неподвижно сидящим на скамейке. Барух подставил лицо апрельскому солнцу. Подошла сзади и закрыла ему глаза ладонями. Он не дёрнулся, продолжал сидеть неподвижно. Потом сказал:

— Наконец-то, Вера! Теперь можно жить.

— Теперь будешь жить, родной, — она обошла скамейку и села рядом с ним.

Через десять минут разговора и поцелуев вышли на будущие планы и выяснили, что они совпадают в главном — уехать из Бердичева. Куда? Тоже не возникало сомнения — в Москву! Там родные люди. Конечно, нельзя сваливаться им как снег на голову. Прежде всего надо предупредить и посмотреть на их реакцию.

— Для начала надо написать письмо, — сказала Вера.

— Не надо, — возразил Барух. — Им телефон поставили. Яков — ценный специалист в какой-то там физике, удостоился телефона. Скоро должен получить квартиру в каком-то особом доме. Не знаю, как всё это называется. В общем, можно звонить, я знаю номер. И если всё получится, мы вдвоём поедem за Изольдой. Заодно уже простимся с Ксенией и её мужем.

— Она тоже хочет уехать. И тоже в Москву. Димка женился на москвичке, кстати, Герой Советского Союза...

— Никогда в нём не сомневался, — улыбнулся Барух.

— В общем, у Ксении появился шанс зацепиться за столицу. Она никогда об этом не говорила, даже не намекала... Но она не идиотка упускать такой шанс. Тем более что Бердичев после еврейской катастрофы просто возненавидела. Она, кстати, говорила, что Мария живёт в Марьиной роще. Это еврейский район.

— И что?

— А то, что я там сделаю гиюр. Ты говорил, что тебе всё равно. А я не хочу быть ни украинкой, ни русской после выстрелов в спину обоим мужьям только за то, что они евреи. У меня Бердичев — вот где, — она постучала ребром ладони по горлу. — Хочу теперь, чтобы меня считали еврейкой. И говорили мне в спину — жидовка.

Барух помолчал, склонив голову перед решением жены. Он знал, что эта женщина не передумает. Тихо сказал:

— Мне кажется, я знаю ответ на вопрос, почему нас так мало?

— Вас убивали, какой тут секрет. Я это знаю от твоей матери.

— Да. Но посмотри на индусов, на китайцев... По возрасту наши народы равны. Их сотни миллионов, а нас и двух десятков не наберётся. А знаешь, почему? У азиатов не было соседей-христиан. Вот тебе ответ.

Баруха выписали из госпиталя через три дня. Пошли навстречу Вере и дали ему напоследок отдельную палату. Даже на довольствие её поставили. Доктор сказал, что никогда ещё не встречал такого целителя как Вера — её муж преобразился у всех буквально на глазах. Стало ясно, что этот человек теперь хочет жить! За это время она оформила проездные документы до Москвы. С доплатой получила два билета в купейный вагон, и они без приключения доехали до столицы меньше чем за сутки. Он позвонил матери, только когда нашёл телефон-автомат рядом с Киевским вокзалом. Не хотел никаких встреч на вокзале. Не хотел слёз на людях. Знал, что мать станет рыдать, пусть лучше делает это дома, когда вокруг только свои.

Когда все радостно отплакались, сели за стол, хотя время было не обеденное, но такова была традиция — за столом обсуждать все проблемы. С ночёвкой сразу повезло — Ульяна, та самая, что готовилась к приходу немцев четыре года назад, уехала к своему мужу и оставила ключи от комнаты с разрешением занимать её на ночь за весьма умеренную плату. Уже завтра Мария пойдёт в милицию и пропишет своего сына (благо все документы, подтверждающие родство, есть), а заодно и свою сноху с ребёнком. Если с пропиской Веры выйдет заминка, то они отложат до её возвращения из Бердичева, откуда она выпишется,

вместе с Изольдой. Яков должен получить квартиру. Он туда уедет вместе с Тамар и Рафиком, достаточно бойким пацаном, уже успевшим посидеть на коленях своего дяди и тётки Веры.

В этот момент они услышали знакомый голос Левитана, возвещающего о победе над фашистской Германией. Дружно решили, что пойдут на Красную площадь и будут гулять по ней вместе со всем народом. Жизнь, поверили они, возвращается.

Но Барух твёрдо решил поехать за дочерью вместе с Верой. Ему так спокойней, да и передать надо Ксении кое-что. Конечно, Вера тоже сможет это сделать, но с ним будет надёжней в том плане, что это «кое-что» всё же останется у её старшей подруги. Вера может уступить и привезти это «кое-что» обратно. А это совершенно не входило в планы Марии. Она, кстати, обрадовалась решению Веры стать еврейкой. Обещала, что всё будет сделано согласно законам и обычаям её народа.

— Менора! — вскрикнула Вера, увидев серебряную менору, стоящую на комодe в спальне Ксении. — Решила вытащить.

— Немцев уже нет и никогда... — усмехнулась Ксения. — Чего бояться?

— В ней больше двух килограммов серебра, плюс работа, плюс возраст. Власть увидит, конфискует. Вот её и бойся. У неё не заржавеет. Свечи зажигала?

— Я не еврейка. И это не моё. Я бы её отдала, но не властям. А в нашем городе некому. Ты, Вера, возьми её. Передашь Марии. Пусть отдаст... Ой! Да кто я такая, чтоб ей давать указания! Сама решит, что с ней делать.

— Ксюш! — понизила голос Вера. — Золото не будем трогать? — Нет, — как отрезала Ксения. — Я думала о нём. В колодезь никто не полезет, он забит и его, скорее всего, просто закопают. Оставим его археологам.

В дверь спальни осторожно постучали.

— Женщины! — услышали они голос Баруха. — Хватит секретничать. Давайте к столу. Мы заждались.

— Идём, идём, — ответила Вера. — Ты зайди сюда на минутку.

Барух вошёл в спальню и даже присвистнул, увидев менору.

— О! Знакомая вещица. Откуда она у тебя?

— Ребе передал перед смертью. Вот теперь не знаю, кому отдать. Считаю, никого не осталось.

— А давай мы заберём, матери отдадим, — сказал Барух. Он был доволен, что ему удалось незаметно для Ксении положить «кое-что» на

полку в той комнате, где он лежал после ранения. Он знал, что Ксения ни за что не примет этого подарка от Марии. Потому мать категорически настаивала на том, чтобы он сделал это незаметно. Золотой кулон будет найден Ксенией после их отъезда в Москву.

— У нас с тобой совпадение в мыслях, Барух. Думаю, так и сделаем, — подвела итог Ксения. — Пошли. Поднимем чарку за победу и за моего сына. Боюсь, не скоро увижу. Оставили его в Австрии. Назначили комендантом города. Вызвал к себе жену с сыном.

Они вышли из спальни в столовую, где за столом сидели муж Ксении Сергей, Марина — неизменная медсестра, на коленях которой сидела крохотная Изольда, чьё имя всегда будет служить напоминанием о старейшине этого близкого круга друзей.

На этом можно закончить историю Веры, Баруха и Марии. С ними ничего плохого не случится. Когда у них появился шанс уехать в Израиль, они не колебались ни секунды. Именно в Израиль и никуда больше.

В городе открылись какие-то магазины с очень скудным выбором товаров. Введены были карточки, по которым можно было отоварить хлеб гораздо более высокого качества, чем при немцах. Начал выдавать свою традиционную продукцию Бердичевский пивзавод, и бессмертная Параскевна заняла своё место за пивной бочкой с её знаменитым на весь Бердичев высказыванием: «Сегодня пиво не разбавляла, буду недоливать». Что не менялось, так это положение Ксении — никто её не сменил. А бросить детей она не могла — приросла к ним. Снабжался детдом регулярно, зарплата тоже платилась без задержки Марине, самой Ксении и Игнату с его неизменной белой кобылой. Пережила оккупацию, не пустили её на мясо. Надо признать, что наибольшая опасность подстерегала её, когда она появлялась в партизанском отряде. Игнат обладал, можно сказать, звериным чутьём и потому ни разу не налетал ни на одну полицейскую засаду. А когда добирался до отряда, то стремился как можно скорее смыться оттуда, ибо голодные взгляды партизан не сулили ничего доброго его кобыле. Но хватит об этом. Не о кобыле роман.

Читатель, я чувствую, уже начал уставать от сиропа, обильно разлитого на последних страницах книги. Всё так гладко до приторности. А чего? Война закончилась, кто остался жив, тому суждена долгая жизнь. Что, собственно, может угрожать моим героям? Но кажется, только в России существует поговорка подобного рода: от тюрьмы да от сумы не зарекайся. Читатель также уже забыл о майоре с голубыми

погонами, исправно записавшем показания Ксении. Она о нём тоже забыла, а вот он её — нет. И это самое главное.

Ксению арестовали, когда она шла с работы. Настроение у неё было хорошим — в детдоме всё в порядке, во вновь открывшемся ГоРОНО обещали, наконец, найти ей замену и даже подыскать работу в каком-нибудь вновь созданном детском учреждении, с учётом её опыта. Она думала, как обрадуется за неё Сергей, который очень быстро получил прежнюю должность заведующего женской консультацией. Жизнь определённо налаживалась. Выдали карточки на весь состав детдома. Единственно, что грызло Ксению, так это отсутствие Димы — просто очень по нему соскучилась, и хотелось взглянуть на его жену. Фотографии фотографиями, а лучше живого лица природа ещё не придумала. Не вечно же наши будут стоять в Австрии. Определят её статус и уйдут. Авось её будет ждать не судьба Польши, Венгрии, Чехословакии и прочих задворков Европы, которые Советам удалось захватить. Увидит она сына, Ксения в это верила.

Её хорошее настроение было испоганено гнусными звуками тор-моза машины рядом с ней. Из неё вышли двое в штатском и подошли к остановившейся Ксении с двух сторон. — Гражданка Вадимова? — надтреснутым голосом спросил один из них.

— Чего надо? — сразу ошетибилась Ксения. Она сразу поняла, что эти двое не с добрыми намерениями подошли к ней. Её кулаки сжались непроизвольно. Она не собиралась овечкой идти с ними на заклание. Женщину, выжившую в Голодомор, напугать трудно. И её не пугало даже избиение. На улице не посмеют, а что они будут делать с ней в здании МГБ, её не волновало. Поискала глазами камень на дороге. Такой, чтоб можно было схватить одной рукой и врезать по роже любому из них. Не было! Придётся когтями царапать морды. Вспомнила свою первую любовь. Его бы сейчас сюда, ей в помощь. Он бы раскидал этих опричников как котят беспомощных. Но на нет и суда нет.

Офицеры поняли, что женщина может учинить скандал на улице, привлечь ненужное им внимание прохожих. Перестроились на ходу.

— Нужно поговорить, — примирительным тоном сказал один из них.

— Говорите, — неуступчиво сказала Ксения. — С вами не поеду. Не дождётесь. Стреляйте меня, если хотите. Пусть все видят!

Впервые в их практике арестуемый вёл себя так. Они привыкли к покорному молчанию, к недоуменным вопросам, даже к заявлениям, обращённым непонятно к кому — к ним, к стенам, к присутствующим

при аресте родственникам — в общем, к пустому сотрясанию воздуха. Но эта женщина, красивая, кстати сказать, несмотря на её совсем не юный возраст, совершенно не вписывалась в каноны ареста. Агент с надтреснутым голосом достал из кармана пиджака бумагу и протянул её Ксении.

— Вот, почитайте, — сказал он. — Ордер на ваш арест.

— За что? — Ксения не протянула руку из опасения, что он схватит её.

— За сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами, — пояснил второй агент.

— Как... какое сотрудничество? — Ксения была явно ошарашена.

— Поезжайте с нами, там и объясните, что это недоразумение, — открыл дверцу машины агент с надтреснутым голосом.

— Нет, — опять ошарашила их Ксения. — Сначала я позвоню мужу. Там наверняка найдётся телефон, — она указала на сравнительно большое здание с вывеской какого-то официального учреждения. Ксения даже не вчитывалась, что это за контора. — Вы мне поможете с телефоном, — сказала она, не сомневаясь в их возможности завладеть аппаратом в любом месте.

— Сергей, — сказала она, прижимая трубку к уху и делая знак агентам отойти в сторону. Они, естественно, не подчинились. И чёрт бы с ними! — Я арестована.

— За что? — спокойно спросил он.

— Они показали бумагу. За сотрудничество с немцами.

— Ого! Я, конечно, большой оптимист в отношении Совдепии, но даже я не думал, что так обернётся. Ты откуда звонишь?

— Какая-то контора. Они рядом стоят.

— Не сбежишь, одним словом. Сегодня не придёшь, я завтра пишу Диме, пусть начинает сражение за тебя.

— При чём тут Дима? Может, не надо его втягивать?

— При том, что он Герой Советского Союза и наш сын. Других рычагов у нас нет. Теперь насчёт сегодня. Я буду на работе до одиннадцати — ждать твоего звонка. Потом пойду домой. Ещё что-то?

— Нет, — сказала она и повесила трубку. Повернулась к агентам и сказала:

— Поехали.

По дороге она рассказала агентам, в чём состояло её сотрудничество. Оба молчали, но было видно, что они слушают. Машина заехала

во двор здания, и один из агентов вышел из машины, вошёл внутрь и через некоторое время позвал их обоих. Второй агент вылез из машины и потянул за собой Ксению. Когда она вылезла из машины, то увидела регистраторшу из ЗАГСа. Её вели по двору под охраной. Их взгляды встретились, и регистраторша в этот раз признала Ксению. Слабо кивнула. Ксения на мгновение подумала, что это регистраторша виновата в её аресте, но потом отбросила эту мысль как ни с чем не сообразную.

Её не стали принимать, как принимают арестованных: ни вопросов, ни снятия отпечатков пальцев, ни телесного досмотра, когда раздевают догола и, нагнув, приказывают раздвинуть ягодицы, а сразу провели внутрь и, проведя по коридору, подвели к двери с надписью: «Следователь м-р...» Фамилию Ксения не стала даже разглядывать. Она была удивлена краткостью процедуры, не догадывалась, что её ещё не держали за арестованную по той причине, что следователи, выслушав её рассказ, решили, что сейчас всё разъяснится и её отправят домой. Один из них попытался объяснить начальнику, что это просто недопонимание, но тот приказал привести её к нему в кабинет без необходимых формальностей. Он разберётся. Следователь постучал, услышал в ответ «Вводите» и открыл дверь. Ксения вошла вслед за ним и увидела, что за столом сидит майор, перед ним раскрытая папка, чернильный прибор, настольная лампа, графин с водой и стаканом, сзади зарешечённое окно под потолком, вделанное в толстую стену, под ним портрет её любимого Сталина, перед столом табуретка. Для неё. Майор не встал, но она поняла, что он явно невысок ростом.

— Садитесь, — пригласил он, указав на табуретку.

Ксения приняла приглашение и уставилась на майора. Будет молчать, решила она, поиграю в молчанку. Не стану задавать вопросов, почему я здесь.

— Фамилия, — начал стандартную процедуру майор.

После её окончания он зачитал обвинительное заключение, суть которого сводилась к тому, что она, Ксения Вадимова, вступила в преступный сговор с оккупационными властями Германии и получала от них в течение всей оккупации продовольствие.

— Это всё? — удивлённо спросила она.

— Вам мало? — тоже удивился майор.

— Не вижу преступления. Я же не себе получала продовольствие. А хотя бы и себе. Но я кормила детей! Они бы погибли от голода без этих харчей.

— Да лучше б эти выблядки сдохли, чем ты под немцев подстилась.

Ксения сначала даже не поняла смысл сказанного майором. Когда до неё стало доходить, она даже закрыла глаза и вдруг увидела мальчика из её деревни. Кажется, его звали Митя. Он стоял возле дома родителей и протягивал руку. Мальчику было не больше семи-восьми лет. Его голова распухла и оставляла впечатление лысой, непонятно было, как она удерживалась на тонкой шее, а бесцветные глаза выкатились из орбит, в их уголках сидели мухи, выделялся надутый животик, торчащий из рваной серой кофты... Мальчик доходил от голода и в тщетной надежде протягивал руки к проходящим, в данном случае к Ксении, которая ничего не могла дать ему, ибо сама доходила от голода. Она тогда шла в сельсовет по поводу похорон её отца. Не в силах выносить это зрелище, она ускорила шаги, понимая, что эта картина теперь навсегда останется в памяти. Открыв глаза, она увидела сытого майора, уверенного в своей правоте безнаказанно казнить человека, попавшего в его мохнатые лапы.

— Ах ты паук, — сказала она. И вдруг на неё накатила такая же злоба к этому подобию человека, какую она испытывала к изнасиловавшему её в те далёкие годы. С каким бы наслаждением она его убила. Ксения, уже вставая, знала, что она сейчас будет делать. Она бросилась к столу и схватила графин с водой. Швырнула в майора и промазала — майор увернулся. Как она пожалела в ту секунду, что нет у неё таланта сына без промаха разить любую цель. Вслед полетел пустой гранёный стакан — и тоже мимо. Чернильницу ждала та же участь — расплёскивая в полёте чернила, пролетела мимо. А ведь майор был совсем рядом. Он умел отклоняться. Она схватила лампу — шнур помешал ей бросить её в цель. Майор уже нажал кнопку под столом для вызова костоломов. По счастью для Ксении, у него не было оружия при себе — ТТ лежал в ящике стола. Он просто не ожидал такой безумной реакции, иначе б... Он не пострадал из-за своего умения изворачиваться.

Они вообще не пострадали, когда били, насиловали, морили голодом или жаждой, вырывали ногти... Нет, невозможно перечислять все их приёмы. Замечу только, что каждый писатель, посвятивший этой теме свой рассказ, повесть, роман, очерк вносил свою долю в разнообразие пыточных приёмов, используемых для получения нужных палачам признаний. И при этом они никак не пострадали. Не пострадал и майор. Когда Ксению схватили за руки, он подскочил к ней и начал

бить женщину. Он бы забил её, затоптал, мстя за свой испуг, если бы не его коллега с надтреснутым голосом. Он вошёл в кабинет вместе с костолами и видя, во что может вылиться избиение, буквально засло-нил Ксению своим телом. Он проникся симпатией к этой женщине, за-уважал её за совершённое ею во время оккупации и за то, как она вела себя при аресте. Ксения была избита до потери сознания, лицо рас-пухло от синяков и кровоподтёков, но самое главное, что она осталась жива. Её бросили в камеру, где о ней позаботились: привели в чувство, наложили компрессы на лицо и тело, положили на нары, а не запихали под них, поскольку новенькая и не уголовница, напоили горячим, по ложечке вливали, как когда-то после пережитого ею голода это делали Мария, Вера, муж... Сокамерницы уже получили по своей почте сведе-ния об этой женщине и сразу уважали её.

— Ты бы уgomонил своих нукеров, Лаврентий Палыч. Хватают не-винных и держат в тюрьме непонятно за что, — с места в карьер начал своё выступление Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Мали-новский. Он сел в кресло напротив Министра Госбезопасности Лаврен-тия Павловича Берия и начал доставать из папки листки.

— А можно поподробней? — сказал Берия.

— С этим и пришёл. Короче, ко мне на приём, когда я был ещё в Ав-стрии, пробился майор Дмитрий Вадимов. Как он вышел на меня, ми-нуя всех моих адъютантов, помощников, заместителей, я до сих пор не понимаю. Но он это сделал. Тут надо заметить, что ему помогло звание Героя Советского Союза, иначе б он никогда меня не увидел. В общем, рассматривай это как чудо. Так я смотрю. Он пришёл ко мне с жалобой на твоих людей. Я бы не стал заниматься этим делом. Но уж больно оно вопиющее.

— Что же вопиющего в его деле? — с некоторой заинтересованно-стью спросил Берия. Он понимал, что сам Маршал никогда бы не по-тревожил его, будь это дело хоть в чём-то заурядное. Но уж если мар-шал, под началом которого армии, и не одна, принял участие в деле какого-то паршивого майора, будь он трижды Герой Советского Союза, значит это дело действительно заслуживает внимания.

— Вопиющим является арест его матери за сотрудничество с нем-цами.

— Ну и что? Мы сейчас разыскиваем пособников по всей стране и судим их. Их тысячи! Не понял я, Родион Яковлевич. Что вопиюще-го? Какие такие особенности?

— А особенности в том, что твои люди арестовали его мать за спасение восемнадцати малолетних граждан нашей страны. Она организовала детдом в Бердичеве как раз, когда туда вошли немцы. И уговорила немцев кормить этих детей. Как она это сделала — понятия не имею. Но уговорила! И она кормила будущих граждан нашей страны все эти три года, пока Бердичев был под немцами. Не знаю, как ты, Лаврентий Палыч, но считаю, что это подвиг. Кстати, она и партизан подкармливала. Но это уже попутно.

— Ты хочешь сказать, Родион Яковлевич, что вместо того, чтобы женщину представить к званию Матери-героини, её посадили в тюрьму?

— Да, — обрубил Маршал.

— Честно признаюсь, с твоих слов я не вижу состава преступления в её действиях. Давай бумаги, — Берия протянул руку, не вставая из-за стола.

— Ты меня прости, Лаврентий Палыч, но я знаю, что ты сейчас очень занят, особенно после окончания войны. Ты, что вполне естественно, можешь забыть о ней в твоём положении. А я еду на Дальний Восток и буду обратно весьма и весьма нескоро. Надеюсь, догадываешься о цели моей поездки. Прошу тебя, сними трубку, позвони. Вот её данные, — маршал протянул Берии листок.

— Бердичев мне, — сказал Берия, сняв трубку. — Скажите, кто там у руля? — через короткое время получил ответ. — Подполковник Бородянин? Хорошо. Свяжите меня с ним.

Он обождал ещё пару минут. Они это время провели в молчании.

— Подполковник Бородянин? Это Берия. Узнал? Это хорошо. Слушай приказ, подполковник. Там у тебя арестованная... Сейчас... Вадинова Ксения Петровна. Так вот. Сегодня же, в крайнем случае не позже, чем завтра утром, она должна быть на свободе. И чтоб к ней не было в будущем никаких претензий. Ясен приказ? Выполняй. Доложишь, — Берия повесил трубку и посмотрел на маршала. — Ты доволен, Родион Яковлевич?

— Да, — маршал встал. — Майора извещать не надо. Мать знает его адрес. Спасибо тебе, Лаврентий Палыч. Правильное дело сделали.

Когда Сергей получил телеграмму от Дмитрия, что он добился приёма у маршала, который едет в Москву и обещал ему принять участие в судьбе матери, он взял отпуск за свой счёт и начал приходить к зданию МГБ как на работу. Садился на ту же скамейку, на которой сидела

Вера в бесполезном ожидании её мужа, что напротив выхода из здания, и ожидал, думая о том, что жизнь его жены сегодня зависит от построения маршала, о котором он ничего не знает. Не Жуков, не Рокоссовский... Его имя не гремит. Но выбирать не приходится, надо лопать что дают. Маршал, значит по крайней мере вхож... А Дима молодец. Пробриться к маршалу — это надо уметь.

Его дежурство не осталось незамеченным Параскевной, занявшей то же место, что и до войны.

— Что, болезный, — обратилась она к нему. — Ждёшь, когда выпустят жену, небось. Не жди, эти не выпускают. У немцев я пару раз видела, как выходили люди. А у этих на моей памяти ни один не вышел. Как тебя звать-то? Ведь сидеть-то ты будешь долго. Можем и познакомиться. Пиво стану отпускать вне очереди. Меня Параскевной зовут, а тебя?

— Сергей Николаевич, — неохотно ответил Сергей. Подумал, что в эту жару придётся прибегнуть к её помощи, чтобы утолить жажду. Но, кстати, сходить в это помещение не мешает. Может, он хоть что-то узнает. По крайней мере «десять лет без права переписки», как это было в приснопамятные годы, Ксюше не грозит. И не надо ждать — сегодня же пойду. Сейчас!..

Он встал со скамейки и пошёл было к зданию, как вдруг отворилась дверь подъезда, и из зловещего дома вышла его жена. Одна вышла, без какого-либо конвоя. Свободная! Он бросился к ней. Не обращая внимания на уже сходящие с её лица кровоподтёки и синяки, обхватил её и стал истоиво целовать.

— Наконец-то, Ксюша! — единственно, что он мог сказать. Это был момент их счастья, равный по силе моменту его прихода с фронта. В их уединение влез пронзительный голос Параскевны:

— Ксюха! Ты ли это? Оттуда и живая!..

— Здравствуй, Параскевна, — Ксения отлипла от мужа. — Ты тоже живая. Поздравляю.

— Пивка налить? Полную налью, хоть и не разбавляла.

— Мне и мужу, — отозвалась Ксения. — Надеюсь, послевоенное не хуже довоенного. — Цыть, — рявкнула торговка на очередь. — Человек из могилы вышел, а вы тут... Права качаете.

Она наполнила кружки и передала их счастливой паре.

— Она у меня Диму принимала, — вполголоса сказала Ксения, беря кружку, и с наслаждением отпила пенящийся напиток.

— Это он тебя вытащил,— тоже тихо ответил Сергей и припал к кружке. Полез было в карман за деньгами, но торговка только небрежно махнула рукой.

— Уедем отсюда, Серёженька, не смогу я здесь больше,— прошептала она.

ОБ АВТОРЕ

Роман Солодов родился в СССР во время войны. В школьные годы учился в суворовском училище, но был исключён за строптивость. Трудовую деятельность начал слесарем-водопроводчиком. Поступил в МАИ, закончил, работал инженером на п.я., потом на телевидении. На телевидении впервые попробовал себя в литературном жанре—начал писать сценарии передач. Поступил во ВГИК в 1971 году.

Написал более 40 сценариев научно-популярных короткометражек и двух художественных фильмов. Был принят в Союз кинематографистов. Во время перестройки написал сценарий полнометражного документального фильма о коллективизации «И ничего, живём».

В 1991 году, поняв окончательно, что в России ничего хорошего не будет, уехал в Штаты, потеряв гражданство. Выступал на «Радио Свобода» с научно-популярными передачами. Получил медицинскую профессию и проработал в госпитале почти двадцать лет технологом радиоизотопной медицины.

Одновременно стал писать прозу. Рассказы публиковались в русскоязычных журналах. Три романа: «Россиянка Дженнифер», «Белая кость» и «Время откровений» были изданы в России. Предлагаемый вниманию читателей роман «Леди Оксана» является продолжением романа «Белая Кость».

Франц КАФКА

АФОРИЗМЫ

К 140-летию со дня рождения писателя

Франц Ка́фка — родившийся 3 июля 1883 года в еврейской семье — немецкоязычный писатель, широко признаваемый как одна из ключевых фигур литературы XX века. Большая часть работ писателя была опубликована посмертно.

Его произведения, пронизанные абсурдом и страхом перед внешним миром и высшим авторитетом, способные пробуждать в читателе соответствующие тревожные чувства, объединяют в себе элементы реализма и фантастического и, как правило, повествуют о человеке, сталкиваемом с причудливыми или сюрреалистическими трудностями и непонятными социальными бюрократическими силами. Заглавные и превалирующие кафкианские мотивы: темы отчуждения, экзистенциального беспокойства, вины и абсурда.

Среди его наиболее известных работ — «Превращение», «Процесс» и «Замок».

Перед вами — подборка афоризмов Франца Кафки, созданных в сентябре 1917 — апреле 1918 годов. Составлена Максом Бродом в 1931 году на основе дневников Кафки.

- Истинный путь идёт по канату, который натянут не высоко, а над самой землёй. Он предназначен, кажется, больше для того, чтобы о него спотыкаться, чем для того, чтобы идти по нему.
- Все человеческие ошибки суть нетерпение, преждевременный отказ от методичности, мнимая сосредоточенность на мнимом деле.
- Многие тени усопших заняты только тем, что лизут волны реки смерти, потому что она течёт от нас и ещё сохраняет солёный вкус нашего моря. От отвращения река эта вздымается, начина-

ет течь вспять и несёт мёртвых назад в жизнь. А они счастливы, поют благодарственные песни и глядят возмущённую реку.

- Начиная с определённой точки, возврат уже невозможен. Этой точки надо достичь.
- Один из самых действенных соблазнов зла — призыв к борьбе. Она — как борьба с женщинами, которая заканчивается в постели.
- Различие взглядов, какие могут быть, скажем, на яблоко: взгляд малыша, которому надо вытянуть шею, чтобы только увидеть яблоко на доске стола, и взгляд хозяина дома, который берёт яблоко и без труда подаёт его сотрапезнику.
- Первый признак начала познания — желание умереть. Эта жизнь кажется невыносимой, другая — недостижимой. Уже не стыдишься, что хочешь умереть; просишь, чтобы тебя перевели из старой камеры, которую ты ненавидишь, в новую, которую ты только ещё начнёшь ненавидеть. Сказывается тут и остаток веры, что во время пути случайно пройдёт по коридору главный, посмотрит на узника и скажет: «Этого не запирайте больше. Я беру его к себе».
- Клетка пошла искать птицу.
- Если бы возможно было построить Вавилонскую башню, не взбираясь на неё, это было бы позволено.
- Не позволяй злу уверить тебя, что у тебя могут быть тайны от него.
- Понять, какое это счастье, что почва, на которой ты стоишь, не может быть больше, чем способны покрыть две твои ступни.
- Как можно радоваться миру? Разве только если убегаешь в него.
- Укрытиям нет числа, спасение лишь в одном, но возможностей спасения опять-таки столько же, сколько укрытий. Есть цель, но нет пути; то, что мы называли путём, — это промедление.
- Стоит лишь впустить в себя зло, как оно уже не требует, чтобы ему верили.
- Мученики не недооценивают тела, они стараются возвысить его на кресте. В этом они едины со своими противниками.
- Некто удивлялся тому, как легко ему идти путём вечности; а он стремглав нёсся по этому пути вниз.
- Путь бесконечен, тут ничего не убавишь, ничего не прибавишь, и всё же каждый прикладывает к нему свой детский аршин. «Конечно, ты должен пройти ещё этот аршин пути, это тебе зачтётся».
- Смешно оснастил себя ты для этого мира.

- Им было предоставлено на выбор стать царями или гонцами царей. По-детски все захотели стать гонцами. Поэтому налицо одни гонцы, они носятся по миру и за отсутствием царей сами сообщают другу другу вести, которые стали бессмысленны. Они бы рады покончить со своей несчастной жизнью, но не осмеляются из-за присяги.
- Верить в прогресс не значит верить, что прогресс уже состоялся. Это не было бы верой.
- Человек не может жить без постоянного доверия к чему-то нерушимому в себе, причём и это нерушимое, и это доверие могут долго оставаться для него скрыты. Одно из проявлений этой скрытости — вера в личного бога.
- В борьбе между тобой и миром будь секундантом мира.
- Лгут меньше всего, когда меньше всего лгут, а не тогда, когда для этого меньше всего поводов.
- Изгнание из рая в главной своей части вечно. То есть хотя изгнание из рая окончательно и жизнь в мире неминуема, однако вечность этого процесса (или, выражаясь временными категориями, — вечная повторяемость этого процесса) даёт нам всё же возможность не только надолго оставаться в раю, но и в самом деле там находиться, независимо от того, знаем ли мы это здесь или нет.
- Теоретически существует полнейшая возможность счастья: верить в нечто нерушимое в себе и не стремиться к нему.
- Он жрёт отбросы с собственного стола; благодаря этому он, правда, какое-то время более сыт, чем все, но он отучается есть сидя за столом; а из-за этого потом перестают поступать и отбросы.
- Проверь себя на человечестве. Сомневающегося оно заставляет сомневаться, верящего — верить.
- Общение с людьми совращает к самоанализу.
- Вера — это топор гильотины, так же тяжела, так же легка.
- Первое идолопоклонство было, конечно, страхом перед вещами, а в связи с этим — страхом перед необходимостью вещей, а в связи с этим — страхом перед ответственностью за вещи. Ответственность эта казалась такой чудовищной, что её не осмеливались возложить даже на какое-то единичное внечеловеческое существо, ибо и посредничество какого-то существа ещё не облегчило бы человеческую ответственность в достаточной степени, общение только с одним существом было бы ещё слишком

отягощено ответственностью, поэтому на каждую вещь возложили ответственность за себя самое, более того, на эти вещи возложили ещё и относительную ответственность за человека.

- Может быть знание о дьявольщине, но не может быть веры в неё, ибо больше дьявольщины, чем налицо, не бывает.
- Ты можешь отстраняться от страданий мира, это тебе разрешается и соответствует твоей природе, но, быть может, как раз это отстранение и есть единственное страдание, которого ты мог бы избежать.
- Смирение даёт каждому, даже отчаявшемуся от одиночества, сильнейшую связь с ближним, причём немедленно, правда, только при полном и долгом смирении. Оно способно на это потому, что оно есть истинный язык молитвы, поклонение и теснейшая связь одновременно. Отношение к ближнему — это отношение молитвы, отношение к себе — это отношение стремления, из молитвы черпается сила для стремления.
- Можешь ли ты знать что-либо иное, кроме обмана? Ведь стоит уничтожить обман, как тебе нельзя будет глядеть ни на что, а то превратишься в соляной столп.

* * *

Я хотел представить афоризмы Кафки как отдельную область его творчества. <...> В них Кафка делает упор на «неразрушимое» в человеке, на веру и доверие к Господу. В прозе Кафки, с другой стороны, выражаются его сомнения и неуверенность. В больших творениях он показывает, как человек теряется и сбивается с пути. В афоризмах он, напротив, выражает мысль, что человек не может запутаться и что путь его определён. Конечно, мы не можем искусственно разделить два видения, которые одновременно выражал Кафка. <...> Можно сказать, что Кафка в своих афоризмах скорее помощник и учитель, тогда как в своих рассказах и новеллах он больше жертва сомнений и мучительных раздумий.

Макс Брод

Фурио БОРДОН

ПОСЛЕДНИЕ ЛУНЫ

1

Небольшая комната с единственным окном, в которое видны деревья городского бульвара. Должно быть, когда-то в этой комнате жили дети, поскольку светлые стены украшены цветными наклейками с изображением диснеевских персонажей: Пиппо, Плуту, Паперина, Дональда Дака, а также остальных членов многочисленного семейства.* Их забавные рожицы, огромные озорные глаза, улыбки от уха до уха, яркие краски костюмов абсолютно не вяжутся с массивной тёмной мебелью, отражающей вкусы далеко немолодого человека, и, особенно, с музыкой Баха, льющейся из стереопроеигрывателя и заполняющей комнату своим суровым дыханием.

В комнате царит щемящая душу атмосфера, словно эти стены вот-вот будут покинуты навсегда. Покрывало и простыня сняты с кровати, толстый шерстяной матрас скатан к изголовью, обнажив пружинную сетку. Вдоль стены выстроились стопки книг, перевязанных шпагатом, рядом большая картонная коробка, куда, вероятно, сложено содержимое прикроватной тумбочки, стоящей с открытой дверцей. Шкаф распахнут, позволяя рассмотреть болтающиеся в его пустоте вешалки. Снятая с них одежда кучкой лежит на кровати на сетке, рядом с матрасом. На полу открытый пустой чемодан, заставляющий думать о неизбежном отъезде.

В комнате — человек. Он очень стар. На нём поношенный тёмно-серый кардиган, белая рубашка со слишком широким воротником, синий галстук, блестящий от многочисленных чисток. Чёрные туфли тяжёлые, отчего его высохшие от старости лодыжки кажутся трогательными и беззащитными.

* Популярные герои диснеевских комиксов

Старик сидит в кресле перед окном и слушает музыку, наблюдая за блёклым осенним закатом. Он слушает музыку и размышляет.

Внезапно его губы едва заметно шевельнулись, словно он заговорил сам с собой.

— Тебе нравится? — спрашивает он.

— Очень, — отвечает ему голос его жены. — Это ведь Бах, да?

— Да, минорная месса.

— Агнус Дей.

По лицу старика пробегает тень иронии.

— Ты же никого, кроме Лестера Янга,* не знаешь, — замечает он.

— Лестера Янга и Баха. Все остальные — лишние, — говорит она.

И добавляет:

— Тебе тоже нравился Лестер Янг.

— Только потому, что он нравился тебе.

— Это правда, — улыбается она.

Старик задумывается, размышляя, как ему быть со стереопроектором, источником его единственной радости.

— Почему бы тебе не взять свой проигрыватель с собой? — спрашивает жена. — Он составил бы тебе компанию.

— Не знаю... может быть, чуть позже... Сначала надо понять, найдётся ли для него место, и не доставлю ли я им неудобства другим.

— У других там наверняка плохо со слухом, как у всех стариков.

— Вот именно. В этом вся беда. Я тоже глуховат, значит, буду вынужден делать звук громким.

— Но ты можешь пользоваться наушниками, — подсказывает она.

— Верно. Но я не люблю слушать музыку в наушниках. Музыка должна парить в воздухе.

Старик закрывает глаза, наслаждаясь последними аккордами арфы.

— Господи, как прекрасно!.. — выдыхает он.

Музыка умолкает, и вновь печальная тишина леденит душу.

— Тебе этого хватает? — спрашивает его жена.

— Чего?

— Сидеть так и целыми днями слушать музыку.

— Я не слушаю её целыми днями.

— А чем ты ещё занимаешься?

— Размышляю. Иногда читаю.

* Лестер Янг (1909–1959) — американский тенор-саксофонист и кларнетист, один из крупнейших музыкантов эпохи свинга.

- Когда-то ты много читал.
- Сейчас меньше. Глаза устают.
- Слушаешь музыку, размышляешь, иногда читаешь... — повторяет его жена. — Вопрос тот же: тебе этого достаточно?
- Да. Думаю, да.
- Мне этого было бы мало, — говорит она.
- Ты не успела состариться, — говорит он.
- Ты считаешь это преимуществом?
- Преимуществом?..
- Умереть раньше пятидесяти.
- Может быть, да.
- У меня даже не наступила менопауза.
- Вот это уж точно преимущество. Разве нет?
- Я всегда ненавидела менструации.
- Да уж, помню, как они выводили тебя из себя.
- Я становилась неврастеничной. Придиралась к тебе по всяким пустякам.

Старик, согласно кивнув, замирает, глядя куда-в пустоту.

— Да, ты не нуждалась в поводе, — вспоминает он. — Я раздражал тебя одним только фактом моего присутствия на этом свете.

— Признаюсь, я была та ещё зануда. И какое терпение тебе надо было иметь со мной!

- Да никакого особенного. В такие моменты ты меня умиляла.
- Даже так! — удивляется она.
- Ты напоминала мне взъерошенного котёнка... или...
- ...козу! Глупую козу!
- И козу тоже. В общем, животное. Животное женского рода, беззащитное перед законами собственной природы.
- У вас до сих пор прекрасная речь, синьор профессор.
- Случается. Порой, правда, сбиваюсь с мысли. Но иногда говорю красиво. С тобой это нетрудно.
- Со мной ты дома.
- Да, дома.
- Я тоже ощущала себя в своём доме, когда ты был рядом.
- Со мной так было всегда. С того раза, как стал встречать тебя возле университета. Ты выходила из дверей и искала меня взглядом... вся такая серьёзная... но как только видела меня, расплывалась в улыбке...
- Я каждый раз пугалась, что больше тебя не будет...

— А я был. Всё время.

— Это правда. А однажды пришёл с дикой простудой, помнишь?

— Тридцать восемь и пять.

— Ты весь горел, и тебя трясло.

— Ты замотала мне шею своим шарфом, взяла под руку и сказала: пойдём покупать апельсины. И тогда я подумал: вот, я в своём доме, в безопасности... и я счастлив...

— Мы очень любили друг друга.

— Да, очень.

— Это было счастье, что мы встретились.

— Да, счастье.

— Мне очень жаль, что я была вынуждена тебя покинуть, — говорит его жена. — Это было похоже на предательство, ведь так? Ты остался один именно тогда, когда у мужчины начинается цепь несчастий. Кто бы мог подумать!.. Я была убеждена, что мы состаримся вместе. Я приготовилась к этому. Два симпатичных старичка, всё больше впадающих в детство, всё чаще болеющих... но всё вместе, понимаешь? Что бы ни происходило, оно происходило бы с нами вместе, и ни у кого из двоих не было бы повода укорять другого. За что я могла бы укорить тебя? Даже если бы ты делал пипи под себя... кстати, как у тебя с этим?

— Бывает.

— И как ты поступаешь?

— Памперсами я не пользуюсь, — бурчит старик. — Если ты это хочешь услышать

— Ну и отлично. И не злись, пожалуйста.

— Пока я с этим справляюсь. Когда мне стукнуло шестьдесят, мне сделали операцию. Кажется, помогло.

— Операцию? На простате?

— Нет, простата здесь ни при чём. Удалили склерозированные протоки. Это была первая часть моего тела, которая склерозировалась. Первая из длинного ряда.

— Что это за протоки?

— Ну... всё там же, естественно. Я забыл, как они точно называются.

— Было больно?

— Нет. Это была простая операция.

— У тебя были и другие?

— Ещё четыре. Они не стоят того, чтобы о них говорить. Обычные болячки всех стариков...

Неожиданно старика одолевает кашель, так, что он сгибается пополам. Когда он распрямляется, на его лице виноватое выражение, как у мальчишки, застигнутого на воровстве печенья.

- Что это ещё за кашель?.. — с тревогой спрашивает жена.
- Ничего серьёзного. Обычный кашель.
- По-прежнему много куришь?
- Я бросил.
- Молодец. И давно?
- С сегодняшнего дня.
- А-а, понимаю, — говорит она с иронией.
- Нет, ты не понимаешь. Отныне это навсегда.
- Там, куда ты едешь, запрещено курить?
- Ты всё поняла правильно.
- Для тебя же лучше. Пройдёт твой бронхит.
- Не пройдёт. Он у меня хронический.
- Тогда, по крайней мере, не усилится.
- Вот утешение! — смеётся старик.

Повисает тишина.

— Первые дни там будут трудными. Да ты и сам это знаешь, — говорит его жена.

Старик кивает.

— Знаю. Настолько трудными, что об этом больно даже думать, — говорит он.

- И что ты будешь делать?
- Сосать леденцы.
- Я не курение имела в виду.
- Я тоже.
- Не хочешь об этом говорить?
- Не с тобой, — отвечает он с нежностью в голосе. — А если с тобой, то не об этом.

Часы на стене отбивают полчаса. Старик смотрит на них, считая про себя оставшееся ему время.

— Что делают здесь все эти картинки? — спрашивает его жена, кивая на стену.

— Когда-то это была комната нашего внука. А когда, десять лет назад, у него родилась сестричка, я уступил ему свою. В этой было слишком мало места для двоих детей. А мне достаточно.

— А когда они вырастут? Когда каждому из них нужно будет иметь свою комнату?

— Им это уже сейчас необходимо. Симону в прошлом месяце исполнилось пятнадцать лет.

— И как быть?

— Девочка переедет сюда, а Симон останется в своей один... Это будет моим подарком на его день рождения, — говорит старик с ноткой сарказма.

— Стало быть, ты поэтому уезжаешь?

— Это самое простое решение.

— А если вам найти дом попросторнее?

— Слишком дорого. И потом, этот очень... уютный. Здесь прекрасное житьё.

— Не такое уж прекрасное, если в нём нет места для тебя.

— Но как долго ещё мне нужна была бы своя комната?

— До тех пор, пока ты жив.

— Вот именно. И не стоит это обсуждать.

— А что говорит наш сын?

— Что это не стоит обсуждать.

— Значит, это была его идея?

— Нет, моя.

— И он не пытался заставить тебя отказаться от неё?

— Пытался.

— И что?

Старик не отвечает.

— Он не слишком настаивал, — предполагает его жена.

— Да, — говорит старик глухо.

— И ты представил себе, как он и его жена облегчённо вздыхают в тишине своей спальни.

— Я не стал бы упрекать их за это.

Старик снова умолкает.

— Почему ты хранил эти картинки все десять лет? — спрашивает его жена.

— Сначала я попытался отклеить их, но они не поддались.

— А не стоило, скажем, сменить обои?

— Зачем? Мне эти картинки даже понравились. С ними стало веселей. Особенно по утрам, когда я открывал глаза и видел их перед собой... Они мне и по ночам помогали, когда я просыпался с мыслью, что вот-вот умру... Я включал свет, видел улыбающегося Плуто и успокаивался... Я даже перечитал их истории.

— Ты имеешь в виду все эти комиксы?
— Они замечательные!
— Ты что, украл их у наших внуков?
— Одолжил. На время. — Откидывается на спинку кресла, уставившись взглядом куда-то вдаль.

— А знаешь, я в детстве мечтал быть одним из гусят, — говорит он. — Мои приятели сплошь хотели быть Бэтменами или Суперменами. А мне нравилась семейка Дедушки Гусака... нравилась гостиная их домика со старым полуразвалившимся креслом и помятым абажуром... их автомобиль, похожий на булку хлеба, с забавным откидным сиденьем позади, на котором путешествовали три гусёнка...

— Тебе бы там не было места.

— А я и не хотел быть рядом с ними. Я хотел быть одним из них.

— Гусёнком? — уточняет его жена.

— Да, одним из трёх.

— Тот, То и Та — кем из них?

— Тем, который То.

— А почему им?

— Мне понравилось имя.

— Согласна, это оригинальнее, чем Тот или Та.

— И сегодня, семьдесят лет спустя, я нахожу, что это был правильный выбор. Будь я совсем другим, я всё равно сделал бы его.

— Но почему гусёнком? — спрашивает жена. — Есть же ещё, скажем... Леонардо да Винчи... Моисей... Александр Македонский...

Старик упрямо крутит головой.

— То! — отрезает он и закрывает глаза, словно проваливаясь в сон. — Торты Бабушки Гусыни с кленовым сиропом... Рождественские праздники с улицами, заваленными снегом... Учебник Юных Сурков с подсказками на все случаи жизни... — бормочет старик, и его морщинистое лицо расплывается в счастливой детской улыбке.

— Стало быть, ты так и живёшь... между гусями и Бахом... — говорит его жена.

Продолжая улыбаться с закрытыми глазами, старик согласно кивает.

— И это помогает тебе чувствовать себя счастливым?

— Ты перестаёшь быть счастливым, когда становишься стариком, — отвечает он, открывая глаза. — Ты переходишь в другое измерение. Это как сон. Или как перемещение на другую планету. Где можно устроиться даже совсем неплохо, но счастья там не предусмотрено. Счастье целиком в прошлом. Тебе остаётся только пытаться вспоминать о нём.

Иногда это доставляет тебе удовольствие, иногда — боль. Когда тебе приятно — это похоже на тепло, на ощущение нежности, и не более. Но, как правило, это длится недолго. А когда тебе больно — наоборот, это как каторжнику пробудиться от прекрасного сна. Это тот самый момент, когда он, вероятно, ещё плохо соображает, ещё весь во сне, ещё чувствует, как на его лице играет безмятежная улыбка. Но мгновение спустя, реальность, эта галера жизни, наносит ему удар, и он чувствует себя ещё хуже, чем обычно. Старость — это галера. Ты знаешь, что останешься взаперти, прикованным к ней до самой смерти, ты можешь только фантазировать, но не строить планов, потому что у тебя нет будущего.

Старик с трудом поднимается из кресла и делает несколько шагов по комнате.

— Вот говорят, что мечтают только молодые, но это неверно. У молодых это не мечты, а планы и надежды. То, что они себе навоображали, всё возможно, всё реализуемо, потому что, если существует будущее, то нет ничего, что не могло бы воплотиться в жизнь. Только старики придумывают то, чего никогда не случится. Только они изобретают будущее, которого не будет, и вспоминают прошлое, которое никогда не вернётся. Истинные мечтатели — это они, с их трясущимися головами, набитыми мучительными эпизодами, с давно произнесёнными словами и мёртвыми лицами... Они единственные, кто способен думать о несуществующем и кто продолжает отважно жить фантазиями и желаниями, обречённо сознавая, что эти фантазии и желания никогда не воплотятся в жизнь.

Старик подходит к окну.

Последний отблеск заката падает на его усталое и печальное лицо, превращая его в оранжевую гротескную маску.

— Ты боишься умереть? — спрашивает жена.

— Да, — отвечает он. — Потому что я не знаю, что это такое. Я даже не могу себе этого представить.

— Поэтому каждый представляет себе это по-разному.

— Это объяснимо. Трудно согласиться с наиболее приемлемой гипотезой, что смерть означает переход в небытие. Как ты можешь вообразить себе небытие?

— Если, как твердят все философы, небытие не является синонимом зла, то глупо его бояться.

— Ох, уж эти философы!.. Каждый раз, когда я встречаю слово *Всё*, да ещё написанное с прописной буквы В, меня это раздражает. *Всё*, *Небытие* — слова, лишённые сути, не совместимые с логическими по-

строениями нашего мозга! Философы напяливают на эти слова фрак прописной буквы и полагают, что от этого проблема решается сама собой, а слова обретают какой-то смысл!.. На самом деле умозаключения, цель которых заставить тебя познать суть смерти, — всего-навсего пафосные уловки, не сильно отличающиеся от статуэток солдат, жён и придворных, которые клали в саркофаги фараонов, чтобы создать иллюзию продолжения их жизни. Понятие смерти просто неприемлемо. Человек — это грустная обезьяна, поскольку он единственный во всей вселенной знает с уверенностью, что однажды жизнь его закончится. Я полагаю, это и есть то самое яблоко познания, которое Адам надкусил, совершив этим ошибку. И это — великая печаль, оставленная нам в наследство. Поэтому мы так отчаянно любим жизнь. Только в одном случае можно согласиться со смертью — если жизнь тебе осточертела. И природа, с её мудростью, помогает тебе испытать отвращение к этой жизни, насылая на тебя старость. Иначе мир оглох бы от воплей протеста множества стариков с их отказом умереть.

— Это ужасно — то, что ты сказал, — говорит его жена.

— Но не всегда всё так плохо, — говорит он с наигранным оптимизмом. — Иногда отвращения нет, а есть только усталость. А это означает спокойную кончину. Кончину патриарха, окружённого сыновьями и внуками, кончину мудреца или просто человека, у которого всё было, и он не испытывает сожаления по поводу своего ухода. Эти мудрецы прожили долгую жизнь. И прожили её хорошо. А сейчас они устали от собственной слабости, от усилий, которые нужно прилагать, чтобы логически мыслить и чётко выражать свои мысли. Они устали от безжалостного нетерпения, с каким говорят с ними их дети. Устали от того, что больше не понимают окружающего их мира. И они согласны умереть со слабой улыбкой приятия смерти на устах. Да, можно закончить свои дни и таким образом... Так тебе больше нравится или нет?

— А как собираешься умереть ты? — спрашивает она.

— От отвращения или от усталости, ты это хочешь знать? Честно говоря, я пока сам не знаю. Иногда думаю, что умру с радостью. Оттого, что не буду больше испытывать ни отвращения, ни усталости.

— Это не ответ.

— Разве? — старик с горькой усмешкой смотрит на жену.

— Хотя, да, может, и ответ, — соглашается она с грустью.

— Я нагнал на тебя тоску? Извини. Мы, старики, так привыкли плакаться, что даже не замечаем этого, а потом удивляемся, когда другие принимают нас всерьёз.

— Перестань говорить о себе в таком тоне. В этом нет ничего стоического или оригинального.

— Но, согласишься, немного достоинства присутствует, не правда ли? Она не отвечает.

— Хотя причём тут достоинство? — говорит старик. — Я совсем забыл, что среди грехов старости есть и этот. Все кругом ждут от тебя достойного поведения. Как будто легко сохранять достоинство при том, что мочишься под себя, а твоя физиономия вся в пигментных пятнах и шишках, как карнавальная маска.

— Замолчи, прошу тебя, — произносит его жена тихим, полным муки голосом, обезоруживающим старика.

— Прости, я не хотел огорчать тебя. Действительно, я слегка перегнул палку. На самом деле, действительно, всё не так плохо.

Жена с недоверием смотрит на старика, слова которого кажутся ей неуклюжей попыткой утешить её.

— А что же на самом деле хорошего? — спрашивает она.

— Хорошего — ничего. Но и плохого тоже. Особенно вначале, когда старость только подступает, и ты, естественно, в неё не веришь. Она ещё не кажется тебе реальной. Но рядом всегда найдётся кто-то, кто начнёт тебя убеждать, что ты стареешь. До тех пор, пока ему не удастся тебя убедить. И тогда ты говоришь: ладно, понял, сдаюсь. Я признаю, что стал стариком и торжественно обещаю перед Богом и людьми, что впредь не буду никому доставлять никакого беспокойства. Я схожу с дистанции, я понял, спасибо, что вы мне это подсказали, и спасибо, что позволяете доживать свои дни... И в этот самый момент ты вдруг ощущаешь неожиданное, необыкновенное, сладчайшее чувство облегчения. Ты сыграл свою роль, говоришь ты себе, плохо ли, хорошо ли, сейчас уже неважно. Зависело от удачи. Главное — сыграть свою роль честно. Мне не к чему больше стремиться. У меня нет больше необходимости бороться, быть сильным и ненасытным, брать верх над другими. Да благословит Бог других, а я могу теперь пожить только ради себя. Наконец-то мои мысли очистятся, я стану говорить всем правду, и меня мало волнует, будет ли это кому-то неприятно. А что со мной может случиться? Что они могут мне сделать? Я больше не бегу, и мне отныне плевать на очки, на штрафные, на дисквалификацию! Вы больше не можете у меня ничего отнять, потому что самое прекрасное — моё будущее — у меня уже отнято. У меня остался только маленький кусочек пространства, слишком незначительный, чтобы быть уязвимым для ваших уколов, но он дарит мне чувство неограниченной сво-

боды, и я буду ею пользоваться до последнего вздоха! Ты становишься простодушным и свободомыслящим, словно ребёнок. И, словно ребёнок, живёшь только настоящим. Ребёнок ведёт себя так, потому что думает, что его будущее безгранично, а ты — потому что знаешь: его у тебя больше нет. В общем, тебе кажется, что ты радуешься жизни, как в самом её начале.

Старик умолкает, видимо, желая на этом остановиться. Но уставленный на него пристальный взгляд жены явно требует от него продолжения.

— Но потом ты слышишь первые тревожные сигналы, — продолжает он уже всерьёз. — И понимаешь: тебя не просто сняли с дистанции, тебя вычеркнули из списков. Изо всех! И навсегда! Первый симптом — взгляды тех, кто проходят мимо тебя, словно ты состоишь из воздуха. Ты замечаешь, что становишься невидимым. Ещё несколько лет назад ты ловил на себе взгляды, полные интереса или простого любопытства. На тебя смотрели не одни только женщины, но и мужчины тоже. Видимо, чтобы понять, составляешь ли ты для них конкуренцию. А теперь ты двигаешься среди людей, словно пересекаешь пустыню. На тебя не смотрят. Потому, что ты никому не интересен и никому не любопытен. Тебя вычеркнули. Для всех ты уже мёртв и похоронен.

— Хандра старого эгоцентрика, — улыбаясь, замечает жена. — Тебя слишком избаловали в молодости.

— В молодости я об этом даже не задумывался.

— Просто ты был полон обаяния и не замечал этого. И от этого становился ещё более обаятельным. Помню, как мы входили куда-нибудь и все взгляды сразу обращались на тебя. А я гордилась этим.

— Ты хочешь сказать, что смотрели на меня, а не на тебя?..

— Не лукавь. На меня тоже смотрели, но только после того, как отводили глаза от тебя. Скажем так: я была приложением к тебе.

— Неправда! Ты была очень красива.

— Я это знаю. Но смотрели прежде всего на тебя.

— Зато теперь на меня никто не смотрит.

— Даже ни одна старушка?

— Старушка, может быть, но только для того, чтобы спросить, насколько моя пенсия больше, чем её.

— Это означало бы, что у неё серьёзные намерения. Серьёзная старушка, которая не любит мимолётных приключений.

— Для больного маловажен интерес того, кто болен той же болезнью. Он хочет нравиться здоровым.

— Я не думаю, что это так уж невыносимо, что на тебя больше не смотрят. В конце концов, так даже спокойнее.

— Для меня было бы невыносимее, если бы люди перестали смотреть на тебя. Или же делать это с тем вежливым безразличием, которое предназначается для стариков. Мне, наверное, захотелось бы схватить их за глотку и крикнуть: как вы смеете смотреть на неё так, будто она старуха! Это моя женщина! Она отдала мне свою любовь, свои мысли и чувства! Она была самой красивой во всей школе! У вас челюсти отвалились бы, увидь вы её в те годы! — смеётся старик.

— Но мы живём сегодня, ответили бы они тебе, и ни ты, ни твоя старая жена ничего не значите для нас. Вполне возможно, что она была самой красивой девушкой на свете, но сегодня от неё пахнет нафталином и плесенью, как от всех стариков.

— И ты утверждаешь, что тебе это было бы безразлично?

— Я не знаю. Но отсюда мне это кажется таким пустяком! — говорит его жена.

— Это не пустяк, — возражает он. — Это трагедия. Когда твоё лицо постепенно становится дряблым, морщинистым и, деформируясь, принимается играть с тобой в зеркале: как, ты меня не узнаёшь, говорит оно тебе, я тебе больше не нравлюсь, ну тогда дай мне в лоб, дорогой, потому что хочешь ты или нет, я буду таким симпатичным до самой смерти! А твоё тело, которое отказывается подчиняться тебе и становится день ото дня всё слабее и болезненнее. И тебе уже больше не принадлежит этот чужой остов, который время превратило в пародию на твой юношеский скелет. Старость — это неприятное существо, это враг, который захватил тебя врасплох!

Жена замечает, как ускорилось его дыхание и как нервно подрагивают его руки.

— Ты с кем-нибудь уже говорил об этом? — спрашивает она чуть слышно.

— Нет, ни с кем.

— И всё это копилось и нарывало внутри тебя... — Она чуть заметно качает головой. — Когда-то ты верил в пользу слов.

— Когда-то я знал, с кем говорить.

— А сейчас не с кем? Ты в этом уверен? У тебя же столько друзей!

— Я всех их растерял на долгом пути. Одни умерли, другие закрылись в четырёх стенах, как я, живя прошлым и стыдясь настоящего. Таков мой мир, который потихоньку уходит. Сначала люди... потом мысли... остаются лишь воспоминания...

— Мысли?.. Кто может отнять их у тебя?

— Разумеется, никто. Просто они сами перестали посещать меня. Эта монета больше не имеет номинала. Моя прекрасная культура, основательная и высокая, как кафедральный собор, превратилась в товар для старьёвщика. А золотой ключик, который вручили мне мои учителя, чтобы открывать им мир, стал абсолютно бесполезен: у меня под носом сменили замок. Суждения, которые я когда-то считал значительными, сегодня маргинальны. Искусство, которое я любил, отторгнуто. Чувства, которые меня волновали, сделались смешны. А всё, что кажется смешным мне, больше не заставляет смеяться других. Сегодняшний мир больше не пользуется моим словарём. У него чуждые мне вкусы. Ходить по его дорожкам, не спотыкаясь, мне уже слишком трудно. И кончается тем, что забиваешься в первую щель, какую находишь, и думаешь только о прошлом. Пространства как приключения, как возможности для встреч и открытий больше не существует. Ты стал чистым временем, сосредоточенным исключительно на себе самом, безграничным сгустком памяти, которая свербит в одиночестве...

Солнце заходит.

Комната погружается в темноту.

Настенные часы бьют три четверти часа. Бросив на них взгляд, старик закрывает глаза и задумывается.

— А та частичка будущего, которая должна принести тебе дар беспредельной свободы? — спрашивает его жена.

— Оптический обман. Свобода убывает с огромной скоростью, и когда её, действительно, остаётся самая малость, тебе уже не приходится считать её частью жизни. Она становится скорее прихожей смерти: где от тьмы тебя отделяет пара шагов. И мысль об этих двух шагах не утешает, а пугает тебя.

— Ты мог бы поговорить об этом с нашим сыном, — говорит его жена.

— Нет. Он принадлежит новому миру и имеет право не понимать меня. Поэтому лучше не настаивать. Стоит избежать риска стать антипатичными друг другу.

— Ты совсем не доверяешь другим?

— К сожалению, да, — отвечает старик и отворачивается к стене.

В эту минуту ему нестерпимо хочется спрятать своё лицо, почувствовать себя обиженным всеми, укрыться от подобных судебному разбирательству вопросов своей жены, не дающих ему ни минуты на передышку.

— Когда ты занимался любовью в последний раз? — спрашивает она. Старик с изумлением смотрит на неё.

— Это что, шутка такая?

— Ответь мне, пожалуйста.

Старик разводит руками.

— Слишком давно... Тогда на земле ещё жили феи и говорящие лягушки...

— С кем ты занимался этим, после того как я умерла?

— После того, как ты умерла, у меня пропало всяческое желание секса. И лишь через два года я позволил совратить себя сексуальной мистике того времени, какое проживал. И я подумал, а почему бы мне, собственно, не заняться этим. Это было в каком-то смысле выбором терапии...

— И кто был терапевт?

— Две милые синьоры среднего возраста. Довольно симпатичные и опытные. Должен признать, что обе были достаточно интеллигентны и умны, чтобы стать хорошими подругами жизни.

— И в результате?

— В результате — разочарование. Общение с ними оказалось плохой копией того, что было у нас. Я не мог не сравнивать и догадывался, что рискую этим обидеть их. Поэтому поставил точку.

— Как долго это длилось?

— Год между одной и другой.

— А после?

— После ничего. И без этого можно жить неплохо.

— Тем не менее, ты прожил плохо.

— Ни одна из двух не смогла бы изменить мою жизнь.

— В таком случае нужно было искать третью. Ты должен был искать ещё и ещё!

— Зачем? Ради чего такие усилия?

— Хотя бы ради того, чтобы однажды не сойти с ума от одиночества, вспоминая об умершей жене, — говорит она.

Старик смотрит на неё с болезненным изумлением человека, которого только что предали.

— Не говори так, — тихо просит он.

— Ты должен был искать ещё и ещё, — устало повторяет его жена.

— Секс — такая штука, о которой в старости можно совсем забыть, — пытается защититься старик. — Чего нельзя забыть, так это чувства. Они то и дело возвращаются, чтобы доставлять тебе радость... или горе, — зависит от случая.

— Ты редко говорил о своих чувствах.

— В самом деле? Мне кажется, я только о них и говорил.

— Ты говорил только о своей ненависти.

— О ненависти?

— Да. Ты полон ненависти. К жизни, к другим, к себе самому. Может, и к сыну. Тебе надо было избавиться от ненависти и научиться просить.

— Мне этого не надо.

— Ты стар, слаб и напуган. Тебе нужно всё. Но ты стесняешься попросить. Как же! Это задело бы твою гордость. Ты требуешь, чтобы тебя любили только за то, что ты существуешь, как будто это твоё естественное право. Но это работает лишь тогда, когда ты молод. А ты растерял своё обаяние и никому не интересен, ты сам сказал это. Значит, пришёл момент смириться и просить. Тебе никто ничего больше не даст, если ты не попросишь. Ты должен сказать: я боюсь, я чувствую себя одиноким, пожалуйста, помогите мне. Ты должен сказать: я немощен и дряхл, мне необходима ваша любовь. Так ты должен говорить! Это ты должен просить у других!

— А плакать и выставлять напоказ свои язвы при этом не надо?

— Да, и плакать надо.

— И как, по-твоему, поступят другие?

— Кто-нибудь да поможет тебе.

— Какая прелесть!

— А кто-нибудь, может, даже полюбит.

— Я был любим тобой, и мне этого достаточно.

— Нет, этого недостаточно!

— Я не хочу милостыни в виде пары вежливых фраз! Я не хочу ни глупых улыбок, ни ободряющих гримас! Я должен умереть! Это серьёзное дело! Оставьте меня в покое!

— Ты просто старый упрямец! — восклицает его жена. Поворачивается к двери и прислушивается.

— Ты слышишь? — спрашивает она.

— Да.

— Кто-то пришёл.

— Это наш сын. Он всегда возвращается с работы в это время. Или позже. Сегодня пришёл раньше.

— Он поднимется сюда?

— Разумеется. Он вернулся пораньше специально, чтобы проводить меня... Но поднимется не сразу. Сначала он должен поздороваться с женой и рассказать ей, каким молодцом был на работе. Потом выта-

щит бумаги из портфеля и аккуратно разложит на своём столе. Потом снимет ботинки, пиджак и вымоет руки. С чистыми руками он пойдёт приласкать детей и поиграет с ними минут десять. А если Пасха и Рождество — то все пятнадцать. Затем включит телевизор и посмотрит новости: по должности он должен быть в курсе событий. После съест пять-шесть орешков и запьёт их стаканом белого вина. Потом...

Дверь комнаты открывается, и на пороге показывается сын.

— Почему ты сидишь в темноте? — спрашивает он.

Щёлкает выключателем и проходит в комнату.

Во внезапно вспыхнувшем ярком свете старик смотрит на него ослеплённым филином.

— Смотри-ка, я во всём ошибся! — говорит старик своей жене. — Сегодня воистину особенный день!

— А вот и я! — произносит сын своим высоким голосом тенора. — Чуть опоздал, прости. Как всегда, неприятности в последнюю минуту.

Старик часто моргает и щурится: слишком много света, слишком много шума.

— Не беспокойся, у меня есть время, — говорит он.

— Но у них его совсем нет. Они просили привезти тебя до ужина. Считают, что за ужином будет самый раз познакомиться с другими...

— С моими будущими друзьями... — говорит старик с притворной детской радостью.

Сын делает вид, что не замечет его гримасы.

— Не знаешь, что там будет на ужин? — спрашивает старик с притворной старческой жадностью.

— Не знаю. Но мне сказали, что кормят там хорошо.

— Будем надеяться, что там подают картофельное пюре. Я с ума схожу от картофельного пюре.

— Ну, если тебе повезёт...

— В больницах его всегда дают.

— Это не больница. — Теперь сын не скрывает раздражения.

— Небольшая разница. Уверен, что она будет только в качестве пюре. В том смысле, что здесь оно будет более противным.

Повисает молчание.

— А все эти книги?.. — спрашивает сын, кивая на стоящие у стены стопки книг.

— Это мои книги.

— Я понимаю, что твои. Вопрос в том, что ты собираешься с ними делать.

— Я мог бы взять часть с собой.

— Часть, ладно. А остальные? Что делать с остальными?

— Я думал оставить их... кому-нибудь... — В голосе старика-робкая надежда.

— Кому? — повторяет за ним сын.

— Что кому?

— Кому оставить?

— А себе вы не хотите их оставить? — потерянно спрашивает старик.

— Они очень старые.

— И что с того? Самые ценные книги всегда старые.

Сын продолжает задумчиво глядеть на связки пожелтевших книг.

— Книги — не плавленые сырки, на них нет срока годности, — пытается шутить старик.

— Когда они стареют, от них куча пыли, я это имел в виду. А у Симона аллергия.

— Аллергия на книги? Действительно, кто знает, в чьих руках они побывали, — с ехидством замечает старик.

— Аллергия на пыль. А с этим лучше не шутить.

— Ну, тогда можете продать их букинистам, — пожимает плечами старик. — В худшем случае они заплатят вам по весу.

— Ладно, поглядим, может быть, для них найдётся место в подвале.

— Э, нет! — Старик несогласно качает головой. — Не хочу, чтобы они сгнили в темноте. Уж лучше прилавок букиниста.

— Как скажешь. Мне всё равно.

— Я это знаю, — бормочет старик.

Сын обводит взглядом комнату. Видит открытый пустой чемодан, одежду, кучей сваленную на кровати.

— Ты ещё не уложил вещи! — В голосе сына явное недовольство.

— Я ждал тебя, хотел, чтобы ты проверил, — говорит старик с наигранной покорностью школяра.

— Проверил что?

— Чтобы я не взял с собой ничего запрещённого. Было бы ошибкой произвести плохое впечатление с самого начала.

— Ты уже совершеннолетний, и никто ничего тебе не может запретить.

— А брючные ремни разрешают иметь у себя? Или они опасаются, что кто-то на них повесится? — спрашивает старик всё с той же приторной наивностью.

— Неостроумно.

— А мне так фраза показалась смешной. Я бы засмеялся.

— А я — нет. По крайней мере, не в такой момент. Уже поздно, — говорит сын и, подойдя к кровати, начинает перебирать вещи отца.

— Как, по-твоему, всё в порядке? Не слишком много нижнего белья? — спрашивает старик с деланной озабоченностью.

— Да, конечно, мне тоже кажется, что слишком.

— В моём возрасте трусов всегда мало.

— Сколько их здесь?

— Двадцать пар.

— Двадцать?! Да там бельё стирают дважды в неделю! Достаточно... ну, семи пар!

— А если я сделаю лужу под себя?

— Хорошо, согласен, возьми ещё пару для надёжности. Я это к тому, что шкаф у тебя там будет, но не такой вместительный, как у тебя здесь.

— Я помню, как в колледже, тысячу лет назад, мне тоже не позволяли привезти с собой больше пяти пар трусов.

— Но это не колледж! — Сын явно теряет терпение.

— Конечно, нет. Но количеству трусов там тоже уделяли большое внимание.

— Мне ничего не сказали о твоих трусах. Это я сказал, это была моя инициатива. Мне показалось, что их слишком много. Слишком много трусов, слишком много носков, слишком много маек. Они тебе все не понадобятся. Как мне ещё тебе это объяснить! Повторяю, там стирают вещи! И потом, если тебе что-то понадобится, снимешь трубку и позвонишь мне.

— Да ну, ещё беспокоить тебя... — защищается старик с преувеличенным смирением.

У сына уже нет сил препираться со стариком.

— Что ты несёшь? Чем ты можешь меня обеспокоить?

— Значит, не обеспокою?

— Нет, конечно!

— Тогда почему я уезжаю? — спрашивает старик с неожиданной горечью.

Оба молча смотрят друг на друга.

Первым молчание нарушает сын.

— Потому что так решил ты! — отрезает он сухо.

Старик криво усмехается.

— Ах, да! Я и забыл.

Сын снова перебирает вещи.

— Хочешь, чтобы я отложил что-то, что можно оставить дома? — спрашивает он, не глядя на отца.

— Да-да, отложи, спасибо! — с признательностью отвечает старик.

— Ну, что скажешь? — спрашивает он свою жену.

Та не отрывает глаз от сына.

— Я и представить себе не могла, что он вырастет таким, — произносит она наконец.

— Таким каким?

— Таким серьёзным.

— Да, он напрочь лишён чувства юмора. Просто не верится, что это мы произвели его на свет.

— А тебя, как я вижу, забавляет дразнить его.

— Да, признаю. Забавляет. Он сильнее, чем я.

— Ты поступаешь плохо. Ему ведь тоже нелегко видеть, как ты покидаешь дом.

— Да, нет, ему просто неловко. Как тогда, когда он вынужден был отнимать собаку у детей. Единственная разница в том, что в тот раз дети плакали.

— Не говори так. Дети не могут понимать того, что сейчас происходит.

— Симону пятнадцать лет! Моцарт в его годы уже сочинил пару симфоний.

— А что делал Гёте в твоём возрасте?

— Этого я не помню. Но могу поклясться, дела у него шли лучше, чем у меня... Сейчас спрошу него.

Поворачивается к сыну.

— О чём? — встревожено спрашивает жена.

— О детях.

— Только не дразни его.

— Ты что! Я буду деликатен, — обещает старик.

— Дети дома? — спрашивает он сына.

— Нет, гуляют с мамой. Вернутся после нашего отъезда, — отвечает сын. — Я предпочёл, чтобы они не видели, как ты уходишь вот так... с чемоданом и вообще... Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — хмуро соглашается старик. — А после что вы им скажете? Что дедушку утащил огромный чёрный аист?

— Мы скажем, что ты уехал отдыхать, — говорит сын, явно расстроенный метафорой.

— Отдыхать? Прекрасно! И куда я поехал отдыхать?

- В горы, в дом твоего коллеги по университету.
- И кто этот коллега? — спрашивает старик с ехидством.
- Ну... я не знаю... — разводит руками сын.
- А вдруг они тебя спросят? Надо быть точным.
- Да нет, они не спросят.
- А если они захотят отправить мне открытку?
- Открытки пишет тот, кто на отдыхе.
- Тем хуже. Как я могу послать им открытку с гор?
- Не зли его, — просит жена.
- Позже мы скажем им правду. Когда они немного привыкнут, что тебя нет.
- Ах, вот как! Да-да, всё правильно, — кивает старик. — И что вы тогда им скажете?
- Ну, мы им скажем... что ты уехал жить на виллу... — начинает импровизировать сын, — где ещё много других синьоров твоего возраста...
- Таких же маразматиков, как я...
- Если ты собираешься продолжать в таком тоне...
- Сын обиженно поворачивается к старику спиной.
- Нет-нет, ты прав, прости. Порой мои шутки выходят дурацкими. Ты же меня знаешь.
- Повисает пауза.
- Спина сына излучает обиду.
- А дальше что? — прерывает тишину старик.
- Что дальше?
- Мы остановились на синьорах моего возраста. Есть прекрасная вилла, так? И замечательные синьоры... Продолжай! Я не люблю, когда истории прерываются на середине.
- И тебе с этими синьорами очень хорошо... — Сын бросает на отца насторожённый взгляд, ожидая очередного подвоха.
- Отлично! Просто превосходно! — восклицает старик с наигранной живостью.
- Ты ведёшь с ними долгие беседы, потому что у вас много общих воспоминаний...
- Да, пять дней в Милане... Галька на пляже в Порта Пиа...
- Да всё, что захочешь, — холодно перебивает его сын.
- И детям будет не так грустно. Больше того, они будут только рады, что их любимому дедушке там очень хорошо. Мне кажется, гениальная идея! — ухмыляется старик.

Сын пожимает плечами.

— Другой у меня нет. Если можешь, придумай лучше, — говорит он сухо.

Старик некоторое время стоит задумавшись.

— А почему бы вам просто не сказать им, что я умер? — говорит он наконец.

— Умер?!.. — с возмущением переспрашивает сын.

— Ну да, вырван зуб — исчезла боль! Подумай, сколько бесполезных слов можно сэкономить в следующие месяцы.

— Извини меня, но по этой дороге я за тобой не пойду! — отрезает сын и возвращается к чемодану.

По лицу старика пробегает лёгкая улыбка удовлетворения.

— Ты делаешь ошибку, ведя себя так, — говорит ему жена.

— Почему? И как так я себя веду? — спрашивает он, как будто не понимая.

— Продолжаешь подкалывать его.

— Ты же видишь, его это совсем не трогает. Он невозмутим, как рыба.

— Ты так разговариваешь с ним и в присутствии его жены?

— Ну нет! В её присутствии я обращаюсь с ним как с гением.

— Что она за человек?

— Она из тех, кто жалуется, что никак не может одолеть «Братьев Карамазовых». Во всём остальном замечательная женщина. Самая подходящая для такого замечательного мужчины, как наш сын.

— Так ты прекратишь его дразнить?

— Да ты что, я его вовсе не дразню.

Старик поворачивается к сыну.

— Там есть телевизор? — спрашивает он.

— Ты хотел бы, чтоб его не было? — отвечает сын вопросом на вопрос.

— Цветной?

— Ну, естественно.

— Двадцать один дюйм?

— Вероятно.

— И до какого часа разрешают его смотреть?

Сын резко распрямляется, словно его ударили в спину.

— Прошу, не начинай снова свою песню о запретах и разрешениях. Я повторяю, это не колледж. И не тюрьма.

— Тогда что? Гостиница?

- Да, своего рода гостиница.
- И разрешается принимать гостей у себя в комнате?
- Да, разрешается, — отвечает сын, едва сдерживаясь.
- И женщин тоже?
- Конечно, почему нет?
- И спать с ними тоже?
- Хотел бы я знать, почему я тебе отвечаю!.. — Фраза даётся сыну с трудом.
- Ну вот, я так и знал. Значит, спать с женщинами не разрешают.
- А тебе что, очень хочется?
- Никогда нельзя сказать наверняка. Может, со сменой обстановки... и потом, прекрасная вилла... парк с цветами...
- Там нет парка. Есть небольшой скверик.
- Совсем никакого парка?
- Нет.
- И дорого это стоило?
- Это стоило недорого. Просто с парком не было никаких вариантов. Во всех случаях платишь ты. Если ты хочешь что-то подороже, мы можем попытаться найти подороже.
- Найти подороже!.. Что значит подороже... Что тебе там, гостиница, что ли?
- Там не гостиница. Это место называется Дом отдыха «Вилла Отрада»!
- Похоже на название фруктового пудинга.
- Послушай, какого дьявола ты не поехал со мной посмотреть, что это за место, вместо того, чтобы сейчас доставать меня своими капризами! Я же просил тебя!
- Я доверяю тебе. И я вовсе не хотел доставать тебя никакими капризами, — говорит старик с неожиданной кротостью. — Если там есть телевизор, то нет проблем.
- Но ты же никогда не смотришь телевизор!
- Я смотрю его по ночам, когда ты спишь. Ночами показывают самые интересные фильмы.
- Не думаю, что на «Вилле Отрада» держат телевизор включённым по ночам.
- Я бы мог иметь телевизор в своей комнате. Персональный. Тем более, что я плачу.
- Сын на мгновение смешался.
- Но это...

— Что это?

— Боюсь, это не предусмотрено.

— Ты уже спрашивал?

— Да.

— Чёрт!

— Мне очень жаль, но именно это не разрешено, — говорит сын и тут же понимает, что совершил ошибку.

— Ты посмотри! Не разрешено! — взрывается старик. — К счастью, на этот раз это сказал ты, а не я! И не я опорочил первоклассный отель «Вилла Отрада»! Грёбанный отель! Отрада моих яиц! Самый настоящий говённый задрипанный колледж!

Старик с удовлетворением наблюдает за реакцией сына.

— Я не верю, что ты смотришь телевизор по ночам, — каменеет лицом сын.

— Что ты об этом знаешь? По ночам ты спишь.

— Я бы услышал. Моя жена услышала бы.

— Вы оба спите, как лемуры. И храпите, словно сурки! Или, наоборот. Кто из них храпит, сурки или лемуры?

— Ты не смотришь по ночам телевизор. Ты читаешь, слушаешь своего Баха, или спишь, как все нормальные люди.

— Ошибаешься. Я смотрю телевизор и ем мармелад. Руками!

— Ты ненавидишь телевизор!

— Да, а смотреть фильмы мне нравится!

— Но ты не смотришь их по ночам!

— Давай договоримся раз и навсегда, — резко прерывает его старик. — Ты ничего не знаешь. Ты никогда ничего обо мне не знал. Ни о чём думаю, ни чем я занимаюсь днями и ночами.

— Как и ты обо мне! — взрывается сын.

Старик смотрит на искажённое лицо сына с новым интересом, в котором читается доброжелательное любопытство.

— Возможно, ты и прав, — произносит он едва слышно, будто говоря сам с собой. — Да, возможно. Разница лишь в том, что я хотел бы знать...

В комнате повисает тишина.

Сын делает несколько нервных шагов по комнате. Затем с решительным видом подходит к отцу.

— Послушай, папа, поговорим начистоту. Идея переехать в дом престарелых принадлежала тебе. Мне она, если быть откровенным, показала себя благоразумной. Но если сейчас ты думаешь иначе, если ты не

хочешь уезжать, хватит того, чтобы ты это сказал. Я позволю на «Виллу Отрада», скажу им, что они могут оставить себе задаток, и финита ля комедия!

— Скажи ему. Скажи ему, что ты хочешь остаться здесь, с ребятами и с ним! Скажи ему, что тебе грустно и что ты боишься! Скажи ему это! — Голос его жены звучит словно пение сирены.

Старик теряется. Он смотрит на сына, надеясь прочесть в его глазах что-то вроде сочувствия. Но видит в них только отчаяние.

— С какой стати я должен менять своё решение? — спрашивает он ровным тоном.

— В этом не было бы ничего плохого. Со всеми может случиться, — отвечает сын.

— Только не со мной.

— Боже, какой ты дурак! — восклицает его жена.

— Хорошо, — говорит сын. — Я был бы тебе очень признателен, если мы посчитаем эту тему окончательно закрытой.

Он снова принимается укладывать вещи.

— Разумеется. Я вообще не понимаю, почему ты об этом заговорил.

— Ну что ты за дурак! — повторяет его жена.

— Почему ты называешь меня дураком? Я что, по-твоему, должен был согласиться со всем, что он сказал? — уныло интересуется старик.

— Да, должен был.

— Сказанным в такой манере? С таким отвращением и такой холодностью?

— Это была твоя последняя возможность.

— Нет, я не мог. Как бы там ни было, прав он: это лучшее решение. Для них лучшее. Какое-то время помучаются угрызениями совести, когда, сидя за столом, увидят моё пустующее место и десерт не полезет им в горло. Но потом, месяц-второй спустя, они обо мне забудут, и к ним вернётся аппетит. Хуже было бы иметь путающегося под ногами слабого и больного старика, ходячую рекламу смерти. Согласись, для семьи молодых — это вредная вещь. Да и я не хочу, чтобы однажды мой внук нашёл бы меня окоченевшим в кресле. Неплохая благодарность за то, что он давал мне почитать свои комиксы.

— Ты говоришь так, будто старость — это что-то неприличное и грязное.

— Сегодня её так и оценивают. Все говорят о любви к жизни, воруют и обманывают, чтоб им лучше жилось, но, когда у них на шее оказывается старый человек, он вызывает у них отвращение.

— Значит, ты делаешь это из любви к твоей семье? Из внутреннего благородства?

— А почему бы нет? Тебе так трудно представить, что мне доступны хорошие чувства?

— Гордость тоже в их списке?

— А если и так? Результат не меняется. Он целиком в их пользу. Можно ли осуждать меня за это? — Старик горестно машет рукой. — Господи, какие глупости я говорю! Кому нужно осуждать меня? Да на меня давно всем наплевать!

— Ты опять выбросил свечи! — Голос сына заставляет старика вздрогнуть.

Он поворачивается и видит, как сын достаёт из мусорной корзины коробку с суппозиториями.

— Я тебе уже сказал, — сердится старик, — что отказываюсь совать себе в задницу какие бы то ни было свечи! Я сопротивлялся этому почти восемьдесят лет и не вижу причины уступить сейчас!

— Тогда возьми хотя бы таблетки.

— От них у меня болит желудок.

— Тогда пользуйся свечами. Тем более, что там будет кому их ставить, — отрезает сын.

— Что это значит: будет кому их ставить?

— Это значит, что, если ты не захочешь этого делать сам, об этом позаботится медсестра.

— По-твоему, я должен позволять делать это женщине?

— Они найдут мужчину.

— Скорее смерть!

— Тогда объясни мне, как они должны лечить тебя?

— Пусть делают мне инъекции, если пожелают. Ставят капельницы.

— Два раза в день?

— А почему нет?

— У тебя уже все вены затвердели.

— Пусть точат иглы.

— Иглы не точат. Иглы и так острые.

— Я это знаю. Но мне наплевать, как они будут изворачиваться!

— Ладно, я думаю, они справятся с этой проблемой, — заключает сын и выбрасывает пачку обратно в корзину.

— Вот именно. Тем более, что за всё плачу я, разве не так?

— Так.

— И как, по-твоему, они смогут поставить мне свечку, если я буду против? Будут сечь меня хлыстом?

— Вряд ли они используют такие методы. Хотя лично я считаю, что в твоём случае они были бы оправданы.

— Сожалею от всего сердца, что я ни разу не отхлестал тебя в детстве, — произносит мечтательно старик.

Сын подсакивает к старику.

— Ты можешь сделать это сейчас, если тебе так хочется! — говорит он с вызовом, нервно улыбаясь. — Давай, если это тебе так нужно!

В глазах сына читаются злость и стыд.

Старику неожиданно становится жалко этого парня, который уже давно повзрослел.

— Нет, это не доставило бы мне никакого удовольствия, — говорит он, качая головой. — Я стал слишком слаб... и это походило бы на ласку...

Он проводит рукой по щеке сына и отходит от него.

— Почему ты так на меня смотришь? — спрашивает старик свою жену.

— Потому что ты выглядишь глупо, стесняясь себя.

— Стесняясь себя? — смущённо повторяет старик. — С чего ты взяла?

— Я вижу, как ты покраснел.

— Это всего лишь минутное... Никто не может избежать подобного...

— Но это не грех.

— Нет, но это слабость.

— А с этим что делать? — обращается к старику сын, указывая ему на толстый том в кожаном переплёте.

— А что это? — спрашивает старик, щурясь.

— Фотоальбом.

— Я могу взять его с собой? — В голосе старика слышатся необъяснимые нотки паники.

Сын с удивлением смотрит на него.

— Конечно, можешь. Я только хотел спросить, берём мы его с собой или нет?

— Он поместится в чемодан?

— Если мы уложим в чемодан все твои трусы, думаю, в него уже ничего не поместится. Но совсем необязательно засовывать его в чемодан.

— Я могу понести его в руках.

— Ты или я. Не проблема. Мы же поедem на машине.

— Дай его мне, пожалуйста!

Старик быстрым шагом подходит к сыну, протягивая к альбому руки. Сын молча передаёт ему альбом, удивлённый неожиданным волнением отца.

Старик садится в кресло, кладёт альбом на колени, осторожно открывает и начинает деликатно переворачивать страницы кончиками пальцев.

— Здесь очень много фотографий твоей мамы, — говорит старик тихо.

— Она была очаровательна, правда?

— Она была великолепна!

Сын нагибается через плечо старика.

— А здесь вы такие молодые... Сколько вам?

— Ей девятнадцать, мне двадцать четыре. Мы познакомились за неделю до этого... и я сразу же понял, что хочу прожить с этой девушкой всю свою жизнь...

— Чёрт возьми, какой ты торопыга!

— Эту фотографию сделал бродячий фотограф. Из тех, которые, когда делают снимок, накрывают голову и аппарат чёрной накидкой, а у аппарата деревянная тренога.

— Сегодня таких, пожалуй, уже и не встретишь.

— Естественно, сегодня не встретишь. Они и тогда уже были редкостью. Потому мы и захотели сфотографироваться именно у такого.

— Фотография получилась немного тёмная.

— Это потому, что в тот день шёл дождь, да и дело было вечером. — Старик показывает на угол фотографии. — Видишь эту маленькую клумбу за нашими спинами?

— Я вижу только тёмное пятно. Но раз ты говоришь, что это клумба, я верю, что это клумба.

— Там ещё был голубь... — начинает старик и тут же замолкает, как будто что-то его смутило.

— Голубь? Где, на клумбе?

— Нет, на асфальте... Точнее, он лежал в грязной луже...

— Принимал ванну...

— Нет, он умирал.

— Умирал? Отчего?

— Не знаю. Может, его сбила машина... или он был болен. — Старик снова умолкает, задумчиво глядя на фотографию.

— А что было дальше?

— А дальше твоя мама остановилась посмотреть на голубя. Он был весь мокрый и едва шевелил крыльями. Он походил на липкий серый комок. У меня, по правде говоря, он вызвал отвращение. А она опустилась перед ним на колени, осторожно взяла его в руки и отнесла на клумбу. Пусть хотя бы умрёт на траве, сказала она. — Старик проводит по фотографии пальцем, словно лаская её. — Именно в этот момент я и понял, что хочу прожить с ней всю жизнь, — повторил он.

— Красивая история, — произносит сын.

— Да, твоя мама сделала много красивого, потому что сама была красивым человеком!

В словах старика так много любви, что сыну становится даже неловко. Он склоняется над альбомом, показывая на другую фотографию.

— А это я?

Старик напрягает зрение и утвердительно кивает.

— Сколько мне здесь?

— Семь... Или шесть...

— Какой у меня надутый вид!

— А ты никогда и не вёл себя просто и естественно.

— Спасибо, ты очень любезен, — с обидой реагирует сын.

— А что ты хочешь? У каждого свой характер. Хотя, при всём при том, ты был славный мальчуган. Послушный и воспитанный.

— Ну, да, такой маленький имбецил.

— Не наговаривай на себя. Туго соображал и был слегка заторможенный, это да.

Старик тихо смеётся.

— Чему ты смеёшься?

— Так, ничему особенному. Воспоминаниям.

Сын пожимает плечами и возвращается к чемодану.

— Зачем ты снова заводишь его? — говорит ему жена.

— Я не завожу. Так оно и было на самом деле. Ты разве не помнишь, каким тюфяком он был? А уж самоуважения хоть отбавляй! Эдакий пенсионер в миниатюре!

— Главное, он был счастлив. Что в этом плохого?

— Вряд ли это было счастье. Это скорее походило на тупое самодовольство, что всегда действовало мне на нервы.

— Это было заметно.

— Я не собирался заводить его. Просто мне было интересно узнать, существует ли что-нибудь, что могло бы вывести его из себя. Он же всё-таки человек, а не машина!

— Мог бы сделать это и помягче.

— Я помню, как-то я уже был мягким... даже деликатным... когда мы решили открыть ему...

Старик замолкает, как будто подыскивая слова.

— ... открыть ему тайну его рождения, — заканчивает фразу его жена.

— Слушай, а как всё было на самом деле? — внезапно мягко улыбается старик. — Я уже очень плохо помню эту историю. Кажется, был какой-то лётчик, да?

— Ну да, отважный парень. Он женился на моей лучшей подруге, и у них родился мальчик. А лётчик почти сразу же был сбит врагом в воздушном бою.

— С каким врагом?

— Понятия не имею. В те годы у нас вроде и не было никаких врагов.

— А он не спросил, куда подевался его отец?

— Нет. Он был слишком мал, чтобы понимать что-либо.

— А его мать? Она, кажется, тоже умерла.

— Да, его мать, моя самая близкая подруга, тоже умерла.

— А как она умерла?

— Ну... умерла и всё.

— Может, от горя?

— Да-да, точно. Она не перенесла смерти мужа.

— И бедный малыш остался сиротой?..

— Сиротой в два месяца.

— А как же бабушки, дедушки?

— Они умерли раньше.

— Дяди, тёти, кузены?..

— Все умерли.

— Сплошное кладбище! — неожиданно смеётся старик.

— Не осталось ни одной живой души, кто мог бы позаботиться о нём! — продолжает игру его жена.

— Единственное, что его ждало — приют, — подхватывает старик. — Сиротский дом с монахинями.

— Почему именно с монахинями?

— А какой сиротский дом без монахинь? Монахини — душа подобных заведений. Эти напыщенные чёрно-белые мамы, тенями скользят по длинным коридорам и стылým комнатам...

Ответ, кажется, понравился его жене.

— Да, именно там, в стильном сиротском доме с монахинями, мы его и отыскали, — припоминает она.

— Он лежал, свернувшись клубочком в углу комнаты...

— ...Мы забрали его к себе и усыновили...

— ...из уважения к памяти мужественного лётчика...

— ...и к памяти моей несчастной подруги...

Охвативший обоих громкий истеричный смех поражает их на несколько секунд.

— Какая трогательная история, — замечает старик, утирая слёзы.

— Когда до него дошло, что он не наш сын, он зарыдал так безутешно!..

— Боже, как я ненавидел себя за это!

— А мне как было стыдно!

— И как сильно я любил его в ту минуту, — говорит старик печально.

— Нам никак не удавалось успокоить его...

— Он не хотел верить нам, когда мы ему поклялись, что он наш сын!..

— Детский психолог велел бы нас расстрелять...

— Мы заслуживали этого.

Молча смотрят друг на друга. Их внезапное веселье смыто смущением, полным любви.

— Да, ты прав. Мы постоянно подшучивали над нашим сыном.

— Не только над ним. Но и над самими собой. И над всем миром. Мы не могли обойтись без этой самоиронии. Это был наш способ ощущать себя единой семьёй. И мы вовлекли его в нашу игру, едва он стал частью нашей семьи. Мы считали это естественным. Он был третьим мушкетёром!

— Бедный мушкетёр, рекрутированный силой, — улыбается его жена. — Он немного заикался, ты помнишь?

— С ним это иногда случается и сегодня.

— Правда?

— Да. Когда он волнуется. Редко, потому что он почти никогда не волнуется. Но когда это происходит, он заикается. И тогда становится очень забавным. Он напускает на себя обидчивый вид, как если бы кто-то сыграл с ним глупую шутку, от которой он не может защититься.словно ребёнок, каким он был когда-то, тянет его за рукав в голубины детства.

В голосе старика слышится неожиданная нежность, что не ускользает от внимания его жены.

— Тебе стоило сказать ему это.

— Что сказать?

— Что ты его любишь.

Старик пожимает плечами.

— Зачем? В этом нет необходимости. То, что отцы любят своих детей, само собой разумеется.

Слышится сухой удар падающей крышки чемодана.

— Я закончил, — объявляет сын.

— Bravo, — говорит старик бесцветным голосом.

— Если ты что-то забыл, я могу привезти это в ближайшие дни.

— Нет проблем.

Сын снимает с вешалки пальто отца и подходит к сидящему в кресле старику, надеясь, что тот поймёт его бессловесный намёк.

Но старик продолжает сидеть, неподвижно глядя в одну точку.

— Ну что, идём? — прерывает тишину сын с наигранной живостью.

И эти три невинных слова, так часто произносимые в жизни, вдруг кажутся старику абсолютно непристойными.

— Идём, — отвечает он с покорностью, вставая с альбомом в руках. — Где моё пальто? — спрашивает он, растерянно оглядываясь по сторонам.

В эту минуту он чувствует себя самым одиноким человеком на свете.

— Вот оно, — сын распахивает перед стариком пальто.

— Давай, я помогу тебе одеться.

— Спасибо.

Надевает пальто.

Сын поднимает чемодан.

— Отнесу его в машину. — Он бросает короткий взгляд на старика, который, стоя к нему спиной, возится с пуговицами пальто. — И подожду тебя внизу. Не задерживайся, пожалуйста.

Сын делает шаг к выходу.

— Послушай! — останавливает его голос старика.

Сын оборачивается.

— Да?

— Прежде чем мы уйдём отсюда, я должен сказать тебе ещё кое-что.

Мне очень жаль, но я обязан это сказать.

— Ты можешь сказать это в машине.

Сын настораживается, явно опасаясь последней сентиментальной сцены.

— Нет, о таком не говорят в машине. Я должен сказать тебе всё здесь, в нашем доме, чтобы раз и навсегда закрыть эту тему.

Сын опускает чемодан на пол.

— Хорошо. Я слушаю.

Но старик молчит, видимо, подбирая слова.

— Я слушаю, — повторяет сын.

— Так трудно начать, прости, — говорит старик, опуская голову.

— Ну, в чём дело? — явно теряя терпение, спрашивает сын.

— Ты помнишь, однажды... много лет назад... ты ещё был совсем ребёнком... мама и я рассказывали тебе историю об одном лётчике... который был твоим настоящим отцом.

— Ах, ты об этом! Это была дурацкая шутка! — морщится сын. — И что дальше?

— Это была не шутка.

На лице сына появляется растерянная улыбка. Он очевидно обескуражен словами старика.

— В каком смысле не шутка?

— В таком, что это, действительно, была не шутка, а правда, — говорит старик. — Мы хотели, чтобы ты это знал. Мы посчитали это правильным... прежде всего, из-за твоего отца, который погиб, так и не узнав о твоём рождении. И твоей матери, которая была самой близкой подругой... подругой моей жены. Но эта история доставила тебе столько горя. Ты так плакал, что сердце разрывалось, глядя на тебя. И нам не хватило мужества рассказать тебе всё до конца. Мы тебя едва успокоили, сказав, что это была шутка, просто глупая шутка. Мы договорились с мамой, что обязательно расскажем тебе всё, когда ты станешь старше. Но с годами рассказать об этом становилось всё труднее. В итоге мы решили вообще не говорить тебе этого, никогда. Ведь всё хорошо было и так. Какое значение имело то, что ты стал нашим сыном по какой-то бумажке об усыновлении!.. Мы всегда воспринимали тебя как родного сына и никогда не верили во весь этот вздор о зове крови и прочей чепухе. И любили тебя как нашего сына, а ты любил нас как своих родителей. — Старик делает паузу, стараясь справиться с переполняющими его чувствами. — Но сегодня... сейчас мне это кажется неправильным. Может быть, я совершаю ошибку, о которой буду жалеть. Может быть, я причину этим тебе сильную боль... но я думаю, ты имеешь право знать правду! — Он снова опускает голову и молчит.

— Ты с ума сошёл! — восклицает сын с бледным, как гипс, лицом.

— К сожалению, я никогда не был в таком ясном уме за всю свою жизнь, — говорит старик.

— То есть... ты хочешь сказать, что я не твой сын и не сын моей мамы? Я правильно тебя понимаю?

— Именно это я и сказал.

Сын шарит за спиной в поиске стула, находит и падает на него словно подкошенный.

— Но это невозможно! — выкрикивает он дрожащим тенорком. — Невозможно, чтобы я до сих пор об этом не знал!.. Не сказать за столько лет!.. Прости меня, но я был обязан это знать... Всё равно такие вещи рано или поздно становятся известными всем!

— Если ты боишься, что об усыновлении узнает ещё кто-то, то не беспокойся, никто не узнает, — спешит успокоить его старик и добавляет торжественно: — Монахини уничтожили все бумаги.

— Вы их попросили? — потерянно спрашивает сын, будто подобная деталь могла бы что-то изменить.

— Да. Мы хотели, чтобы ты навсегда оставался нашим сыном в глазах всех. Только мы трое должны были знать правду. Но в тот раз ты ... я уже говорил, как ты воспринял наши слова.

Сын крепко сжимает голову руками и начинает раскачиваться на стуле, причитая:

— О, Боже!.. Боже мой!..

— Почему это тебя так задевает? — В голосе старика — усталая тоска. — Какое значение это может иметь сегодня? Мама умерла, я ухажу... ты уже взрослый мужчина, у тебя своя семья...

— Ты предпочёл бы, чтобы меня это не задевало? — Сын подсказывает, готовый вот-вот сорваться в истерику. — По-твоему, я должен наплевать на это? Должен посмеяться и забыть?

Слёзы катятся из его глаз.

Старик подходит к нему и отвечает звонкий подзатыльник.

— А почему бы и нет? Тем более, что это всего лишь шутка, — говорит он весёлым тоном.

Сын поднимает на него залитое слезами лицо.

— Шутка?!.. — повторяет он, шмыгая носом.

— Не ожидал, что ты так на неё среагируешь. Совсем как сорок лет назад. Клянусь, мне даже в голову не могло прийти, что ты снова попадёшься на ту же удочку! — Старик с довольной усмешкой театральным жестом разводит руками. — Ты всегда был и остаёшься моим сыном. Ты доволен?

Сын с недоумением смотрит на него.

— Это так низко, то, что ты сделал, — произносит он, заикаясь.

— Да, есть немного, — признаёт простодушно старик.

Сын поднимается со стула.

— И тебе не стыдно развлекаться таким образом? — выдыхает он в лицо старику.

Тот некоторое время размышляет над вопросом, затем отвечает:

— По правде говоря, меня это развлекает меньше, чем ты думаешь. Признаюсь тебе, что на самом деле я испытываю угрызения совести, такие же, как много лет назад. И не перестаю удивляться твоим реакциям. То ты кажешься абсолютно бесстрастным, вроде глубоководной рыбы, то вдруг у тебя начинают литься слёзы... Да, я испытываю угрызения совести.

— Я должен тебе сочувствовать? — сын пытается звучать саркастически, но заикание мешает ему.

— Ты заметил, что вновь стал заикаться?

— Плевать мне на это! — взрывается сын.

— Такое с тобой было в детстве, помнишь? — напоминает ему старик с ласковой улыбкой.

— Это мои проблемы! — отрезает сын и отворачивается от старика.

— Прости меня, — говорит старик.

Сын не отвечает.

Старик деликатно дотрагивается до руки сына.

— Если ты простишь меня, я прощу тебя, — говорит он тихим голосом.

Сына как будто отпустило. Он поворачивается и смотрит прямо в глаза отцу.

Отец ласково улыбается ему.

— Ладно, я тебя прощаю, — шепчет он, и слёзы снова заливают его лицо.

— Вот и отлично, — кивает старик, с нежностью глядя на сына: — И всё-таки ты у меня простофиля. Тебе известно об этом?

— Есть немного, — соглашается сын, утирая слёзы.

— Теперь мы можем идти.

На пороге старик оборачивается, ища глазами глаза жены. Но та глядит в пол. Ей невыносимо больно видеть его уходящим. Взмахом руки старик прощается с ней и быстро уходит, неслышно закрывая за собой дверь.

Обширное пустое помещение — мансарда «Виллы Отрада». Вдоль стен с прислонёнными к ним старыми металлическими кроватями груды сломанных стульев и тумбочек с оторванными дверцами — скопившийся за многие годы хлам, вычеркнутый из обихода. В углу чугунная раковина, вся в пятнах кальция. Из крана мерно капает вода. Под раковиной ржавая лейка.

Посреди комнаты стоят два стула, напротив друг друга. Единственные предметы, с которых стёрта пыль. Ещё одно свидетельство недавнего присутствия человека — в паре метров от стульев на полу стоит жестяная банка с пышной зелёной веткой базилика.

В потолке мансарды — окно, через которое в помещение льётся робкий свет зимнего полдня.

Дверь мансарды отворяется, и на пороге возникает старик. Обращается, словно проверяя, не видит ли его кто-то, стараясь не шуметь, проскальзывает внутрь комнаты и плотно закрывает за собой дверь.

Он одет в поношенные брюки, вытянутые на коленях, и кардиган из толстой шерсти, тоже поношенный и бесформенный. На голове наушники, провод от которых заканчивается в оттянутом кармане кардигана, где угадывается портативный кассетник. Локтем старик прижимает к боку свой фотоальбом.

Оглядывается кругом с чувством облегчения и с детской радостью, вдохнув пыльный воздух, наполняющий мансарду, шаркая ногами, спешит к банке с базиликом. Он выглядит ещё более постаревшим.

— А вот и я! — говорит он.

Наклоняется над растением и ласково улыбается ему.

— Скажи правду, ты ведь испугался, что я больше не приду.

Выпрямляется.

— У меня был грипп. И меня держали в кровати целых два дня. Тридцать восемь и пять!

Он умолкает, словно эти слова напомнили ему что-то. Что-то приятное. Но что?

Трясёт головой: он уже привык к этим внезапно пронзающим мозг странным вспышкам, которые оставляют лишь ощущение воспоминания, но не само воспоминание.

— Этим утром я почувствовал себя лучше. Тридцать семь и пять. И я сбежал из своей комнаты, чтобы навестить тебя.

Лукаво подмигивает растению.

— Если б меня заметили, задали бы мне жару!

Старик поднимает банку с растением и ищет на полу место посветлее.

— Сегодня даже солнце появилось, — бормочет он.

Ставит банку туда, куда падает больше света. Подумав, чуть сдвигает её в сторону.

— То появляется, то исчезает.

Опять передвигает банку. Выпрямляется. Смотрит вверх на потолочное окно.

— Или мне только привиделось?.. Толком не поймёшь. Давно бы пора помыть это окно. Совсем серое от пыли. Серое окно, тусклый свет... Солнцу, если даже оно есть, сюда никак пробиться. А это значит, что сейчас конец месяца. К концу месяца все стёкла становятся серыми. И не только в мансарде. На всех этажах, в коридорах, в комнатах. Даже в кабинете директрисы. Кстати, очень демократичная женщина. А в начале месяца, наоборот, стёкла моют, и становится видно солнце. И тогда в нашем лесном доме всё сияет!

Склоняется над базиликом.

— И все славные растения, вроде тебя, напityваются светом и очень этим довольны, — говорит он с улыбкой. — Так что потерпи ещё немного, вопрос нескольких дней. А пока давай-ка попьём водички.

Идёт к раковине, берёт лейку и наполняет её водой. Возвращается к растению и поливает его. Потом ставит лейку на один из стульев, сам садится на другой, устраивает альбом на коленях. Какое-то время задумчиво смотрит в одну точку, затем начинает говорить:

— Как-то раз один человек был приговорён к смертной казни и ожидал в своей камере, когда придёт её день. Ему было известно, что это должно произойти через месяц. То есть ему оставалось жить ещё тридцать дней. Он понимал, что это немного, и мучился в ожидании смерти. Но в виду непредвиденных обстоятельств бумаги, необходимые для исполнения смертного приговора, пришли быстрее, намного быстрее, чем обычно. И вот, в пять утра, в холодную тёмную камеру смертника вошёл директор тюрьмы и тронул его за плечо. В чём дело, спросил смертник, приподнимаясь на локтях. Приготовься, сказал директор, казнь состоится через три часа. Человек, ещё толком не отошедший ото сна, отказывался в это поверить. Он запротестовал, говоря, что казнь должна состояться через месяц. Но, окончательно пробудившись, он понял, что выхода нет, и перестал возражать, сказав только одно: всё это так неожиданно и так мучительно. И после уже ни разу не разжал

губ. В этот самый момент он, наверное, подумал, каким огромным и завидным счастьем было бы пожить хотя бы ещё один месяц в своей камере, в компании паука и маленького растения в жестяной банке.

Старик замолчал, посидел в задумчивости и обратился к кустику базилика:

— Это уникальная инструкция, как быть счастливым. Её написал Фёдор Достоевский в «Идиоте». Ни прибавить, ни убавить. Вот почему я, когда какая-нибудь добрая душа спрашивает, счастлив ли я, отвечаю: да, конечно, я счастлив.

Поднимается со стула, пробует пальцем землю в банке, берёт лейку и доликает в банку ещё воды. Ставит лейку на пол и садится на другой стул. Поворачивается к стулу, на котором сидел прежде.

Показывая на банку с растением, с любезной улыбкой поясняет:

— Это базилик. В нём нет ничего особенно красивого. Он просто зелёный и душистый. Мне нравится, как он пахнет. Так пахнет молодость. Вот цветы, те пахнут старыми увядшими женщинами. А базилик — нет. Он мальчик и быстро растёт. Я думаю, будь у меня терпение не сводить с него глаз, мне бы удалось увидеть, как он растёт. Ещё два дня назад он был вот таким... — Нагибается, и его ладонь повисает в нескольких сантиметрах от пола.

И это в конце месяца, когда света совсем мало.

— А через несколько дней, когда стёкла помойут, он вырастет вот таким.

Рука поднимается выше.

— А ещё через пару месяцев станет небольшим деревцем.

Старик выпрямляется и обводит растение взглядом гордого отца.

Понизив голос, снова обращается к соседнем стулу.

— А потом он расцветёт белыми цветами и умрёт. Потому что базилик живёт всего один сезон. Я часто спрашиваю себя, а не из эгоизма ли я выбрал именно его, потому что не хочу, чтобы он пережил меня? Но нет, мне не в чем себя упрекнуть. Я поливаю его каждый день, представляю туда, где больше света... Но всему своё время.

Неожиданно сдёргивает наушники, и они повисают у него на шее.

— Плёнка кончилась, — говорит он.

Достаёт из кармана кардигана кассетный проигрыватель и вынимает оттуда кассету.

— Нет проблем, сейчас перевернём кассету... Это легко.

Трясущейся рукой пытается вставить кассету обратно.

— Это легко, — бормочет он, начиная раздражаться.

Наконец ему это удаётся.

— Сделано! — восклицает он. — Всё готово, чтобы послушать вторую дорожку.

Радостно шлёпнув кассетник рукой, старик возвращает его в карман кардигана, не включая.

— Мне его подарил мой сын. Он сказал: раз уж ты оставляешь дома свой стереопроектор, будет справедливо, если я дам тебе что-то взамен. У моего мальчика обострённое чувство справедливости. Во всяком случае эта безделушка очень удобна. Её всё время можно носить с собой и, когда захочется, слушать музыку. Достаточно надеть наушники и нажать на кнопку. По правде говоря, я не люблю слушать музыку в наушниках. Музыка должна парить в воздухе. Но ко всему привыкаешь. К наушникам... к подгузникам... к свечкам в задницу. Мне их ставят дважды в день. Как правило, это делает медсестра. Но иногда медбрат. К такому тоже привыкаешь. С директрисой не пошутить! Она здесь — власть! Она управляет памперсами, свечами и клистирами, согласно должности и предписанию.

Суёт руку в карман брюк и достаёт помятую и почти пустую пачку сигарет. Нервно крутит её в пальцах, долго нюхает и с тяжёлым вздохом возвращает на место.

— Когда я сюда прибыл, я думал, что буду поплёвывать сверху на директрису и на весь персонал. Я считал, что «Вилла Отрада» будет у меня в кармане. Я оказался самонадеянным, как все новички. Однажды ступив сюда, начинаешь чувствовать себя таким одиноким, как никогда прежде. Потому что ты больше ничего не значишь, ты больше никто. Потому что твоего прошлого словно никогда прежде не существовало и ты ничем не выделяешься среди остальных. Ты всего лишь один из многих обитателей «Виллы Отрада», и тебя оценивают не потому, что ты что-то значишь или что-то сделал в жизни, но единственно по способности самостоятельно выпить чашку бульона или сходить в туалет, не обделавшись по дороге. И тогда тебя охватывает паника, потому что ты понимаешь, что без одобрения тех, от кого ты зависишь, ты будешь просто отбросом. Так же было и в колледже. Там тоже твоё прошлое ничего не значило, и ты должен был завоёвывать своё место под солнцем и отстаивать свои права. Правда, тогда было легче. Среди сверстников ты сразу же обрастал сообщниками, и не существовало директрис, которых ты не мог бы обольстить улыбкой или парой любезных фраз. Потому что был молод, обаятелен и всем нравился. А теперь тебе не обольстить даже уборщицу туалета. И тогда, если ты хочешь

существовать, если хочешь занимать достойное место в небольшом обществе «Виллы Отрада», тебе не остаётся ничего другого, как согласиться с памперсами, клистирами и свечами и без удержу вымалывать благосклонные взгляды директрисы. День добрый, синьора директор, вы видели, какое сегодня яркое солнце? И получать в ответ тусклую улыбку или пожатие плечами с равнодушной гримасой. Но и к этому тоже привыкаешь. Человек привыкает ко всему.

Встаёт, снова передвигает банку с растением на несколько сантиметров, садится на другой стул, кладёт фотоальбом на колени.

Смотрит на соседний стул, на котором сидел только что.

— А всё же с наушниками очень удобно. С ними можно ходить, утопая в музыке, и не слышать ничего другого. Я спокойно могу думать о своей жене. Я больше не говорю с ней, потому что не хочу, чтобы она оказалась здесь, в этих стенах. Не столько потому, что здесь так ужасно. Это понятно. Человек, как я уже сказал, привыкает ко всему. Просто я знаю, что ей всё это не понравилось бы. Потому что она слишком молода. А старики, когда собираются вместе, могут напугать до смерти любого. Меня они тоже сначала пугали. Они казались мне просто ужасными. Но они были всего лишь грустными. А когда они веселы, то кажутся всего лишь сумасшедшими. Всё написанное на лице стариков приобретает другой смысл. С большим знаком минус. Но это не вина стариков. Они не виноваты в том, какими их видят другие.

Старик открывает альбом. Медленно переворачивает страницы. Останавливает взгляд на одной фотографии.

— Пикник. Под Тофаной... Сколько цветов было тем летом! Мне было... тридцать пять?.. Или тридцать шесть? У меня определённо счастливый вид, я определённо счастлив. Сегодня, наоборот, когда я думаю, что счастлив, я определённо таковым не являюсь. Жизнь, действительно, лишена смысла. Бог Отец, если бы он существовал на самом деле, должен был бы родить нас завернутыми в страничку инструкции по пользованию.

Снова листает страницы. Внезапно замирает и поднимает голову, словно прислушиваясь к чему-то.

— Мне не нравится здешняя тишина. Это ещё одна причина, почему я всегда хожу в наушниках. Потому что на самом деле это не настоящая тишина, какая бывает, например, в горах, в пустых церквях или на летних кладбищах. Это неестественная тишина. Если прислушаться, за ней слышен некий шумовой фон, глухой и не прекращающийся, что-то вроде шороха, который иногда доносится как будто из соседней

комнаты, а иногда издалека, из какого-то дальнего, всеми забытого помещения. Это шаркающие по полу подошвы здешних обитателей. Подошвы их стоптанных тапок. Внутри здания башмаки запрещены: они приносят грязь внешнего мира и царапают полы. И потому все старики «Виллы Отрада» ходят взад-вперёд, шаркая, словно мириады муравьёв в тапках. Безработные муравьи. А ещё все эти их фантазмы. Каждый старик таскает за собой свиту призраков. И они тоже шаркают, как подошвы стариков. Каждый призрак неотступно следует за своим хозяином, ступая шаг в шаг с его тапками, и тоже производит этот фоновый шум, этот шорох, скрывающийся за тишиной. Хотя шорох призраков более мягкий, более протяжный, словно колышется шёлковая занавеска, его легко отличить от шарканья тапок, потому что за ним не следуют эти противные шлёпки о линолеум пола.

Встаёт, делает несколько шагов, прислушивается.

— Настоящей тишины нет даже ночью, когда старики спят и перестают шаркать ногами. Но их призраки переговариваются между собой вполголоса. Они стараются делать это очень тихо. И если вы скажете, что вам удаётся расслышать их разговоры или что они вас беспокоят этим, это будет неправдой. Здешняя тишина какая-то не такая, не настоящая. Вдруг откуда-то начинают доноситься звуки... очень странные, как будто неземные... Это в водопроводных трубах звучат голоса мёртвых, всех тех, кто умер здесь, на вилле. Их песни. Они избавились от тоски и печали и поют о том, что, наконец, могут веселиться и при этом не казаться сумасшедшими. У каждого из них своя песня, но поют они их все вместе, и этот необычный контрапункт производит релаксирующее и гипнотическое действие, подобно некоторым восточным колыбельным. Лично я, когда мертвецы поют в водопроводных трубах, отлично сплю и вижу сладкие младенческие сны.

Какое-то время сидит, задумавшись.

— А вот старого Нидера, напротив, мучили кошмары, и он каждую ночь жутко кричал во сне... Это было очень странно, потому что, когда он не спал, то производил впечатление самого кроткого и спокойного человека на свете. Всегда в превосходном настроении, улыбался каждому во весь свой беззубый рот. И был очень щедр: когда его домашние приносили ему сладости, он делил их на маленькие равные части, выкладывал на металлическую фольгу, ходил по комнатам и всех угощал. Старик Нидер любил каждого, и они отвечали ему тем же, потому что он всегда готов был их выслушать. Конечно, он не всё понимал из того, что они ему рассказывали, и не был способен ответить им в том же духе

или дать им совет. Но другим старикам было достаточно видеть, как он выслушивает их с широко распахнутыми глазами, исполненными доброты и внимания. Они испытывали удовлетворение только от одного его вида. Днём старик Нидер жил в гармонии со всем миром, но по ночам ему снилась кошмары, и он кричал от ужаса. Ему давали успокоительные таблетки, но они не помогали. Не исключено, что ему помогло бы лечение у психоаналитика. У меня было полно знакомых, которые утверждали, что вылечились у психоаналитика. Может, у него в прошлом была сильная психическая травма, из-за которой какая-то нить его жизни напрочь завязалась узлом. У человека в восемьдесят четыре года прошлое тянется из такого далёка и до того запутано! Да и где найдёшь такого психоаналитика, который отважится отправиться за тридевять земель? Вернее всего, он сказал бы, что лечение займёт много лет и что оно того не стоит. В конце концов, старика Нидера были вынуждены удалить отсюда, потому что своими криками он не давал никому спать. Никто не знает, куда его отвезли. Может, в такое место, где все кричат точно так же, и на него никто не обращает внимания.

Пересаживается на соседний стул. Снова листает альбом. Рассматривает фотографию.

— Отпуск в Шотландии. Экскурсия на озеро Лох-Несс... Какое прекрасное солнце было в тот день! Просто ослепительное! Вода в озере так искрилась, что на неё было больно смотреть. Приходилось щуриться. Может, поэтому многим казалось, что они видели вдали знаменитое чудовище. В игре яркого света и тени любому может привидеться всё что угодно. Так же, как в облаках. В местечке каждый утверждал, что хоть раз видел это чудовище. В пивнушке, где мы завтракали, было полным-полно пьяниц, и любой из них за гроши готов был рассказать о том самом случае, когда он в одиночку вышел в озеро на своей лодке, ничего не подозревая, и неожиданно, метрах в ста от него, вода забурлила и задымилась...

Смеётся.

— Только представить себе, краснорожий монстроподобный пьянчужка рассказывает тебе о монстре! А тот монстр, наверное, после рассказывал своим малышам, как однажды всплыл на поверхность, ничего не подозревая, и метрах в ста от себя увидел плывущую лодку, а в ней краснорожее, дурно пахнущее чудовище...

Качает головой.

— Всё относительно в этом мире!

Захваченный новой мыслью, уставляет невидящий взгляд в одну точку.

— А старик Кафьеро заделался пьяницей... Он, разумеется, не пил здесь, на вилле, здесь это категорически запрещено. Он накачивался в барах по соседству. Поскольку ноги у него ещё хорошо ходили, он каждое утро отправлялся на прогулку. Вся прогулка состояла в том, что он напрямик топал в ближайший бар и возвращался через час, пьяный в стельку. Когда-то он был преподавателем литературы, как и я. А пил, потому что влюбился и страшно стеснялся этого. Ему было семьдесят девять, а его пассии, нашей медсестре, пятьдесят один. Мы, те, кто занимался изучением классической литературы, — последние романтики на этой земле. Она была некрасивая: худая, с острым, грубым лицом. И, как я знаю, за плату предоставляла свои костлявые прелести любому обитателю «Виллы Отрада». Я часто задавался вопросом, чем они могли с ней заниматься? Если только разглядывали её и всё. Глупая затея. Потому что после общения с ней они впадали в прострацию и замыкались в себе. Но только не Кафьеро! Экс-профессор литературы был тот ещё романтик. А эта тощая пожилая потаскуха была его Дульсинеей. Я уверен, она вытянула у него кучу денег за обещание не отдаваться никому больше и читать Флобера. Но она была жадной и лживой и продолжала демонстрировать свои отвисшие титьки старикам и глотать комиксы. В конце концов, наша директриса узнала о её подвигах, обнажила свою огненную шпагу и изгнала её отсюда. Но прежде заставила вернуть все деньги, которые та вытянула у постояльцев нашего дома. Лишь старик Кафьеро отказался брать свои деньги назад. Он был слишком горд, чтобы признаться в том, что платил своей Дульсинеей.

Встаёт и кладёт альбом на стул

— Всё хорошо, что хорошо кончается.

Делает несколько шагов, останавливается и снова поворачивается к стульям.

— Однако для Кафьеро всё закончилось плохо. Оставшись один, он загрустил и запил по-чёрному. Уходил по утрам, возвращался, едва держась на ногах, запирался в ванной и рыдал. Кто бы мог подумать, что он будет рыдать так громко, что всем будет слышно! В одно прекрасное утро он не вернулся. Его сбил мотоциклист, когда он переходил дорогу. Для стариков и кошек переходить дорогу смертельно опасно. К тому же, Кафьеро был мертвецки пьян. Но интересно и то, что мотоциклист, который его сбил, тоже был пьян. Больше того, газеты писали, что пьяным был только он, потому что Кафьеро умер от травмы черепа, и сделать анализ на содержание алкоголя в его крови никому даже в голову не пришло. Мы-то, обитатели «Виллы Отрада»,

хорошо знали, что в этот час утра он просто не мог быть трезвым. Но все будто сговорились, и никто его не выдал. Мотоциклист был осуждён за непреднамеренное убийство без смягчающих вину обстоятельств. А наши старики подумали: так ему и надо! К двадцати годам этот паренёк мог бы уже научиться ездить на мотоцикле! Да, он был совсем мальчик и признался на суде, что напился от отчаяния, потому что его бросила невеста. Надо же, старику, который хотел умереть от любви, помог сделать это влюблённый мальчишка! Я был счастлив за коллегу. И сам Кафьеро был бы счастлив, потому что для профессора литературы и представить невозможно более литературной смерти!.. И теперь по ночам я слышу, как он тоже поёт в водопроводных трубах, присоединяясь к хору других умерших. Мне легко узнать его по голосу. Он такой сиплый и булькает от постоянного пьянства.

Садится, меняя стул. Кладёт альбом на колени и снова переворачивает страницы. Замирает над очередной фотографией.

— *Здесь* нашему сыну десять лет. Мы отмечаем его день рождения. Показываем ему «Золушку». Фильм о могуществе магии.

Напевает фальцетом:

— Магия сотворит всё, что ты себе пожелаешь... бибиди-бобиди-бу! На мгновение задумывается над этими словами.

— Бибиди-бобиди-бу!.. Может быть, так оно и есть?..

Подносит альбом поближе к глазам.

— Двенадцать ребятишек... весь пол перемазан тортом... И двадцать четыре родителя. Какое захватывающее зрелище — фотографии умерших! Уже позабытые беззаботные лица людей, запечатлённые в тот момент их жизни, когда они и думать не думали, что наступит день, — уже без них... В этом есть что-то трогательное и незащитное... Двадцать четыре родителя... А сейчас, быть может, их двадцать четыре голоса поют свои песни в водопроводных трубах неизвестных мне домов. Но здесь они ещё живы, веселы и горды своими чадами, хмельными от шоколада. А мой — так просто настоящая чума! Он не делает уроков, но учителя говорят, что он всё схватывает на лету и, если бы он прикладывал чуть больше усердия, мог бы достичь гораздо большего... Здесь, на вилле, о детях почти не говорят. Такое впечатление, что все за что-то сердиты на них. Все. За исключением Бруссарда. Этот постоянно рассказывает, какой его сын славный, красивый, богатый и, самое главное, как сильно любит своего отца. Каждый раз, когда сын наносит отцу визит, он только и делает, что умоляет отца вернуться домой. А старый Бруссард ни в какую! И слышать об этом не хочет! Потому что

считает, что молодые должны строить свою жизнь так, чтобы никто не путался у них под ногами. То, что мои дети меня любят, это правильно, говорит он, мне это доставляет радость. Однако пусть выбросят из головы, что я могу вернуться и жить с ними! Так говорит всем старый Бруссард. Но многие видели, как он плачет, сидя напротив сына в часы визита. Я сам однажды видел это собственными глазами. Старик Бруссард в чём-то тихо убеждал сына, и глаза его были полны слёз. Он то жаловался, то умолял, потом перестал плакать, затих, а потом опять заплакал. А его сын, смущённо улыбаясь, продолжал сидеть с прямой спиной и поглаживать рукой отцовское колено.

Старик закрывает глаза, и в памяти всплывают слова его жены: «Скажи ему, что ты хочешь остаться с ним и детьми!.. Скажи ему, что тебе грустно, и ты боишься», кантиленой звучит её далёкий голос.

— Словно это могло бы что-то изменить!.. Старик Бруссард пробовал сделать это всякий раз. После чего вытирал слёзы и шёл рассказывать всем, как его сын любит его. Говорят, что это самозащита... Но я думаю, он делал это, чтобы выгородить своего сына.

Бросает последний взгляд на фотографию.

— Бибиди-бобиди-бу! — произносит он и захлопывает альбом.

Несколько секунд сидит, задумавшись, затем резко встаёт.

— Мой сын, когда был маленький, обожал меня! — восклицает он. — Я был для него Богом! А когда вырос, начал критиковать меня... Такое каждый мужчина воспринимает одинаково: как предательство.

Принимается нервно рассказывать взад-вперёд. Сначала быстро, затем ещё быстрее, затем постепенно замедляет шаг, пока не останавливается, обессиленный.

Садится на другой стул. Смотрит на тот, на котором сидел до этого.

— Внуки прислали мне комиксы, — говорит он, тяжело дыша. — До чего мило с их стороны! В книжках — история Плуто. Как они догадались, что мне здесь не хватало именно Плуто! Особенно я нуждался в нём по ночам... Мой сын говорит, что дети постоянно спрашивают обо мне и очень хотели бы меня видеть. Не уверен, что он говорит правду... Как бы то ни было, я этого не хочу! Явиться с визитом в собственный дом... нет, для меня это невозможно! Я бы умер от стыда! Да, я уверен, что я бы сдох от стыда! А вне дома, где я могу встретиться с ними? В баре? Как тайные любовники?.. К тому же, мои ноги плохо ходят, и я чувствую себя неуверенно, когда выхожу на улицу. Боюсь кончить, как кошка или как профессор Кафьеро. Это не значит, что для меня так важно, как я кончу свои дни. Просто такой конец мне не

нравится... очки летят в сторону... один башмак на ноге, второй неизвестно где... дурацкая физиономия вся в крови... Нет, такое не по мне. А о том, чтобы им прийти сюда, и речи быть не может! Я не хочу, чтобы они запомнили меня среди этих ужасных стариков... чтобы почувствовали запах этого места... Я не хочу, чтобы они увидели мою заискивающую улыбку, когда я вдруг столкнусь с нашей директрисой. Я ещё не забыл тот ком в желудке, когда меня ребёнком приводили в больницу навестить дедушку. Такой же ком я ощущал позже, когда меня бросили одного в колледже. Именно поэтому я не хотел посылать в колледж своего сына. Кончилось тем, что он сам послал меня. Сюда.

В голосе старика холодная злость. Но он тут же рубит рукой воздух.

— Нет, всё не так! Это было исключительно моё решение!

Вскакивает и, яростно волоча ноги, снова принимается ходить по мансарде. Но спустя несколько секунд вынужден остановиться, жадно хватая воздух. С удивлением оглядывается по сторонам с видом человека, внезапно провалившегося в странный тревожный сон. Его взгляд натывается на банку с базиликом, по-прежнему стоящую на полу.

— Свет ушёл! — восклицает он раздражённо.

Поднимает банку, делает с ней несколько шагов.

— Бесплезно... света уже нет нигде...

Ставит банку на пол и подходит к стулу, на котором только что сидел. С таинственным видом наклоняется к спинке стула: в его глазах неизбывная грусть.

— Истина в том, что следует признать раз и навсегда: ты остался один, — шепчет он. — Полумеры годятся только для того, чтобы вызвать у тебя остатки желаний... но после становится ещё хуже. Признать это следует со спокойствием и мудростью. А я на это не способен. Никто из живущих здесь не способен. Никто в мире не способен. Никому в мире не удастся убедить себя, что всё, ты остался один на всём свете и ждать тебе больше нечего.

Он выпрямляется, горько улыбаясь.

— Бог мой, какие мы социально уязвимые и зависимые! Уверен, любящая уличная кошка вправе презирать нас!

Отходит от стула на пару шагов, прислушивается.

— Включили телевизор. Сейчас шарканье усилится, потому что все постояльцы «Виллы Отрада», шлёпая тапками, поспешат в комнату... рекреации. Да, именно так её у нас называют, — добавляет он с ехидной ухмылкой. — Сперва начнётся обычная перепалка из-за мест, потом в предвкушении ежевечернего зрелища все рассядутся с вытарашчен-

ными глазами и открытыми ртами. И воцарится покой. Мёртвый и абсолютный, как на кладбище. Даже привидения перестанут шелестеть и выстроятся вдоль стен, словно старые девы на балу, и будут благовоспитанно ждать, когда их хозяйева зашлёпают тапками в обратном направлении и вспомнят о них... Я пойду в комнату рекреации вместе со всеми. Сяду в последний ряд, чтобы ни с кем не препираться. Нацеплю свои наушники, закрою глаза и буду слушать Баха... Я считаю, это правильно — побыть немного в их компании. Никого не напрягая, побыть в их компании одному. Даже в столовой, во время еды я не снимаю наушников. Потому что мне невыносим этот концерт из хлюпанья слюной и причмокивания. И себя я не хочу слышать, потому что я сам так же чавкаю и так же бурчу желудком, как все остальные. А уж их болтовня вовсе не доставляет мне удовольствия! Эти их бесконечные жалобы, это бесконечное враньё, которое они придумывают, чтобы найти силы вставать по утрам! Стенания и ложь — вот материя, из которой сотканы все старики. Открою вам правду: я их всех терпеть не могу!

Снова садится, но уже на другой стул. Механически открывает альбом, глядя в никуда. Спустя несколько секунд, захлопывает его. Смотрит на соседний стул.

— Мой сын хочет, чтобы я вернулся домой. Он сказал мне это вчера. Сказал, что без меня в доме — пустота. Что дети без конца спрашивают обо мне. Что меня не хватает и ему, и его жене. На самом деле он просто не хочет, чтобы я умер в этих стенах. Он считает это неприличным, — добавляет старик с чуть заметной смущённой улыбкой. — Я ответил ему: нет. Я уже не могу уйти из этого дома. Это было бы предательством по отношению к моим товарищам. Да, они мне не нравятся. Как и я не нравлюсь им. Здесь никто никому не нравится. Это как среди солдат в одном окопе. Они тоже друг другу не нравятся. Им ненавистно совместное пребывание в грязной канаве. Им противен запах соседа. Противно видеть в глазах других собственный страх. Они предпочли бы находиться дома в тепле и безопасности, подальше от остального сообщества, такого убогого и скорбного. Но они сражаются плечом к плечу в одном бою и готовы рисковать жизнью ради спасения товарища, попавшего в беду.

Склоняет голову, задумывается.

— И здесь, на этой «Вилле Отрада», и во всех подобных виллах всего мира всё точно так же. Каждый из нас ненавидит другого, но и жалеет его. Презирает его слабость, но и уважает его боль. И когда она становится такой сильной, что заставляет кричать, каждый из нас готов бежать

на помощь, волоча свои тапки и размахивая трясушимися руками. Мы все тут полоумные, выдохшиеся, жёлчные и эгоистичные. Но мы оказались здесь не по своей вине, если не считать виной то, что мы до сих пор живы. *И* здесь, как в окопе, боятся и умирают. Только нас за это никто не награждает медалями. И не благодарит за наше терпение. В сущности, это правильно, потому что мы ничем не жертвуем. Ни нашей молодостью, ни нашим будущим. И тем не менее все эти виллы, больницы с их линолеумом, тусклым светом, запахом супа, лекарств и дерьма, все эти проклятые места, где старики дожидаются смерти, надо признать святыми. И старики должны быть признаны святыми, потому что момент, в который человек прекращает существовать, ужасен, но и свят.

Некоторое время сидит молча. Затем спокойным голосом продолжает:

— Свят тот старик, что умер во сне три недели назад. И свято его предчувствие, которое заставило его впервые надеть новую пижаму. Её подарила ему дочь на день рождения. И свят старик, умерший в прошлое воскресенье, сидя на унитазах. Говорят, он умер от инфаркта, а фатальную роль сыграл его запор. Чрезмерные потуги, чтобы выдавить из себя этот жуткий кусок камня, который приносил ему ежедневные страдания. Как бы ни было, свят и он. Но я думаю, что он умер от горя, потому что в маленьком унитазах привидения толпятся так же, как и повсюду, они льнут к тебе, и вместе с ними толпятся мысли, воспоминания, всё, втрамбованное с тобой вместе в этот унитаз, и оно изматывает тебя, пока ты стараешься выдавить этот камень из себя. И однажды может наступить такое утро, когда ты уже не в силах вынести всё это, и камень вместе с воспоминаниями становится сильнее тебя. *И* такое утро тоже свято. Свят этот чудаковатый, нелюдимый старик, который однажды больше не поднимется со своего стула. Его найдут с закрытыми глазами и окоченевшими руками, сложенными на коленях. А в его наушниках будет звучать *Хорал* Баха. И святые все его товарищи, которым не хватило терпения дождаться своего конца, и они сознательно выбросили в окно те немногие дни, что им ещё оставались... Но я терпелив. Я верю, что мне удастся дождаться. Хотелось бы только выбрать лучшее время. Кто этого не хотел бы! Мои товарищи говорят, что предпочли бы умереть летом, чтобы солнце заглянуло в распахнутое окно и согрело их в последний раз. Я — нет. Я хотел бы умереть на Рождество. Посреди площади — ёлка, освещённая цветными лампочками... медленно падает снег... я в компании брата и сестрёнки, Того и Той, смотрю, как кружатся в воздухе снежин-

ки, засыпая наш чудный городок Паперополи*... и чувствую себя дома, в тепле и безопасности... на моих лапках жёлтые башмачки... на голове вязаная шапочка, мои виски чувствуют её мягкую ласку... словно это ласка моего недавно родившегося сына...

Старик надевает наушники. Суёт руку в карман кардигана, включает кассетник. Кладёт руки на колени, поверх альбома и закрывает глаза.

Перевод с итальянского Валерия Николаева

ОБ АВТОРЕ

Фурио Бордон родился в 1943 и живёт в Триесте, Италия. Он получил высшее юридическое образование и некоторое время практиковал в качестве адвоката, но оставил юридическую профессию, чтобы стать писателем. Он написал множество сценариев, которые воплощались на сцене и транслировались на телевидении и радио.

Наибольший его успех связан с пьесой «Последние луны», переведённой и поставленной более чем на 20 языках Европы и Америки. Пьеса была написана в 1992 году и признана лучшей итальянской пьесой года. Первая её постановка связана с именем Марчелло Мастоаянни, сыгравшего главную роль в спектакле и последнюю в своей жизни.

Литературный труд Бордона включает четыре романа и сборники рассказов.

Драматург, режиссёр, художественный руководитель театров и фестивалей — он получил высокую оценку публики и критиков как в стране, так и за рубежом (Prixdu Theater 2003 в Брюсселе, Premio Internazionale Flaiano 2010 в Италии).

Валерий Николаев (1942) — переводчик прозы и драматургии с итальянского языка. Окончил истфак МГУ, получив специальность историка-международника.

Сотрудничает с ведущими российскими издательствами, а также с литературными журналами. Член Союза писателей Москвы.

Автор нашего журнала. Живёт в Москве.

* Сказочный городок, в котором обитают все упомянутые в этой книге герои диснеевских мультфильмов и комиксов.

Григорий ОКЛЕНДСКИЙ
ХРОНИКА БЕЗУМНОГО ВРЕМЕНИ

МАРЕВО ЗАВТРАШНИХ ДНЕЙ

Ни о чём не печалься, дружище-дикарь,
Наше время наступит не скоро!
И сперва захлебнётся метелью январь,
Возродится апрелем суровым.

Протекут наши дни, как дырявый корыт
(он — мужского непрочного рода),
А секрет, словно клад ненадёжный, зарыт
В основание Храма природы.

И пойдут кочевать по земле пастухи,
Усмирять драчунов непокорных.
Опустеют поля и леса, а стихи
Разворуют зеваки проворно.

Бессловесное время и царство теней
Опечалит, похоже, немногих.
И, забывшись, скелеты ночных фонарей
Побредут по убитой дороге.

Неизбежное марево завтрашних дней
Ниспошлёт нам надежду и веру.
Оседлаем квадригу гривастых коней,
Улетим на Венеру!

В ПОИСКАХ СМЫСЛОВ

Если можешь не петь, не пой.
Если можешь молчать, молчи!
Если можешь не пить, не пей.
Если можешь кричать, кричи.

Каждый день как последний бой.
Каждый бой как последний день.
И погибший — всегда живой,
Если он защитил детей.

Если мир сорняком пророс,
А война расцвела зверьём,
Карма — кара небесных гроз —
Постучится в твой отчий дом.

И когда над твоим гнездом
Чёрный ворон в урочный час
Ненавистным взмахнёт крылом...
Почему ты тогда смолчал?

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Впасть бы в молодость шальную,
в дерзость юности моей,
где по-прежнему волнует
дрожь оплавленных свечей...

Возвращаемся к истокам,
где кисельны берега,
где у детского порога
молоком бежит река.
Там дворы, трава по пояс,
бесконечность и простор.

Все девчонки косы носят,
ты же — чёлку на пробор.
Там смятение и робость,
и волнение в груди.
«Что же ты такое робишь,
милый хлопчик?! погоди...»

Там торжественные речи
и огромная страна,
и сосед, с войны увечный,
курит трубку дотемна.
Вспоминает беспощадный
бой священный за весну.
Сыну — трубку завещает,
внуку — мирную страну.
Хрупкий мир. Плакатный лозунг:
«Лишь бы не было войны!»
Салютуют майским грозам
сорок пятого сыны.

...В нашей жизни быстрой
обвалились берега,
лишь воинственные речи
да словесная пурга.
И застыла по-над бездной
овдовевшая земля,
и вселились бесы в бездарь,
страхи — в днище корабля.
Ничего не сохранили
в горькой памяти страны,
и стоит крестом могильным
унитаз большой войны.

* * *

— Что происходит на свете?

— А просто зима.

Ю. Левитанский

— Что происходит на свете? — А просто война.

— Просто война, полагаете вы? — Полагаю.

Кровная, долгая, страшная, подлая, злая...

Как бесконечное эхо зловещего дна.

— Что происходит на свете? — Горят города.

Падают бомбы, дома превращая в руины.

Мать под завалом отыщет дочурку и сына,

Но воскресить не сумеет уже никогда.

— Что происходит на свете? — Беда за бедой.

— Долго ль продлится? — Вот этого, милый, не знаю.

Замерла жизнь на планете — от края до края.

Только сирены кричат над днепровской водой.

* * *

Когда закончится война,

Я навещу твой дом.

Скажу, как будто ты — жена,

Как будто мы вдвоём.

Прости, что не был я с тобой

Под бомбами в те дни...

И если я не твой герой,

То сразу прогони.

Но каждой ночью, видит Бог,

Я защищал тебя,

Себя швыряя за порог

Земного бытия.

Согреть дыханьем не сумел,

Не отбелить вину —

Не смог, не смог, как ни хотел,

Остановить войну.

РУССКИЙ МИР

Усталая вселенская печаль
Над русским миром голову склонила.
Призрела, приглубила, укрыла,
Но не смогла простить или понять.

Огромная вселенская любовь
В тот русский мир пытается пробиться,
Спасти ветхозаветные страницы,
Невинных, обречённых на убой.

Бездонная вселенская тоска
Сопровождает чахлый пароходик.
Он вроде бы плывёт, не тонет вроде,
Но не жилец — коль смотришь свысока.

Не с высоты надменности своей —
С вершины разлитого поднебесья,
Где богово поклоны не отвесит —
Кого простит, кого пошлёт взащей.

Но в эти дни прощения не жди!
Ты посягнул на самое святое,
Убийца веры! Проклянут изгоя,
И прах твой смоят вешние дожди.

...Ты — русский миф. Что сделалось с тобой?
Уже не чтишь ни предков, ни потомков.
Ты — русский мир, идущий на убой
С жестокостью, тоскою и котомкой.

ГУЛЛИВЕРЫ И ЛИЛИПУТЫ

Какой беды мы взваливаем груз
На плечи наши хрупкие — веками,
В огонь швыряя крепость братских уз
Дрожащими от холода руками?

А в воздухе — не запахи весны,
Пробившейся сквозь ледяную стужу.
Дымится в предвкушении войны
Походной кухни безыскусный ужин.

И ветры дуют, проколов нутро
Последнего душевного приюта.
А надо жить... Не слиться заодно
С бессмертной когортой лилипутов.

Да, надо жить! Печальный небосвод
Сегодня преклонил свои знамёна.
А завтра, Гулливерами ведомый,
Последнюю надежду отберёт.

* * *

Мир суров, жесток, непрочен,
По-мужски суров — убойно.
Мир по-женски непорочен,
Я на краешке стою...

Небо — порванная скатерть.
День отвесно смотрит в пропасть.
Ночка страхами накатит,
Колыбельную спою.

По земле шагает смута.
Искорёженным металлом
Салютует небу утро.
Я на краешке стою...

В городах — полынный холод
И собаки в камуфляже.
Шар земной войной расколот,
Удержаться б на краю.

ОБ АВТОРЕ

Григорий Оклендский родом из Белоруссии. Школьные годы — в Гомеле, студенческие — в Ижевске, лучшие — в Новосибирском Академгородке. Многие годы занимался автоматизацией научных исследований и разработкой компьютерных систем здравоохранения. Кандидат технических наук. Почти 28 лет живёт в Окленде, Новая Зеландия, продолжая профессиональную карьеру в области информационных технологий.

Поэт. Автор 3-х поэтических книг, многочисленных публикаций в бумажных и сетевых изданиях, таких как «Гостиная», «Новый Континент» и «Чайка» (США), «Эмигрантская Лира» (Бельгия), «7 Искусств», «Мастерская» и «Литературный европеец» (Германия), «Витражи» (Австралия), «Зинзивер», «Поэтоград» и «Литературные известия» (Россия), «Артелен» (Украина), и др.

Дипломант (шорт-лист) премии «Писатель XXI века» в номинации «Поэзия» (2020 г.) — за книгу «Что дорого...» (Москва, 2020). Лауреат и финалист нескольких международных поэтических фестивалей и литературных конкурсов. Член Союза писателей XXI века.

Юлий ЗЫСЛИН

ПАСТЕРНАК И МУЗЫКА

Новая фундаментальная работа Юлия Зыслина содержит ряд малоизвестных фактов биографии Бориса Пастернака. Автор посвятил своё повествование теме «Пастернак и музыка». Мы публикуем фрагменты книги.

Пастернак не раз говорил и писал о своих музыкальных пристрастиях. Музыка была немалой составляющей его счастья, даром которого он, по мнению критика и литературоведа Натальи Ивановой, обладал в полной мере и даже позволял себе «плакать от счастья». Не зря же он *«всегда улыбался»* (Л. Горнунг), *«...на эстраде он был счастливейшим человеком...»* (К. Чуковский), *«...счастливый человек. Он никогда не будет озлобленным. Жизнь свою он должен прожить любимым, избалованным и великим... Этот счастливый и большой человек чувствовал...тягу истории»* (В. Шкловский). И при этом Пастернак часто и *«навзрыд»* анализировал и оценивал своё разнородное творчество и сложившуюся судьбу, что приводило к его постоянному само совершенствованию.

По мнению Ильи Эренбурга, который общался с Пастернаком десятки лет, тот был среди поэтов *«самым близким к стихии музыки..., жил с жизнью в ладу..., был счастливым и жил вне общества..., будучи общительным, даже весёлым с другими, знал только одного собеседника: самого себя»*. Проницательный Эренбург понимал сущность поэтов: *«Пастернак чувствовал природу, любовь, Гёте, Шекспира, музыку..., он слышал звуки, неуловимые для других, слышал, как бьётся сердце и как растёт трава..., у Бориса Леонидовича было богатое сердце, но ключей к чужим сердцам у него не было..., жил не для себя, эгоистом он никогда не был»*.

ВСТРЕЧА СО СКРЯБИНЫМ

Несмотря на большую занятость, выдающийся композитор Скрябин нашёл время и принял Бориса Пастернака. Это произошло в марте 1909 года.

Сохранились ноты трёх композиций 1906 и 1909 годов, которые, наверное, Борис и сыграл Скрябину, когда пришёл к нему на Арбат в Глазовский переулок, дом 8 (особняк и музыкальный салон супругов Кусевицких). Скрябин тогда здесь временно жил. (Сергей Кусевицкий – русский и американский (с 1923 г.) дирижёр и композитор).

Несколько слов о самих музыкальных сочинениях Бориса Пастернака.

Поэт Лев Озеров более 20 лет общался с поэтом. Он рассказывал мне, что после смерти Б.П. у него в столе нашли три клавира: две прелюдии 1906 г., когда Пастернак уже три года брал частные уроки по теории музыки и композиции, и сонату (1909). Возможно, поэт сохранил их как нечто дорогое для него, хотя пренебрегал архивами (*«не надо заводить архива»*). Ноты этих трёх сочинений опубликованы в книге *«Раскат импровизаций»* (составитель Борис Кац, 1991). Друг Пастернака Н. Вильмонт упомянул в своих воспоминаниях про «юношескую „Поэму в нотах“» (к сожалению, ноты этой пьесы не сохранились и не ясно, что имелось в виду).

Известно, что великий пианист и педагог Генрих Нейгауз, когда Пастернак примерно в 1930 г. подарил ему ноты своих пьес, хотел это исполнять на «бис» в своих концертах, что встретило решительное возражение Бориса Леонидовича: *«Нет, нет! Это было бы ложной сенсацией! Нельзя играть несостоявшегося композитора»*. (Н.Вильмонт).

Однако позднее эти три пьесы вошли в репертуар целого ряда пианистов.

В 1990-е годы сочинения Пастернака изредка исполнял профессор Московской консерватории Валерий Кастельский.

А сейчас исполнять музыкальные сочинения поэта не чураются, наряду с российскими пианистами, ещё немецкие, испанские, нидерландские, японские...

Американо-российский писатель и бывший скрипач Соломон Волков высказался об одной из прелюдий Пастернака: *«Это, конечно, музыка, всеми своими нитями связанная со скрябинской, и очень любопытный образец музыкального творчества самого Пастернака»*.

На заседании московского музыкального клуба «СВЕЧА» ученик друга клуба пианистки Аллы Турянской, студент Московской консерватории Возген Вартанян исполнял прелюдию Пастернака ми-бемоль минор (1906). В «Вашингтонском музее русской поэзии и музыки» мы часто включаем эту запись для посетителей.

Встречу со Скрябиным Пастернак описал в «Охранной грамоте» через 20 лет (1929–1931) после самого события и подробнее ещё через 25 лет в очерке (весна 1956, ноябрь 1957, «Люди и положения. Автобиографический очерк»).

По Пастернаку, Скрябин «*выслушал, поддержал, окрылил и благословил*». Однако он неодобрительно высказался об его любви к импровизации. Это было странно и неожиданно. Профессиональные композиторы используют импровизацию в своей практике и в своих сочинениях. Даже начинающий Чайковский в своё время был склонен импровизировать, но Скрябин вообще не любил Чайковского. Пастернак же не был равнодушен к П. И. Чайковскому, музыка которого звучала в доме его родителей: «*Где-то... на грани почти „садовых“ или „каскадных“ мотивов зарождается дух и гений Чайковского, и тут же, сразу, с „открытой эстрады“ достигает высот и трагизма шестой симфонии и „Пиковой дамы“*».

Существует мнение, что импровизация опасна для композиторской деятельности. В этой связи приведём мнение музыковеда Александра Сердюкова: «*Импровизация часто противопоставляется тщательно продуманному и отредактированному тексту сочинения, тем не менее, она неразрывно связана с созданием музыкального текста... Легко убедиться в несомненной пользе и необходимости овладения искусством импровизации...*»

Вообще-то импровизация — это быстрое сочинение музыки без её фиксации в **нотах**. Зато можно это запомнить и использовать в капитальном сочинении, или рассмотреть как вариант нового сочинения. Можно записать на современные носители и включать или даже осуществить электронное преобразование в нотную запись.

Для Пастернака импровизация была большой радостью, и здесь он себя чувствовал уверенно. В импровизациях проявлялось его музыкальное мышление. При этом он сам к этому пришёл: его как будто специально никто не обучал этому.

Возвращаемся к воспоминаниям Пастернака о встрече со Скрябиным:

«Первую вещь я играл ещё с волнением, вторую — почти справясь с ним, третью — поддавшись напору нового и непредвиденного. Случайно взгляд мой упал на слушавшего. Следуя постепенности исполнения, он сперва поднял голову, потом — брови, наконец, весь расцветши, поднялся и сам и, сопровождая изменения мелодии неуловимыми изменениями улыбки, поплыл ко мне по её ритмической перспективе. Всё это ему нравилось. Я поспешил кончить. Он сразу пустился уверять меня, что о музыкальных способностях говорить нелепо, когда налицо несравненно большее, и мне в музыке дано сказать своё слово. В ссылках на промелькнувшие эпизоды он подсел к роялю, чтобы повторить один, наиболее его привлёкший. Оборот был сложен, я не ждал, чтобы он воспроизвёл его в точности, но произошла другая неожиданность, он повторил его не в той тональности, и недостаток, так меня мучивший все эти годы, брызнул из-под его рук, как его собственный».

Сейчас и дальше беру на себя смелость в который раз проявить субъективизм, за что прошу извинения у читателя. Но я пишу о моём Пастернаке на основе своего жизненного и музыкального опыта.

Мне встреча двух композиторов — начинающего и матёрого — представляется следующим образом.

Как будто Скрябин и не очень внимательно слушал. Борис исполнил ему три свои сочинения, предположительно именно тех трёх, ноты которых сохранились в рабочем столе поэта. Скрябин сел за рояль и проиграл одну из показанных Пастернаком фортепианных пьес (или фрагмент). Притом маэстро не просто проиграл пьесу Пастернака, скорее самый трудный для исполнения пассаж, но сделал это в другой тональности. Борис пришёл в смятение. Игра «в транспорте» (т.е. игра с ходу **по нотам** или наизусть, но в другой тональности, чем выписано в клавире или партитуре) — это высший класс для музыканта. Но этим владеют далеко не все. Внутренний слух есть у многих, но не все обладают способностью выразить это в звуках.

Смятение Пастернака понятно. Ведь это даже больше, чем наличие или отсутствие у музыканта абсолютного слуха, при котором высота звука ощущается абсолютно. Как будто музыкальный Бог оказался человеком без абсолютного слуха.

Борис Гаспаров предположил, что Скрябин сыграл музыку Пастернака просто в более удобной для него в данный момент тональности. Конечно, «транспортом» он владел виртуозно. Борис же решил, что у него нет достаточных способностей и продолжать занятия музыкой профессионально больше не следует: *«У меня не было абсолютного слу-*

Л. О. Пастернак. *Игра в четыре руки*
(Играют Р. И. Пастернак и Я. М. Ромм). 1905
Сзади стоит Борис и следит за игрой по нотам

ха, способности угадывать высоту любой произвольно взятой ноты, умения, мне в моей работе совершенно ненужного. Отсутствие этого свойства печалило и унижало меня, в нём я видел доказательство того, что моя музыка негодна судьбе и небу. Под таким множеством ударов я поникал душой, у меня опускались руки. *Музыку, любимый мир шестилетних трудов, надежд и тревог, я вырвал вон из себя, как расстаются с самым драгоценным».*

Его смущала, как ему казалось, и низкая его фортепианная техника: *«При успешно подвинувшемся сочинительстве я был беспомощен в отношении практическом. Я едва играл на рояле и даже ноты разбирал недостаточно бегло, почти по складам».*

Фазиль Искандер считал, что отказ от музыки у Пастернака произошёл *«из-за какой-то мистической сверхчестности».*

Всё это БП называл своими музыкальными несчастьями.

Пастернаку вообще было свойственно самоедство, самобичевание, преувеличенно резкие оценки своего творчества. Это отмечал и предполагаемый его биограф Н. Вильмонт. Мне же кажется, если бы он плохо разбирал ноты, то не смог бы с листа играть в четыре руки с опытными пианистами, что ему приходилось делать, о чём ещё будет разговор. И он не стал бы следить по нотам, когда его мать в 1905 году играла в 4 руки с другом семьи.

Решению Пастернака бросить музыкальные занятия поспособствовало и то, что, по поданному им ещё 16 июня 1908 г. прошению, он уже был зачислен в МГУ на юридический факультет. Скрябин посоветовал ему перевестись на философское отделение историко-филологического факультета, что и было сделано на следующий день после встречи с композитором. Здесь под руководством философа Серебряного века Г. Г. Шпета Пастернак знакомится с феноменологией

Э. Гуссерля. В апреле-августе 1912 г. он окажется в Германии на кафедре немецкого философа-идеалиста Германа Когена в Марбургском университете (записался на его семинар 9 мая 1912).

По словам сестры Пастернака Жозефины, именно в Марбурге Борис *«за одну ночь становится из искателя поэтом»* и откажется и от философии как чуждого ему занятия. Всё же в 1913 г. Пастернак окончил Московский университет с дипломом первой степени кандидата философии, который он не стал получать...

Итак, произошло эмоциональное решение отказаться от серьёзных занятий музыкой и философией. И к рисованию он как будто никогда не возвращался. Продолжал ли иногда рисовать после юношеских опытов? Набрасывал ли он что-либо в своих рукописях, мы не знаем. Ведь мог бы в принципе это делать. Но он не хранил свои архивы. Однако, он выделял некоторые свои стихи *«если в них преобладали объективный тематизм и мгновенная, рисующая движение живописность»* (1945 г.), а драматург Александр Гладков, который много лет общался с Пастернаком, называл его «несравненным пейзажистом».

Для поэта глаз художника очень полезен. Это сродни наблюдательности. Пастернак говорил Гладкову: *«Ошибка глаза, то есть ошибки в строении вещи, определяют ошибки слуха, то есть языка...»*.

Музыку Пастернак, конечно, не бросил, хотя неоднократно резко высказывался по этому поводу. Он лишь отказался от карьеры профессионального композитора и тем более пианиста. Но не порвал с музыкой как с искусством, как предметом отдохновения и остался музыкантом-импровизатором, не лишённым способности при необходимости аккомпанировать кому-либо.

Пастернак регулярно посещал Московскую консерваторию, вполне квалифицированно анализировал услышанное. Использовал свои музыкальные знания в своём литературном творчестве и философских размышлениях о жизни. Временами он что-то наигрывал, что-то импровизировал. Всю жизнь терзался, правильно ли он поступил с музыкой. По воспоминаниям Вильмонта, 15 сентября 1921 года, накануне отъезда родителей в Европу, *«Пастернак сел за рояль, стал импровизировать, как мне показалось, чудесно и вдруг сказал: „Что, если мои литературные затеи — ерунда, а это — настоящее? Теперь уж не спросишь Скрябина, а когда он был жив, я ему не поверил“»*.

* * *

В начале войны вторая жена поэта Зинаида Николаевна с младшими сыновьями была эвакуирована из Москвы в Чистополь. Как женщина практичная и хозяйственная, не чурающаяся чёрной работы, она служила здесь сестрой-хозяйкой в детском саду и школе-интернате со 100 детьми писателей, куда Марина Цветаева мечтала поместить своего сына Георгия (домашнее имя Мур), когда они в конце августа 1941 г. жили в Елабуге. Дети в Интернате побаивались Зинаиду Николаевну.

Борис Пастернак временами приезжал на некоторое время в Чистополь.

О пианино в Чистополе, на котором играл Пастернак, мне рассказал, а потом и написал хирург-ортопед, доктор медицинских наук, мемуарист и детский поэт Владимир Голяховский. Мы познакомились в Америке в начале 2000-х годов, после его выступления по русскому телевидению RTN со своими детскими стихами и книжками.

Голяховский жил в Нью-Йорке. Успешно работал по специальности. И писал.

В его письме ко мне в Вашингтон из Нью-Йорка от 29 мая 2003 г. о Пастернаке-музыканте и об их встречах написано буквально следующее:

Хочу Вам сказать, что я с детства был знаком с семьёй Пастернака и неплохо знал самого Бориса Леонидовича. В 1941-43 годах мы были соседями во время эвакуации в городе Чистополь. Мне тогда было 12-14 лет, я учился с его пасынком Станиславом Нейгаузом и был старшим другом его сына Жени. Я бывал у них в доме, а Борис Леонидович бывал в доме у нас, потому что мы жили в семье местного врача, где было пианино, и он приходил к нам играть. Потом я встречался с ним уже как доктор, нас свёл в Переделкино Корней Иванович Чуковский, мой учитель.

Фрагмент письма В. Ю. Голяховского

Всё это есть и в его книге воспоминаний, отчасти другими словами (даю это фрагментарно):

«... В свои 12–13 лет я слышал про ореол славы и уважения вокруг него... В школе я учился с его детьми и бывал у них в тесной квартире. Пастернак приходил к нам в дом и играл на пианино (он был хороший пианист), у наших хозяев был инструмент... (выделено мною. — Ю.З.)

В июне 1943 года весь эвакуированный Литературный фонд возвращался из Чистополя в Москву. Мы с мамой ехали вместе с Пастернаками.

Две недели мы плыли по трём рекам — Каме, Волге и Оке — на пароходе... Капитан парохода просил всех писателей написать что-нибудь в судовом журнале... Мама показала мне, что написал Пастернак: „Очень хорошая погода, мечтаю выкупаться и о свободе печати“...»

В Чистополе были рояли. Один из них стоял в интернате для писательских детей, где находился его сын Леонид и работала сестрой-хозяйкой его жена Зинаида Николаевна. Вечерами после работы в колхозе на нём играл пасынок Станислав Нейгауз, которого Пастернак очень любил и в будущем в Москве приходил на все его концерты. Иногда Станислав выступал на разбитом рояле в детском саду. Зинаида Николаевна тоже с ним выступала. Они играли в 4 руки симфонии Бетховена.

Моя ровесница и друг Софья Игнатьевна Богатырёва (проф., штат Колорадо) из литературного клана Ивичей, тоже была в Чистополе в этом интернате. Она мне рассказала, что девочки ждали этих приходов Стасика к роялю.

Здесь же проводились различные музыкальные и театрализованные вечера, ставились серьёзные балетные сцены. Пастернак трижды присутствовал на этих вечерах. Софья участвовала в них, и был случай, когда он похвалил девочку Соню её маме, которая случайно оказалась в зале рядом с ним.

Пастернак в Чистополе аккомпанировал солисту Большого театра, народному артисту СССР Максиму Дормидонтовичу Михайлову, наиболее известному исполнением партии Ивана Сусанина в одноимённой опере Глинки, когда тот давал концерты в городе.

Начиная с 1956 года. Голяховский регулярно общался с Корнеем Чуковским, бывал у него на даче в Переделкине. При первой встрече Корней Иванович встретил его такими словами: *«А-а, это тот поэт, который называет себя доктором, и доктор, который хочет поступить в Литературный институт ... Там пишут плохие стихи... и приучаются плохо писать»*. Однажды, это было в 1958 году, Чуковский представил Владимира Пастернаку, который зашёл к коллеге: *«Этот молодой человек уже опытный хирург и ещё начинающий поэт»*.

Во время этой встречи между Пастернаком и доктором произошёл такой диалог:

- Где вы работаете?
- В Боткинской больнице.

— Мой доктор Живаго тоже работал там... Можете вы вылечить меня? — спросил он. У меня спина болит, все мышцы ноют, особенно руки — вот здесь.

Я обследовал его прямо в кабинете Чуковского. Во время обследования я напомнил ему о встречах в Чистополе пятнадцать лет назад. Он только улыбнулся. После обследования мне стало ясно, что у него развивается миостения (слабость мышц). Я предложил:

— Вам надо пройти курс массажа и физиотерапии.

— Где я могу получить эти процедуры?

— У вас в Переделкино — здесь же есть Дом творчества писателей с медицинским кабинетом.

— Это Дом творчества советских писателей, — подчеркнул он. — Теперь меня не считают одним из них. Недавно группа европейских писателей приезжала в Москву и хотела повидать меня. Но первый секретарь Союза Сурков велел мне временно скрыться в Тбилиси. Я ходил по улицам, и грузинские писатели спрашивали: что я там делаю? А я был в ссылке, в бесчестии.

Голяховский разработал свой ортопедический метод и лечил в своё время не только Пастернака, но и балерину Майю Плисецкую, а также Н. С. Хрущёва, Льва Ландау, С. М. Будённого, Юрия Никулина и многих других знаменитостей.

* * *

Хорошо известна любовь Бориса Пастернака к Грузии, к грузинским поэтам и их творчеству. Он побывал в Грузии и, прежде всего, в Тбилиси 4 раза:

— в 1931 г., вместе с Зинаидой Николаевной,

— в 1933 г. в составе писательской бригады,

— в 1945 г. на праздновании 100-летия Николоза Бараташвили,

— в 1959 г. его «попросили» уехать из Москвы во время визита в СССР премьер-министра Англии.

В 2000-х годах в Тбилиси я обнаружил ещё одно пианино, на котором, по мнению потомков поэта Тициана Табидзе, любил играть Борис Леонидович (мне даже посчастливилось посидеть за этим инструментом и опробовать как оно звучит).

Недавно я узнал из грузинских публикаций в Интернете, что этот инструмент Борис Леонидович купил и подарил дочери своих друзей Нины и Тициана Табидзе Ните (см. фото):

Хранитель музея Тициана Табидзе Нита
(Танаит, Танит) Табидзе, 1980-годы
Справа, над пианино, портрет ее матери,
Нины Табидзе

Нита Табидзе — не только дочь Тициана и Нины, но ещё и праправнучка отца грузинского народа Ильи Чавчавадзе, убитого не без участия большевиков в 1907 году. Через три десятка лет будет убит и её отец Тициан. Дедушка Ниты Александр Макашвили, выдающийся общественный деятель, был отправлен Ильёй Чавчавадзе в Петербург, где он окончил юридический факультет, затем оказался в Париже, где встретился с Виктором Гюго и с другими французскими писателями.

30 июля 1959 г. Пастернак рассказал скульптору и собеседнице Зое Масленниковой о своей последней поездке в Грузию, когда она его об этом попросила: «... Остановились мы у Нины Александровны Табидзе. Она не раз у нас гащивала и знает мой распорядок досконально, так что мне там был создан такой же режим, те же часы трапезования и прочее. Всё это время дочь Нины Александровны Нита не отпускала меня от себя. Она говорила, что для неё это такое счастье — общаться, разговаривать, гулять со мной».

Вообще-то Пастернак побывал непосредственно у Табидзе три раза — в 1931, 1933 и 1959 годах (первый и третий раз вместе с Зинаидой Николаевной). Борис Леонидович познакомился с Тицианом Юстиновичем, когда первый раз приезжал в Грузию. Пастернак и Зинаида Николаевна дружили с его женой Ниной и много раз встречались после ареста Тициана 10 сентября 1937 г. и его расстрела 15 декабря. Нина бывала и жила у них в Переделкине. Пастернак неоднократно помогал ей материально. Никак не афишируя свою щедрость, он посылал Нине и её дочери Ните половину каждого своего гонорара за переводы с грузинского (сохранились почтовые квитки).

Как же я обнаружил ещё один инструмент, на котором играл Борис Леонидович?

В 2007 г. в Грузии был «Международный русско-грузинский поэтический фестиваль», который проводил Русский театр им. А. Грибоедова и журнал «Русский клуб». Редактор этого весьма неплохого журнала, очень милый человек Александр Сватиков, в один из фестивальных дней предложил провести для меня и ещё 2–3-х человек большую экскурсию по Тбилиси. По моей просьбе, он испросил у потомков Тициана Табидзе разрешения посетить их тбилисскую квартиру, которая одновременно являлась Музеем поэта, и находилась на улице Грибоедова, д. 18. Дом был довольно обшарпанный.

На лестнице у дверей Музея Табидзе сидел милиционер.

В квартире с высокими потолками было 3 комнаты: 2 комнаты под Музей и одна жилая. Здесь жил внук поэта, крупный грузинский хирург Гиви Андриадзе со своей женой Мананой, профессором кафедры теории музыки Тбилисской государственной консерватории им. В.Сараджишвили, деканом музыкально-композиторского факультета, проректором по учебной части.

С сестрой хирурга Нино Асатиани-Андриадзе я тогда пообщался по телефону. Сейчас она директор этого музея. В один голос Гиви и Манана мне сообщили, что Пастернак играл на этом пианино. Я предполагаю, что Зинаида Николаевна тоже могла это делать.

Я запросил Александра Сватикова, что известно об этом пианино, и в 2021 г. при поддержке коллеги по фестивалю 2007 года Олега Цыбенко получил от Нино воспоминания её брата Гиви Андриадзе:

«...В нашем доме стоит пианино „Беккер“, подаренное мне лично отчимом Стасика Нейгауза Борисом Пастернаком».

Родители решили учить Гиви музыке. А он отлынивал, ссылаясь на отсутствие в доме инструмента.

Гиви продолжает: *«Вот дядя Боря мне и удружил. Контейнером, кажется, переслал это пианино, принадлежавшее ещё Генриху Нейгаузу, а Стасику, пианисту уже всемирно известному, ставшее ненужным. На этом пианино не раз играл Святослав Рихтер. Фортепианные вечера Генриха и Станислава Нейгаузов — ещё одна легенда нашего дома, о них вспоминают многие яркие фигуры старого просвещённого и артистического Тбилиси. Получается, недаром было подарено мне это пианино со счастливой судьбой...»*

В Музее Табидзе, кроме пианино, которое стояло в 2007 году у другой стены, меня впечатлила, конечно, машинописная рукопись романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» в 4-х переплетённых книгах.

В связи с упомянутым романом отметим, что, работая над ним в 1945–1955 годах, он читал стихи и главы из него у друзей и знакомых. Это происходило по московским адресам, где с разной степенью вероятности могли быть музыкальные инструменты: знаменитой пианистки Марии Юдиной уж точно.

Борис Пастернак играл на фортепиано с раннего возраста и, по крайней мере, до 69 лет. Он садился за имеющийся под рукой инструмент—рояль или пианино, — чтобы, прежде всего, **поимпровизировать**, иногда поиграть с пианистами в четыре руки, заглянуть в ноты, просто поиграть что-то для себя, особенно когда никого рядом не было, и никто не мог его осудить, за, якобы, плохую технику...

Великий пианист и педагог Генрих Нейгауз не зря определил Пастернака как музыканта «до мозга костей».

ОБ АВТОРЕ

Юлий Зыслин родился в Москве. В США с 1996 года. Кандидат технических наук, коллекционер, культуролог, издатель, бард. Основал в Москве музыкально-поэтический клуб «Свеча» (1979–1995), а в Вашингтоне — «Музей русской поэзии и музыки» (1997), «Аллею русских поэтов, композиторов, художников и писателей» (2003), «Цветаевские костры» (1996). Инициировал создание русского отдела в одной из новых библиотек Большого Вашингтона (2006).

Автор 6 сборников стихов, 6 книг прозы, более 200 статей, 25-ти музыкально-поэтических композиций, сотен песен. Автор идеи создания «Американского музея русской культуры» для широкой публики. Публиковался в различных журналах и в ряде газет.

Обладатель медали Московского дома Марины Цветаевой «За достижение в цветаеведении».

Книга о Пастернаке-музыканте — плод многолетней кропотливой работы исследователя и писателя. В печатную версию вошли, кроме вступления и послесловия, два раздела: «Через музыку и философию в литературу» и «Рояли Пастернака». Полная (электронная) версия в два раза больше и содержит раздел «Женщины Пастернака и музыка». С ней можно познакомиться по ссылке: https://docs.google.com/document/d/1vmVUdPoS5qAY3c3WZKMOpX-DBDoITm_x/edit?usp=sharing&oid=117891983319865841948&rtpof=true&sd=true

Геннадий МИХЛИН

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

ВОЙНА И МИР

По результатам войны был заключён мир.
По результатам мира началась война.
Победил сильный, но неправедный.
Праведный, но слабый потерпел поражение.
По результатам войны был заключён неправедный мир.
Возведены монументы и памятники.

По результатам мира началась война.
Победил сильный и праведный.
Потерпел поражение слабый, но не менее праведный.
По результатам праведной войны был заключён неправедный мир.
Возведены монументы и памятники.

По результатам мира началась война.
Победил сильный и праведный,
потерпел поражение слабый и неправедный.
По результатам войны был заключён праведный мир.
Возведены монументы и памятники.

По результатам мира началась война.
Сильный и праведный оказался слабым и не победил.
Слабый и праведный остался слабым и тоже не победил.
По результатам войны был заключён праведный мир.
Возведены монументы и памятники.

По результатам мира началась...

А МИР ИГРАЕТ И ПОЁТ

У нас всё гладко, трали-вали,
под марши браво глотки драли.
А мир играет и поёт.
И всё прилично — шуры-муры!
В фанфары дули трубадуры.
А мир играет и поёт.
Шаляй-валяй, по барабану!
Чужим всем дали по чурбану.
А мир играет и поёт.
По стопарю и — тили-тили,
кого-то невзначай прибили.
А мир играет и поёт.
Клеймили честный люд позором
никем не пойманные воры.
А мир играет и поёт.
Что было — сплыло, шито-крыто,
забыто всё, что вдрызг разбито.
А мир играет и поёт.
Мы все когда-то жили-были,
вождей-диктаторов любили.
А мир играет и поёт.
И вот так далее, так дале...
Всем места хватит в Магадане.
А мир играет и поёт.

Но где-то всё наоборот.

Но даже где наоборот,
Там все танцуют и смеются.
Там все танцуют и смеются,
Хотя и всё наоборот.
И все танцуют и смеются,
И все играют и поют.
Над водной гладью песни льются,
Пожар, похожий на салют.

КАМОРКА

В душной маленькой каморке
ночь глядит в проём окошка,
и как будто родничок,
ночничок дрожит-трепещет,
суетно играя с темью...

В душной маленькой каморке
в толстостенном заточенье
лист папируса под свечкой
и перо — как медиатор
между чуткой белизною
и лохматой головой.

В душной маленькой каморке
концентрируются мысли
до критических пределов,
атомно-взрывоопасных,
до несчётных мегатонн.

А под небом всё прекрасно,
Солнце с бледною луною
мирно тянут хоровод
и не ведают, что где-то
в душной маленькой каморке
концентрируются мысли
до критических пределов
в прозорливой голове.

Но когда созреют мысли
в тяжком бремени несносном,
то однажды вдруг он выйдет
из той маленькой каморки
в ореоле — будто факел —
обладатель гениальной
и лохматой головы.

И раскинет длань над миром,
и его вдруг все узнают.
И — как будто детонатор —
пронесётся лёгким бризом
над узревшюю толпою
изумлённый вздох мечты...

Вот тогда случится взрыв.

Те, кто чудом уцелеют,
будут разводить руками
и рассказывать потомкам,
как всем было тяжело.

Но потомки не поверят,
потому что Солнце светит,
и придут толпой на встречу
с прозорливой головой.

Эх, наверно, не найдётся
в мире больше человека...
Ну, тогда я вам скажу:
— Не давайте больше часа,
даже больше двух минуток
в душной маленькой каморке
ночью сиживать под свечкой
даже лысой голове.
Например, как у меня.

ПРОЛОГ

Крыши с красной черепицей,
в ресторане кофе с пиццей,
в зеркалах причёски, лица...

Полный кайф, как говорится.

Лес дремучий, снег сугробный,
буря с голосом утробным,
вездеход застрял холодный...

Волк глядит зрачком загробным.

Яхта парусом трепещет,
Море ласковое плещет,
свежий воздух, солнце блещет...

Что ещё приятней, легче?

В грязь весеннюю порою
упадёшь и сплунешь кровью,
пули косят под горою...

И умрёшь, чтоб стать героем.

Вилла, девочки-землячки,
Все фактурные, не прачки,
Холуи — те на карачках...

Миллиардные заначки.

Ну, а клячи пенсионные
в кулачке мнут не «зелёные» —
нищенские и законные...

Всё как прежде в лета оные.

Раны веком не залечены,
Богом, видно, так завещано,
ненависть и взгляды скрещены...

Не хватает микротрещины.

ВО МНЕ ЕСТЬ БАЦИЛЛЫ, МИКРОБЫ

Во мне есть бациллы, микробы,
бактерии... Не на руках,
не те, что в утробе, в желудке,
а те, что в душе и в мозгах.

Мешают по жизни бациллы.
Когда заливаю в кадык,
кошмарные силы выходят
на мой в общем вялый язык.

А вирусы? Тоже ведь минус,
во мне душат хитрость и лесь...
и я замечал не один раз:
геройствуешь — нечего есть.

От вирусов всё и микробов —
не можешь лукавить и врать,
кричишь, что народ хочет правды,
даёшь легитимную власть!

Бактерии, как и микробы,
сожрали зарплату мою,
закрыли мне путь на орбиту,
где бонзы жируют в раю.

Но где-то читал — вырви глаз мне! —
микробы полезные есть:
микроб-подхалим, вирус мести,
бацилла по имени лесть.

В аптечку сходил за лекарством,
полезных микробов там — пруд!
бациллы коварства, обмана
изжили мой давний недуг.

И вот, мне всяк пеший — не пара.
Честь, совесть — прощай на года!
Дружу теперь только с сильнейшим,
и с ним побеждаю всегда.
Ча-ча-ча!

ОБ АВТОРЕ

Геннадий Михлин учился в Ленинграде, закончил ЛВИМУ (ныне Государственный университет морского и речного флота). Работал в Балтийском Пароходстве, инженером на производстве, в Мурманске в рыболовецких организациях. С 1990 года живёт и работает в Хельсинки.

В 70-х годах были публикации в «Крокодиле», «Авроре», в периодической печати в Мурманске. Вернулся к литературному творчеству, проживая в Финляндии. Публикации в журналах: «Ямальский меридиан» (Северное издательство), «Север» (Карелия), «Северная Аврора» (С.-Петербург), «Новый берег» (Дания), журнал «Время и место» 2016 г. (США). В Финляндии: «Иные Берега», финский Альманах «Juolukka» (Голубика). Постоянный автор журнала «LiteraruS», Хельсинки. Имеет ряд дипломов Международных поэтических конкурсов. В 2014 году издана книга «По жизни не в ногу...», Сборник «Финское лицо» («Эмигрантский блокнот» № 2).

В 2017 году к 100-летию независимости Финляндии вышел сборник «РАЗБЕГ. Финская поэзия во времени», издательство «Juolukka» (Голубика) С.-Петербург — Хельсинки.

Виктор ДАЛЬСКИЙ
САТИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ

КАК Я БЫЛ РАНТЬЕ

Со всех сторон друзья насели. «Покупай во Флориде. Сейчас все, кому не лень, покупают». Говорю: «Зачем? Мне и в Нью-Йорке хорошо. Здесь — музеи, театры, там — только классы йоги и ураганы. И крокодилы по улицам ползают...» «Нет!», — отвечают: «Ты не понимаешь. Самое время! Мы все уезжаем во Флориду. Многие уже обратно переехали, а мы ещё ничего не купили. Там — море, пальмы, шашлыки, попугаи на каждом углу, наших — видимо-невидимо. Мы тебе и квартиру присмотрели — шикарную. Полгода — здесь, полгода — там. И сдавать не проблема — обогатишься».

«Не хочу во Флориду!», — говорю. «Хочу в Канаду, там — климат похожий. А лучше — в Швейцарию или Каталонию. В крайнем случае — в Австралию». Подвергли остракизму: «С ума сбрендил?! В Канаде зимой морозы, половина территория нежилая. А Швейцария?! Языки варварские, особенно этот — якобы немецкий, его и настоящие немцы не понимают. В Барсе — люди с жиру бесятся, за независимость борются. Австралия вообще на краю света, лететь терпения не хватит!»

Ну, насели друзья, заболтали — спасу нет, согласился, в мечту их поверил. Вещи мои они в чемодан побросали, чековую книжку нашли, в карман бросили, в самолёт по транспортёру забросили. Прилетели в рай: море, солнце, пальмы, омары — всё, как обещали. Но жара — 100 градусов и влажность такая же. Вместо моря — компот, только вместо фруктов — медузы. На пляже всё поле зрения — в белом пуху, как хлопковая плантация, белоголовики со всего мира, на дорогах — кошмар, беглые кубинцы по встречным полосам, как сумасшедшие, гоняют.

Наутро показали дом. Всё, как обещали: консьержи, секьюрити, фитнес центр. Название привлекательное — «Уголок счастья». Вести-

бюль в мраморе, скульптуры обнажённые, фонтанчики. Два зала для йоги — будто мы в Тибете. Розарий... Бассейн — почти олимпийский, хотя на кого рассчитан — непонятно. Жильцы, как один, от ветра качаются, не то, что в бассейн не войти, из квартиры не выйти.

Охрана — церберы, пока ко мне привыкли, 100 раз на день проверяли. В бассейн нырнуть — пропуск предъяви, выйти — звони в секьюрити. До чего дошли — отпечатки пальцев потребовали. Якобы для электронного входа в дом. Но тут я заупрямился, пригрозил в суд подать...

... Месяца через два кое-как приспособился, пытался праздной жизнью наслаждаться. Хотя от скуки ночами на луну выл. Соседи как на подбор — заневоленные пружины: поел-поспал, искупался, в карты или домино сыграл, день жизни вычеркнул. Из развлечений только барбекю, магазины и кино по воскресеньям. Скукотень!

Выжил с трудом, Ай- Кью упал катастрофически.

...Дни до отъезда домой считал, зарубки на стене делал. И аккурат накануне — звонок в дверь, бумагу подпишите. «Ассесмент. Двери будем ставить пуленепробиваемые. 10 тысяч с квартиры». «Какие двери, зачем?» «Обязаны обеспечить безопасность жильцов. Недавно квартиру в доме напротив обворовали. Вот решение правления». Как ни упирался, пришлось подписать...

Умчался домой, начал столичной жизнью наслаждаться. Только расслабился — звонок, и факс по кухне пополз. «Внимание, внимание! Приближается ураган „Зверь!“ Остался год. Решено балконы, стёкла и жалюзи менять на ураганоустойчивые. Срочно подписывайте ассесмент. 30 тысяч». Кое-как наскрёб денюжат, стал опять по театрам и музеям ходить, завершения работ ждать. Поменяли часть балконов, и компания-подрядчик разорилась. Краны размонтированы, окна фанерой заколочены, грязь — несусветная. Перспективы — мутные, арендаторов не заманить. Какой там рантье, какие жильцы?! Полу-банкрот... Решил плюнуть, будь как будет.

А тут из офиса ночью звонят, холодильник потёк. Принимайте меры! Хорошо, говорю, только двери замерьте, чтоб при доставке не промахнуться. Всё промерили, чин-чинарём, новый холодильник заказал и срочную доставку. Вдохнул с облегчением, только рюмку на радостях выпил, опять звонок: «Извините, ошиблись — в дверь не проходит». «Как не проходит?! И где эти идиоты?!», — спрашиваю. «Что замеры делали?». Отвечают без запинки: «Бригадир на пенсию вышел, умельцев расформировали».

Проклял горе-работничков, решил квартиру на продажу поставить. Не успел бумаги оформить, из правления звонок. «Требуется ваша подпись, ассесмент». «Что такое, на что?!» «Надо паркинг переносить, напротив небоскрёб будут строить, 50 этажей». «Какой такой небоскрёб? Я и квартиру-то покупал из-за вида на море, он же перспективу убьёт! И кому выгодно продавать наш паркинг каким-то проходимцам?!» «Не нервничайте так, вас же инфаркт хватит. Не спорьте. Подписывайте и делу конец, вы — последний. А паркинг вынуждены продать — нового подрядчика по балконам нанять. И готовьтесь, будем центральный кондиционер менять. Ко „Дню Благодарения“. 20 тысяч...»

Короче, пью горькую уже месяц. Прощай, иллюзии, прощай, мечта... Где взять деньги?

P. S. Про друзей-товарищей забыл сказать. Трое — банкроты, двое — квартиры бросили, один, самый умный, уже через месяц свои хоромы продал и бежал куда глаза глядят. До сих пор ищем... И никто со мной не разговаривает — обиделись, что сор из миллионной флоридской избы вынес...

МАЛЕНЬКАЯ БАЛКОННАЯ СЕРЕНАДА

Случилось это однажды вечером, аккурат семь ударов башенные часы пробили. Где-то через неделю после начала этой проклятушей эпидемии.

На одном балконе нашего многоэтажного дома появился человек с кастрюлями да поварёшками и начал нечто вроде барабанной дроби отбивать. Да так громко и зажигательно, что изо всех окон любопытные высунулись, а на балконах последователи появились. И тоже с кастрюлями, мисками и поварёшками. И начали жильцы все вместе в посуду стучать, в дудки гудеть, пусть не в унисон, но огромным энтузиазмом.

А дом — огромный, в начале прошлого столетия самый многоквартирный в мире был. Напротив — ещё три гиганта стоят. Тамошние жильцы тоже в стороне не остались, стали греметь, дудеть и барабанивать. И мало-помалу стал ансамбль этих, с позволения сказать, барабанщиков и трубочей довольно слаженно звучать.

А приветствовали они, нужно отметить, врачей и медсестёр из ближайшего госпиталя, которые после изнурительной смены домой возвращались. И те, в ответ, хоть и измученные, но улыбались, музыкантов приветствовали и руками в перчатках в ответ махали.

А тут ещё, откуда не возьмись, колонна пожарных машин из-за угла вывернула и мимо домов наших медленно продвигалась, клаксоня во всю Манхэттенскую.

Ну, проехали пожарные, посигналили, прошёл медперсонал, закопёрщик этой барабанной дробы народу скромно поклонился и в глубине квартиры с семьёй скрылся. Как вдруг, на одном балконе полуодетый виолончелист возник и начал исполнять отрывок из «Неоконченной симфонии» Шуберта. А в доме напротив скрипач на крышу пристройки вылез.

А ещё через мгновение, откуда не возьмись, молоденькая флейтистка со своей дудкой на балкон выбежала. И стало это трио, весьма слаженно, профессионалы, как оказалось, музицировать.

А потом, под восторженные аплодисменты уличных зевак — нарушителей запрета на прогулки — и дисциплинированных жильцов нашего квартала даже на бис сыграли «Маленькую ночную серенаду» Моцарта.

И так этот опыт народу понравился, что вошёл в традицию. Только репертуар и состав участников менялся. Вот сколько талантов и благодарных, тонко чувствующих людей вокруг обнаружилось.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ НА СТОП-СИГНАЛЕ

Дело было в небольшом южном провинциальном городке неназванного царства, неразглашаемого государства, граждане которого весьма законопослушны и вежливы. Не то, что жители мегаполисов типа Нью-Йорка или там Чикаго с Москвой. Никто в городе друг друга не отталкивает, на улицах не плюётся, не мусорит, за собаками исправно убирает и на красный свет под поток летящих машин не бросается. Вот из-за красного света этот нонсенс и случился.

...Дело было под Новый год, там его подавляющее большинство населения празднует, — ну понятно, кроме китайцев, хасидов и ещё кое-кого вроде саудитов и персов, которых там, в глуши, днём с огнём на сыщешь. И не пофартило тамошним отдельным невезучим гражданам, как назло, аккуратно за полчаса до полуночи и начала нового столетия. Итак, эти, по разным причинам слегка припозднившиеся, люди, многие ещё и с малолетними, отчаянно спешили к друзьям и знакомым, чтобы, не приведи господи, к первой вылетевшей пробке шампанского не опоздать.

И тогда-то, внезапно-негаданно, случилась в городе небывалая доселе авария — отказала система управления городскими светофорами. Никогда такого не было, а тут на всех перекрёстках, как назло, и не вовремя, со всех сторон — красный свет. Даже на тех, где обычно жёлтые мигалки мерцали. Горел и не переключался, и не то, что на зелёный — вообще. И город встал, начался коллапс автомобильного движения.

Ну, люди там законопослушные, дисциплинированные, почти как японцы, по тормозам дружно ударили и в сей же миг остановились. Минут через пять, правда, начали сильно нервничать, в клаксоны всю гудеть и проклятиями воздух сотрясать. Но правила никто не нарушал, не приучены, стояли как вкопанные. Ну, потом, самые умные, понятно, резво бросились в полицию названивать и требовать срочно регулировщиков на перекрёсток прислать. Но бесстрашный автоответчик отчаянным призывам не внимал, а только, раз за разом, хриплым пропитым голосом с Новым годом монотонно поздравлял и советовал много не пить.

...А стрелки часов тем временем неумолимо к перелому столетия приближались. Часам — им что, никто красный свет не включал. И люди в машинах, да и пешеходы, на переходах застывшие, вконец уже отчаялись и начали городские власти проклинать. И, не будем скрывать, некоторые заметно озверели и готовы были — не поверите! — светофоры крушить.

Как вдруг одному малолетнему умнику нетривиальная спасительная мысль в голову стукнула: «А почему бы нам здесь, всем вместе, дяденьки и тетеньки, товарищи по несчастью — новое столетие не встретить?! Закуска, знаю, у многих есть, у других — выпивка заморская и Кола со сладостями...»

Надо ли говорить, идея была встречена с огромным энтузиазмом и аплодисментами и мгновенно по другим тупикам и перекрёсткам разнослась. Раскинули авто-горемыки дружно столы складные и стулья, припасы-деликатесы по тарелкам разложили, шампанское и крепкие напитки открыли, и как начали друг дружку угощать и праздновать, обниматься и целоваться. Давно они так весело праздники не отмечали, как выяснилось.

...Разъехались только под утро, когда светофоры кое-как починили, и весь город исключительно зелёными огнями сиял. Но кому это слепящее зелёноглазие мешало? Проблем не вызвало. Люди в городке, уже не раз подчёркивал, сплошь дисциплинированные, каждый води-

тель другого, колёсами расшаркиваясь, пропускал, и, кто-куда и как, все благополучно доехали.

Были, скажу, и другие положительные итоги происшествия. На перекрёстках ведь не только женатые да малолетки застряли. Были и одинокие, которые познакомились, поцеловались и под градусом друг другу понравились, а потому категорически не хотели в разные стороны рулить.

Но, вот незадача, у многих потенциальных молодожёнов общая проблема выявилась — куда мчаться, к кому ехать, к чьим друзьям и родственникам? Или прямо в мэрию катить — регистрироваться? Так некоторые к общему решению до сих пор и не пришли...

ДЫРКА В ГОЛОВЕ

Жила-была одна рядовая, малочисленная семья — муж да жена, но не одна сатана. Муж был спокойный, интеллигентный, весьма достойный дядя. Не в меру, однако, забитый — ужас как! — настырной и крикливой жёнушкой. И как она его только не называла, в чём только не упрекала. И такой он, и сякой, и разэтакий — ни к чему в домашнем хозяйстве не годный. И ленивый, и бесперспективный, и ростом не вышел... Хотя, хочу отметить, именно он в семье — единственный — работал и домой зарплату и медицинскую страховку приносил.

И пилила она его и упрекала 24 часа в сутки, ибо с молодости бессонницей страдала. Без выходных и даже, не поверите, в праздники! А он терпел молча — не огрызался, руки не распускал и о разводе вслух не думал. Иногда только, когда совсем уж донимала, просил униженно: «Да уймись, пила, в печёнку не лезь, ты ж мне дырку в голове своими воплями сделаешь». Ну, а ей что, когда разойдётся? Только градуса в пилёжку и долбёжку добавляло.

И вот однажды, в самый разгар очередных воплей, почувствовал вдруг несчастный, что и в самом деле дырка в голове образовалась. И не такая уж маленькая... Ну он, понятно, сначала не поверил. Пощупал, потрогал, потом — ужаснулся. И, получив уйму совсем уж непристойных комментариев от жёнушки, кепку на голову нахлобучил и ринулся по врачам ходить.

И пришёл к своему семейному и пытался дырку продемонстрировать. Но тот, прямо с порога, прогнал, сказав, что болезнь — не по его

профилю, и страховка с таким диагнозом врачу точно не заплатит. И посоветовал к ортопеду пойти. Почему к ортопеду, спросите? А потому, что дурная, в данном случае — с дыркой, голова ногам покоя, как известно, не даёт. И вдруг ему ещё хромота грозит...

Ну к ортопеду наш дырконоситель не пошёл, а побежал напрямиком в госпиталь специальных операций. Авось там дырку залатают, хирурги все как на подбор — знатные, всемирно известные. Наивный! Там уже в приёмном покое от ворот на поворот недвусмысленно указали. Нечего, мол, прославленным специалистам голову морочить, и так лазером и операционных на всех нуждающихся не хватает...

И по научным конференциям и симпозиумам беднягу по всему миру возили, и пиявки ставили, ничто не помогало. И не то, чтобы дырка росла, но и не затягивалась...

От безысходности помчался к потомственной слепой целительнице — в жадные её загребущие руки. От неё ушёл ну совсем плох — в беспросветном унынии и безысходности. Так гадание на кофейной гуще показало...

Сжалившись, кто-то из друзей врача старой школы присоветовал, тот в далёком прошлом трёх президентов лечил и всех их советников и любовниц. Делать нечего — поплёлся. Тот его внимательно выслушал, дырку со всех сторон осмотрел, ощупал, а потом, вздремнув минутку, совет дал: «Никто тебе не поможет, мил человек, только уморят и разорят. Не учи! купи себе шляпу ковбойскую и ходи в ней по жизни — гордо и весело. И не унывай, не стыдись, ты ведь теперь — мировая знаменитость».

Ну что оставалось делать жертве семейной жизни? Смирился, тяжело вздохнул и...вдруг проснулся — как от толчка. И понял, что спал, сидя в автобусе, а тот внезапно затормозил, к остановке подъехал. И первым делом стал голову ощупывать, дырку искать. Искал-искал, не нашёл, и только улыбнулся, расслабился, как услышал до боли знакомый скрипучий голос: «Нашёл место, где спать, сонный тетерев! всю-то жизнь я из-за тебя, никудышного, профукала! И за что только такое горе на мою голову?!»

Не выдержал такого оскорбления наш герой, в первый раз в жизни сорвался. Оттолкнул с силой хулиительницу, бранными словами на весь автобус осрамил, и по проходу к водителю бросился. Шляпу ковбойскую с головы одного пассажира на бегу сорвал, другому — нахлобучил. И стал громко требовать, чтобы водитель двери немедленно открыл и на свободу его выпустил.

Одного не учёл, не ожидал. Автобусом робот управлял, а роботам — им что? Эмоции неведомы, инструкции нарушать запрещено. А автобус уже от остановки отъехал...

ЖЕРТВА СОВРЕМЕННОЙ ОХОТЫ НА ВЕДЬМ

Узнаменитого режиссёра Пеллегрини уже неделю безумно болела голова от безысходности. Он начисто потерял сон, покой и аппетит. Мэтр совсем было собрался снимать очередной шедевр, как вдруг выяснилось, что нет актёра на главную мужскую роль. Все женские давно распределены, массовка набрана, декорации построены, съёмочные аксессуары подготовлены и даже композитор — незнамо почему — давно уже бьёт по клавишам в творческом угаре.

«Как это нет главного героя?!», — с пеной у рта кричал классик мирового кинематографа родной сестре и — по совместительству — кастинг-директору. «Это заговор, предательство, саботаж! Стоит только заикнуться, что главная роль — в моей картине, будет свалка из звёзд. Это же неминуемый Оскар, плюс Канны и Венеция!» И, совсем зайдясь в судорогах, прорычал: «Уволю!» А умной сестры уже давно и след простыл.

...Пришлось мэтру самому героя искать. И звонит он лучшему другу, лауреату и члену академии, и предлагает сниматься. А тот, вместо просьбы прислать сценарий, спрашивает: «Любовные сцены есть?!» И не дожидаясь ответа, отказывает: «Знаю тебя, опять эротику нагонишь, а меня потом за сексуальные домогательства привлекут! Я, хоть и гей, недавно чуть не пострадал. Веру Шульц помнишь, мы 20 лет церемонии конкурса „Алло, мы ищем животных!“ вели. Так эта скотина заявила, что я её, не помнит, когда, но уверена — на суде вспомнит, на мгновение приобнял, давая слово у микрофона. А у неё спина была оголённая, и она как задрожала, так и дрожит до сих пор...» И трубку швырнул.

Позвонил тогда режиссёр актёру, которого сделал знаменитым, и его в картину пригласил. А тот в ответ лишь судорожно захохотал и протестуя руками замахал: «Я что — сумасшедший?! У тебя кто главную женскую роль играет? Одри Остроглаз? Она же Харви на 20 лет в тюрьму засадила, а я с ней у него в картине „Секс втроём — око за око“ снимался. Вдруг скажет, что был с Харви в сговоре и силой втолкнул той ночью к нему в номер — со связанными руками, без трусиков и лифчика?!»

...Тут он в студийном буфете случайно натолкнулся на знаменитого сэра Эндрю. Но вельможный сэр, как последний уличный воришка, только его заметил, бросился наутёк с криками: «Не хочу, не буду, не могу! Сам знаешь, какие времена нынче бредовые. Я и к жене на пушечный выстрел не подхожу. И к теще!»

И решил тогда лауреат-оскароносец среди своих студентов «Академии кино» героя искать. Собрал юношей-отличников, объявил о кастинге, а девушек, чтоб не подслушивали, послал свадьбы в «Центральном парке» снимать. Но умные ребята, едва услышав рабочее название фильма — «Запах девственности», наперегонки в ректорат рванули и к другому мастеру на курс слёзно попросились...

...Подумал наш герой, погоревал, депрессию пережил и засел сценарий переписывать. Попыттел-помучился и сотворил монопьесу, которую назвал «Верните мальчикам флирт!» И сам же главную роль сыграл. А на премьеру ни одну женщину не пригласил. Даже сестру родную. И вскоре получил приз «За худшую мужскую роль» на первом международном театральном фестивале феминисток «Нет неприкасаемых!», где был единственным мужчиной-участником. И где перед началом просмотра был дружно освистан и забросан тухлыми яйцами...

С ЦИЦЕРОНОМ НА ДРУЖЕСКОЙ ВОЛНЕ

Марк Тулий Цицерон высказал нижеприведённые наблюдения в 43 г. до нашей эры, актуальные, уверенны, и сегодня. Единственное, пришлось несколько дополнить цитаты великого оратора и философа — с учётом реалий сегодняшнего дня. Начинаем, естественно, с фраз первоисточника.

Бедный: работает и работает. **Бедный или:** *работает, работает, задыхаясь от безысходности в тоске и безденежье; или — никогда не работал, не работает и не собирается, припеваючи живя за счёт подачек государства и считая всех других дураками.*

Богач: эксплуатирует бедных. **Богач:** *работает, работает как сумасшедший, без сна и отдыха, нещадно эксплуатируя всех подряд и становясь всё богаче. Точно знает, что все его ненавидят — вне зависимости от масштабов благотворительных деяний и благородных прокламаций.*

Солдат: защищает обоих. **Солдат:** защищает непонятно кого, зачем и где, часто вдали от родины, не ведая, когда этот ужас закончится и вернётся ли домой.

Налогоплательщик: платит за всех троих, но... **Рядовой:** кричит и, скрепя сердце, законопослушно платит налоги. **Миллиардер:** проклинает законы и бездельников, ищет любые легальные и нелегальные способы избежать налогообложения и обдумывая как сбежать в страны налогового рая.

Банкир: грабит всех четверых. **Банкир:** неустанно думает, как увеличить масштабы грабежа сограждан, беззастенчиво пользуясь бездействием и попустительством государства, которому наплевать на проблемы людишек из народных толщ.

Адвокат: обманывает всех пятерых. **Адвокат:** обманывает всех пятерых, не забывая методично увеличивать плату за свои услуги и сроки сервисов.

Доктор: выставляет счета всем шестерым. **Доктор:** выставляет астрономические счета всем шестерым и страховым компаниям за липовые и ненужные процедуры и визиты.

Разбойник: запугивает всех семерых. **Разбойник:** смертельно запугал всех семерых. Пользуясь моментом, крушит витрины и грабит дорогие магазины, уповая на безнаказанность и всепрощение. Одновременно не забывает громко кричать о социальной справедливости и расовой угнетённости пра-пра-пра-дедов.

Политик: живёт счастливо за счёт всех восьмерых. **Политик:** держится за кресло, вцепившись намертво. Живёт припеваючи за счёт всех восьмерых и спонсоров избирательных кампаний. В душе презирает протестующих избирателей, мечтает передать кресло детям. Тайно собирает средства на прижизненный памятник в столице.

Согласны?!

ОБ АВТОРЕ

Виктор Дальский (Виктор Рашкович) — писатель-сатирик, сценарист, переводчик, продюсер. Творческую карьеру начал в Санкт-Петербурге, в России. Будучи писателем-сатириком, регулярно публиковался в «Литературной газете», «Литературной России»,

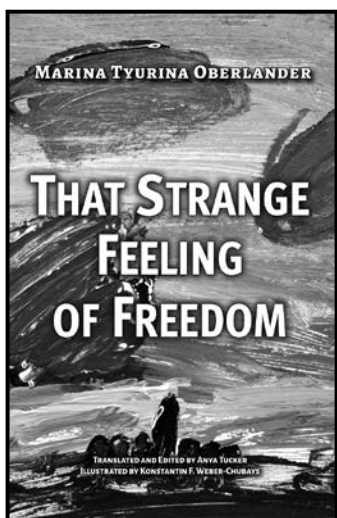
«Юности», «Авроре», «Театре». Долгие годы активно сотрудничал с «Театром миниатюр А. Райкина».

По его сценариям поставлено 32 телевизионных, документальных и научно-популярных фильма. Написал (в соавторстве с В. Жуком) несколько пьес для детей и юношества.

В американско-русском международном литературном журнале «Времена» опубликована его серия коротких рассказов и пьеса «Короткий век любви», намеченная к постановке в театре на Офф-Бродвее.

Ещё в России Виктор начал активно работать в качестве импресарио — в России, Швейцарии, Израиле, Лихтенштейне. В 1993, после переезда в Нью-Йорк, стал со-основателем (с А. Журбиным) и директором первого в стране русско-американского театра «Блуждающие Звёзды».

Виктор Рашкович — президент основанной им компании *Lege Artis Entertainment*, которая многократно успешно продюсировала гастролы в США, Канаде и Европе различных театров, творческих ансамблей и групп.

THAT STRANGE FEELING OF FREEDOM
by Marina Tyurina Oberlander

Недавно вышедшая из печати (на английском языке) книга вобрала в себя рассказы и новеллы, написанные в Америке (за исключением одного) в последние десять лет. И не случайно сборник имеет такое символическое название — “That Strange Feeling of Freedom” (Это странное чувство свободы)... Автор, известный русско-американский поэт и переводчик Марина Тюрина Оберландер, эмигрировавшая в США из России почти четверть века назад, пишет абсолютно раскрепощенно, свободно, не испытывая никаких творческих ограничений и запретов. Ее рассказы и новеллы — не традиционная *проза поэта* с непременно лирической, романтической, исповедальной струей.

Это иная литература — остро сюжетная, иногда фантазмагорическая, отличающаяся строгой, жесткой лексикой. Это литература мыслей и чувств, но прежде всего — мыслей.

«Я считаю себя счастливым человеком, — говорит о себе Марина. — Может быть, потому, что мое отношение к жизни всегда было позитивным. В начале 2000-х годов я оказалась в США и поселилась в Вашингтоне, округ Колумбия. Это был не просто переезд в другую страну и другую культуру. Это было обретение чувства свободы. Я поняла, что могу свободно выражать свои мысли и чувства, сбросив сеть ограничений и правил, опутавших меня в моей собственной стране. Моя первая оригинальная книга была опубликована в 2008 году, за ней последовали еще пять. Я начала писать рассказы — это была моя вторая попытка. Первая была в 1970-х годах, но не удалась — несколько рассказов я позже сожгла их вместе с дневниками и стихами, написанными ранее — хранить их было слишком опасно. Один рассказ уцелел, и я включила его в этот сборник».

Все рассказы Марины Тюриной-Оберландер основаны на событиях, свидетелем которых она была, с определенной долей воображения и даже с оттенком волшебства. Может быть потому, что ее любимыми книгами с детства были сказки, и она до сих пор верит в чудеса... С рассказами и новеллами сборника читатели могли ранее познакомиться на русском языке — они публиковались в различных изданиях. Теперь они звучат на английском.

Приобрести книгу можно на Амазоне или через сайт издательства:

mgraphics-books.com/product/strange-feeling-freedom-mto/

**С ВОПРОСАМИ
 ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

✉ mgraphics.books@gmail.com / info@mgraphics-books.com

🌐 www.mgraphics-books.com ☎ 781-990-8778 (9 AM-4 PM)

...неистово взывала сирена, и жители побежали в открытые двери храма, крестясь и проклиная орков. Проклиная тех, кто разрушал их мирную жизнь. Священники молились и читали псалмы, и в них красиво так пелось, что всякий человек — храм Божий, и прямое назначение его быть ангелом на земле и небесным человеком. Бомбы и ракеты ложились всё ближе, и многие воскликнули: рашисты бомбят кладбище! Они воют с мёртвыми! Мозг изо всех сил сопротивлялся отображать суть реальности. Церковь трянуло, и все свечи погасли. Зазвонил сам по себе колокол...

Светлана Новик

*в прифронтовых полях не сжаты
стоят понурые хлеба
гниют расклёваны буряты
испив до дна судьбу раба*

*не скобари не гречкосеи
но иже с ними — под ружьё
сыны побочные рассеи
а пуще — пасынки её*

Павло Рыцарь

Старый Лис всё ещё надеялся найти новый лес, без людей и капканов.
— Хорошо хоть, — ворчал он, — я родился лисом, а не человеком. Небось, человеком ещё страшнее. Да и капканы у них похитрее будут. Что, не так?
И пугливые сойки вскрикивали, соглашаясь.

Лада Миллер

*Не вынесли вы со Святою землёю разлуки
И едете к нам из России, еврейские внуки.*

*Там плохо и страшно. Там в воздухе запах беды.
Теперь вас спасают забытые вами деды.*

*Летите, забрав всех своих домочадцев с собой,
Чтоб вас не коснулся извечный российский разбой.*

Борис Камянов

- Один из самых действенных соблазнов зла — призыв к борьбе. Она — как борьба с женщинами, которая заканчивается в постели.
- Клетка пошла искать птицу.

Франц Кафка

— Ты перестаёшь быть счастливым, когда становишься стариком, — отвечает он, открывая глаза. — Ты переходишь в другое измерение. Это как сон. Или как перемещение на другую планету. Где можно устроиться даже совсем неплохо, но счастья там не предусмотрено. Счастье целиком в прошлом. Тебе остаётся только пытаться вспоминать о нём. Иногда это доставляет тебе удовольствие, иногда — боль.

Фурио Бордон